

Хельмут Кёниг

Будущее прошлого

Национал-
социализм
в политическом
сознании
ФРГ

Хельмут Кёниг

Будущее прошлого

Национал-
социализм
в политическом
сознании
ФРГ

Helmut König

Die Zukunft der Vergangenheit

Der Nationalsozialismus
im politischen Bewußtsein
der Bundesrepublik

Frankfurt am Main
Fischer Taschenbuch Verlag
2003

Хельмут Кёниг

Будущее прошлого

Национал-
социализм
в политическом
сознании
ФРГ

Москва
РОССПЭН
2012

УДК 329(430)
ББК 66.1(4Гем)
К33

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Немецкого культурного центра им. И. В. Гёте в Москве*

Кёниг Х.

К33 Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ / Х. Кёниг ; [пер. с нем. Л. Ю. Пантиной]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 164 с.

ISBN 978-5-8243-1689-6

Проблема «преодоления» наследия нацистского прошлого всегда занимала центральное место в политическом сознании ФРГ и в разные периоды ее существования решалась по-разному. По мнению немецкого историка и политолога Х. Кёнига, в 1990-е гг. начался новый этап в истории «преодоления прошлого» в ФРГ. В своей книге Кёниг рассматривает его особенности, предлагая включить тему «преодоления прошлого» в общий для всех стран контекст перехода от диктатуры к демократии.

Книга предназначена для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся современной историей ФРГ и Европы.

УДК 329(430)
ББК 66.1(4Гем)

ISBN 978-5-8243-1689-6

© Fischer Taschenbuch Verlag in der
S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am
Main, 2003

© Пантина Л. Ю., перевод на русский
язык, 2012

© Российская политическая энциклопедия,
2012

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА, ПОНЯТИЯ, ТЕЗИСЫ

Эта книга представляет собой эссе о значении национал-социализма в политическом сознании Федеративной Республики Германии. Я выдвигаю три тезиса:

1. Для политического сознания ФРГ отношение к национал-социализму играет центральную роль (часть I).

2. С начала 1990-х гг. ФРГ вступила в новую фазу своих взаимоотношений с нацистским прошлым, которая заметно отличается от прежних фаз (часть II).

3. Пришло время включить вопрос «преодоления прошлого», с целью сравнительного анализа на международном уровне, в систематический контекст смены политических систем и процессов демократизации, не рассматривая его больше исключительно как проблему современной истории ФРГ (часть III).

Здесь нужно сразу прояснить два основных понятия, с которыми я работаю в книге: «преодоление прошлого» и «политическое сознание».

Термин «преодоление прошлого» стал употребляться в ФРГ примерно в середине 1950-х гг. Тогда он стоял в контексте нравственно-теологического взгляда на политику и подразумевал индивидуальное испытание себя и своей совести. Затем он быстро перешагнул эти границы и превратился в центральное понятие, которое обозначало вообще полемику Федеративной Республики Германии с наследием нацистского режима¹.

Этот термин всегда подвергался критике, поскольку он как будто предполагал, что прошлое можно задним числом изменить либо раз и навсегда с ним покончить, и поскольку слово «одолеть, преодолеть» имеет некий насильственный подтекст. Многие предлагали другие концепты. Самая известная альтернатива – «обработка прошлого», возникшая благодаря названию одного доклада Т. Адорно в 1959 г. Петер Райхель в середине 1990-х гг. ввел в обращение выражение «культура памяти». Оба понятия относятся в основном к сфере образования и воспитания либо к области политической культуры с идущими здесь дебатами о самоидентификации. Норберт Фрай в одном значительном исследовании по современной истории оперировал термином «полити-

¹ Более подробно и доказательно см. об этом: König H., Kohlstruck M., Wöll A. Einleitung // *Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts* / hg. H. König, M. Kohlstruck, A. Wöll. Opladen; Wiesbaden, 1998.

ка относительно прошлого», имея в виду пакет политических мер, принятых в первые пять лет существования ФРГ, благодаря которым множество нацистских преступников и бывших членов НСДАП воспользовались плодами различных амнистий и были интегрированы молодой демократией. Эдгар Вольфрум предпочитал говорить о «политике относительно истории»². Данное понятие впервые появилось в 1986 г.³ Преимущество обоих упомянутых обозначений заключается в том, что они ставят в центр внимания ограниченный, ясно называемый аспект дела. Для эмпирического исследования это имеет смысл. Но у такого преимущества есть свой недостаток: явления, о которых идет речь, не попадают в поле зрения во всей полноте. Поэтому я по-прежнему предпочитаю термин «преодоление прошлого». Он шире и охватывает весь спектр политических, культурных, юридических, научных, педагогических, эстетических и религиозных измерений рассматриваемой темы. Совокупность аспектов не должна заслоняться понятиями, которые чересчур быстро проводят границы. Слишком важен предмет разговора: возникновение ФРГ после катастрофы Холокоста и ее развитие из наследия так называемого Третьего рейха несводимы к тому или иному политическому полю. Нацистское прошлое наложило глубочайший отпечаток на все сферы общественно-политического существования Федеративной Республики Германии. Вместе с тем в последней главе книги я подробнее покажу, что термин «преодоление прошлого» – не расплывчатое обобщение, что с его помощью можно достаточно точно обозначить ряд политических и общественных задач, путей и целей.

С проблемами, которые связаны с термином «преодоление прошлого», разобраться довольно легко. Они касаются не основополагающих содержательных моментов, а всего лишь вопроса целесообразности. Иначе обстоит дело с понятием «политическое сознание». Оно вызывает гораздо более весомые и существенные трудности, поскольку затрагивает как раз проблемы содержательного и принципиального характера. Вот сравнительно безобидные вопросы (хотя и на них ответить непросто). Что такое политическое сознание? Как

² Adorno T. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit // Adorno T. W. Eingriffe. Neun kritische Modelle. Frankfurt a. M., 1963; Reichel P. Politik mit der Erinnerung. München; Wien, 1995. S. 331 (Райхель в этой книге отвергает термин «преодоление прошлого», зато в более поздней даже выносит его в заглавие: Reichel P. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. München, 2001); Frei N. Vergangenheitspolitik. München, 1996; Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. Der Weg zur bundesrepublikanischen Erinnerung, 1948–1990. Darmstadt, 1999.

³ См.: Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. München, 2001. Bd. 2. S. 446.

его можно определить? В чем оно выражается? Где доступно восприятию и наблюдению? Проявляется ли оно на выборах или в речах политиков, в болтовне за столиками в пивных, в высказываниях ученых и интеллектуалов, в литературе или опросах общественного мнения, в программах политических партий или вердиктах судов, в развлечениях на досуге или в градостроительстве? В частной или общественной сфере? Только в словах или и в молчании тоже?

Становится еще труднее, когда речь заходит об основных носителях политического сознания. Могут ли государства, может ли ФРГ его иметь? Разве сознание не есть нечто свойственное только индивидам, а не группам, коллективам и нациям? Вдобавок очень сложно прояснить отношение между сознанием и поведением: детерминируется ли поведение индивидуальным сознанием или здесь намного важнее совсем другие факторы? И наконец (но отнюдь не в последнюю очередь), нужно найти ответ на общий вопрос о том, какое значение следует придавать сознанию в политике. Какую роль играет оно в политических процессах, при диктатурах и демократиях, при политических крушениях и смене систем? Является ли оно независимой переменной, от которой зависит все остальное, или, наоборот, зависимой переменной, которая сама подстраивается под процессы, вызванные чем-то иным?

По-видимому, говорить о политическом сознании ФРГ – значит поднимать столько сложных проблем, что так и напрашивается вывод о необходимости избегать подобной формулировки. И тем не менее при всех, отнюдь не малых, трудностях я не хочу от нее отказываться. Верно, что сознание проявляется только индивидуально, но верно и то, что индивидуальное сознание устроено не как монада, а самыми разными способами связано с надындивидуальными данностями. Эти связи, может быть, трудно вычленить по отдельности, но, несомненно, именно общество намечает круг тем, понятий, мыслительных и нарративных форм, в котором вращается индивидуальное сознание. Число вариантов политического сознания не бесконечно, поскольку индивидуальное сознание всегда имеет в своем распоряжении лишь ограниченный набор мыслимых альтернатив. Есть задаваемые понятия, категории и нравственные правила, которые управляют социальной коммуникацией и соответственно формируют индивидуальное сознание, забывание и запоминание, формы восприятия и речи⁴. (На этом, правда, критические вопросы к понятию «политическое сознание» ни в коем случае не кончатся, что я покажу подробнее в гл. 5 на примере позиции Дэниела Гольдхагена.)

⁴ Ср.: Stölting E. Nachwort zu Michael Schornstheimer, Bombenstimmung und Katzenjammer. Vergangenheitsbewältigung, Quick und Stern in den 50er Jahren. Köln, 1989. S. 345 ff.

По мере того как индивидуальное сознание развивается в кругу трансцендентальных понятий и норм, выделяются специфические темы, имеющие главное значение для политического сознания общества. В них кристаллизуется и концентрируется то, что занимает мысли общества и определяет его представление о себе. Многое говорит в пользу предположения, что в случае ФРГ такой центральной темой является национал-социалистическое прошлое. Подобная гипотеза влечет за собой утверждение, что недостатки и трансформации, выявляющиеся в споре с национал-социалистическим прошлым, представляют собой недостатки и трансформации политического сознания. А это, в свою очередь, заставляет сделать вывод об отчетливо политическом характере всего, что говорилось и будет говориться в ФРГ о национал-социализме. Подытожим: любое высказывание о нацистском прошлом, выходящее за рамки чисто научно-академической сферы, делается с пониманием того, что оно будет придирчиво рассматриваться на предмет выводов, связанных именно с таким толкованием этого прошлого. Тем самым оно автоматически оказывается на одной из сторон в тематическом поле, которое имеет чрезвычайно высокий конфликтный потенциал.

Не следует, впрочем, думать, будто в ФРГ существует некое монолитно единое отношение к данной центральной теме. Мы здесь, скорее, имеем дело со значительным разнообразием реакций. В kaleidoscope мнений, позиций, поведенческих установок различаются доминантные и менее доминантные формы сознания. К тому же конкретное соотношение сил не устанавливается раз и навсегда: оно претерпевает смещения и преобразования, отмечающие определенные, поддающиеся вычленению фазы.

Таким образом обрисовываются контуры изложенного в предлагаемой читателю книге. В основе ее лежит утверждение, что политическое сознание ФРГ с самого начала определялось главным образом отрицательным отношением к нацистскому прошлому. Однако в истории ФРГ можно найти весьма различные варианты и формы данного отношения. Эти варианты и формы, разбивающиеся на четыре фазы, будут кратко представлены и охарактеризованы в первой части книги. Приводя хронологические и исторические доводы в пользу сказанного, я затем подхожу к мысли, что в 1990-е гг. дискуссия с нацистским прошлым в ФРГ вступила в новую фазу, которая заметно отличается от предыдущих и знаменует собой глубокий перелом.

Новой эпохе преодоления прошлого в 1990-е гг. посвящена вторая, самая подробная часть книги. Я привожу здесь целый ряд событий в доказательство того, что значение нацистского прошлого в политическом сознании ФРГ спустя полвека после окончания Второй мировой войны коренным образом изменилось.

Первый признак справедливости моего диагноза – роль, которую сыграло нацистское прошлое в аргументах левых поколения 1968 г. против единства Германии. Я покажу, что такая позиция объяснялась идентификационным признанием вины, определявшим отношение поколения 1968 г. к своим родителям, и что к началу 1990-х гг. она омрачала политический рассудок и заводила его в тупик (гл. 2).

Второе доказательство в пользу моего диагноза основывается на изменениях, которые произошли, когда к нацистскому присоединилось «гэдээровское» прошлое. Этот факт ясно показывает, что история преодоления нацистского прошлого все больше выступала на передний план по сравнению с самим отношением к нему. Вопрос о подобающей полемике с нацистским прошлым обогатился пластом саморефлексии⁵. Преодоление нацистского прошлого становится фоном для спора с прошлым ГДР. Эту взаимосвязь я поясняю, рассматривая проблему преодоления прошлого в области уголовного права и роль, которую играет при этом запрет обратного действия законов (гл. 3).

Третье наблюдение заключается в том, что даже в тех случаях, когда кажется, будто на поле преодоления прошлого в 1990-е гг. правят бал те же скандалы, какие были характерны для 1950-х и 1960-х гг., в действительности происходит нечто иное. Персональные скандалы 1990-х гг. не дополняют драмы прежних десятилетий новыми сценами – они им подражают, цитируют их. Так, дело Шнайдера/Шверте, на мой взгляд, скорее дает повод для систематической рефлексии на тему общих обвинений, связанных с происхождением ФРГ от национал-социализма, нежели служит пищей для новых, актуальных сомнений в ее демократической сущности (гл. 4).

Четвертое наблюдение относится к книге Дэниела Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера». Смущает уже тот факт, что в дебатах по поводу книги в ФРГ нигде невозможно обнаружить линию фронта между «вытеснителями» и «разъяснителями», столь характерную для прежних фаз преодоления прошлого. Антиподами Гольдхагена выступают не поборники подведения черты под нацистским прошлым, а ученые и публицисты, которые сами интенсивно и активно стараются прояснить условия, функциональную логику и последствия господства национал-социалистов. Но не этот аспект я ставлю во главу угла собственного анализа. Я стремлюсь показать, что у Гольдхагена существует противоречие между объяснением Холокоста и славословиями по поводу развития ФРГ. Если верны его утверждения

⁵ Впервые так выразился Михаэль Кольштрук. См.: Kohlstruck M. Zwischen Geschichte und Mythologisierung. Zum Strukturwandel der Vergangenheitsbewältigung // Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts. См. также: Idem. Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen. Berlin, 1997.

об успешном преодолении прошлого в Германии, то не выдерживают критики объяснения, которые он дает Холокосту, и наоборот. Данный пример свидетельствует, что история преодоления прошлого в ФРГ имеет значение даже для научного анализа Холокоста (гл. 5).

Наконец, в-пятых, я утверждаю, что, в силу всего вышесказанного, с начала 1990-х гг. мы имеем дело с новой фазой преодоления прошлого в ФРГ, поскольку в центре дискуссий теперь стоят почти исключительно вопросы коммуникации по поводу нацистского прошлого, а политические решения в материальном поле политики уже не являются определяющими для политической повестки дня. Согласно моим предположениям, именно такая точка зрения с 1990-х гг. накладывает характерный отпечаток на все формы преодоления прошлого. Короче говоря, новое в преодолении прошлого в 1990-е гг. заключается в переходе от принятия решений к коммуникации (гл. 6).

В последней части книги на передний план выходят интересы систематизации. Исходя из опыта ФРГ, я намечаю концептуальные рамки преодоления прошлого, которые могли бы пригодиться и для сравнительного анализа в международном масштабе. Я выступаю за комплексный подход к теме и вписываю ее в контекст явления, которое в сухом языке социальной науки носит название «смена системы» или «трансформация», а прежде именовалось даже «революцией».

Книга написана на базе работ, выходявших независимо друг от друга в разных местах. Для части I я использую отрывки рассуждений, которые впервые были опубликованы в составленном Вольфгангом Кульманом, Клаусом Швабе и мной сборнике «Замятое прошлое. Дело Шверте и национал-социалистическое прошлое немецкой высшей школы» (*Vertuschte Vergangenheit. Der Fall Schwerte und die NS-Vergangenheit der deutschen Hochschulen* / hg. W. Kuhlmann, K. Schwabe, H. König. München, 1997). В часть II вошли статьи «Немецкое единство в тени национал-социалистического прошлого» (*Leviathan*. 1992. Н. 3); «Анти-антикоммунизм и национал-социалистическое прошлое в Германии» (*Leviathan*. 1992. Н. 4); «Юридические тонкости на политическом льду» (*Leviathan*. 1997. Н. 4); «От диктатуры к демократии» (*Der Fall Schwerte im Kontext* / hg. H. König. Opladen; Wiesbaden, 1998); «О разнице между сознанием и поведением в Германии» (*Leviathan*. 1998. Н. 1); «Преодоление прошлого при демократии» (*Von der Bonner zur Berliner Republik* / hg. R. Czada, H. Wollmann. Wiesbaden, 2000). В части III использована статья «Что такое преодоление прошлого?» (*Vergangenheitsbewältigung am Ende des 20. Jahrhunderts* / hg. H. König et al. Opladen, 1998). Все публиковавшиеся в свое время сочинения я для этой книги переработал и изменил. Это потребовалось хотя бы потому, что здесь собранные вместе тексты служат для раскрытия тезисов, которые первоначально с ними не связывались.

**I. ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА
ГЕРМАНИЯ
И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПРОШЛОЕ**

1. ЛИНИИ РАЗВИТИЯ

Негативное отношение к национал-социалистическому прошлому с самого начала являлось определяющим для политического сознания ФРГ. Варианты и формы этого негативного отношения заметно отличаются друг от друга. Утверждение, что с 1990-х гг. мы вступили в новую фазу дискуссии с нацистским прошлым, будет выглядеть правдоподобным лишь в том случае, если представить, хотя бы в общих чертах, предшествующие фазы.

Четыре фазы

История преодоления прошлого в Федеративной Республике Германии разделяется на четыре фазы:

1. Послевоенное время. Имеется в виду период с конца войны до образования ФРГ. Для этой фазы характерны так называемые дебаты о вине, в ходе которых темы национал-социализма, войны, уничтожения людей обсуждались с сильным морально-абстрактным уклоном.

2. 1950-е гг. Это основная часть эпохи Аденауэра. В данной фазе преодоление прошлого отмечено двойственной стратегией. Нацистские преступники, активные приверженцы господства национал-социалистов интегрируются в новую демократию путем амнистии и амнезии, но в то же время молодая германская демократия в своей политике и самоидентификации проводит четкую грань между собой и национал-социализмом.

3. «Длинная волна» с 1960 по 1990 г. В этой фазе негативное отношение к нацистскому прошлому становится главным интерпретационным шаблоном политической культуры в ФРГ.

4. Новая федеративная республика. После восстановления единства Германии память о национал-социализме и Холокосте по-прежнему занимает большое пространство, но координаты этой памяти претерпели коренные изменения. Национал-социализм из феномена современной истории все больше превращается в историческое событие.

Такое членение служит лишь для общей ориентировки. Смущает, конечно, весьма различная продолжительность указанных фаз. Естественно, можно предложить другую периодизацию, можно про-

должить разбивку и дифференциацию внутри выделенных периодов. К тому же, разумеется, каждая фаза не падает с неба: всегда бывают признаки, предвещающие ее наступление, и отголоски, продолжающие существовать после ее окончания.

Легче всего достичь консенсуса относительно первой и второй фаз. «Длинная волна» 1960–1990 гг. наверняка вызовет больше сомнений. За эти тридцать лет, могут возразить мне, произошло столько разного и несходного, что они никак не укладываются в единую фазу. Данный отрезок времени начался с возведения Берлинской стены, закрепившего раскол Германии, и завершился ее воссоединением. Он охватывает поздний период правления Аденауэра, эпохи «большой коалиции», социал-демократических канцлеров Брандта и Шмидта, правления Хельмута Коля; на него приходятся громкие бунты внепарламентской оппозиции, расцвет левого терроризма, «спор историков», распространение фильма о Холокосте и речь Рихарда фон Вайцзеккера в 1985 г.

Тем не менее, при всей своей политической пестроте и богатстве конфликтами, эта фаза демонстрирует удивительное единство с точки зрения отношения к нацистскому прошлому. Никогда прежде оно не играло в политическом сознании ФРГ такой роли, как во время длинной 30-летней волны начиная с 1960 г. Прежде всего тема нацистского прошлого стала в данный период важнейшим элементом конфликта поколений. Поколению родителей не только ставили в вину преступления нацистского режима, его упрекали также в отрицании и «вытеснении» этих преступлений. На протяжении всей «длинной волны» тема отношения к нацистскому прошлому и Холокосту безраздельно властвовала на поле политической культуры в ФРГ.

В первой фазе, до образования ФРГ, нацистское прошлое рассматривалось в туманных нравственно-религиозных категориях. Эпоха 1933–1945 гг. помещалась в политически и исторически «потусторонний» мир. Для второй фазы, 1950-х гг., была характерна интеграция тех, кто принимал участие в нацистских преступлениях, сочувствовал им или пользовался их плодами, в политическую систему новой федеративной республики при полном разрыве с идеологией и практикой нацизма в официальной самоидентификации ФРГ. В третьей фазе память о национал-социализме и уничтожении евреев стала центральным элементом политического сознания Германии. После краха социалистических систем в Восточной Европе и восстановления германского единства началась четвертая фаза в дискуссии с нацистским прошлым. Развал реально социалистических режимов и обусловленное им добавление второго диктаторского прошлого, требующего преодоления, – не единственная тому

причина. Прежде всего полемика с нацистским прошлым отныне не может разворачиваться в координатах семейной или межпоколенной драмы. Вместе со старением поколения 1968 г., на формировании которого сильнее всего сказалась «длинная волна», устаревает психоаналитическая теория вытеснения, занимавшая главное место в нарративе по поводу обращения ФРГ с национал-социалистическим прошлым. В 1990-е гг. ее сменяет функционалистская теория памяти, идущая от французского социолога Мориса Хальбвакса (Альбвакса). Взглянем пристальнее на отдельные фазы.

Послевоенное время: мораль вместо революции

Проблему, о которой шла речь в 1945 г., легко описать сухим языком социальных наук. В Германии мы имеем дело с крайним случаем политического преобразования в условиях победоносно завершённой союзниками по антигитлеровской коалиции войны против величайшего человекоубийственного режима в истории. Одним словом – со сменой системы, переходом от диктатуры к демократии. Проблема заключается в том, как начать все сначала после политической и нравственной катастрофы.

Типичные в данном случае задачи определяются с помощью трех простых вопросов. Во-первых, речь идет об *объеме* перемен, т. е. о том, сколько всего нужно изменить, чтобы переход от диктатуры к демократии действительно совершился. Что значит начать сначала? Достаточно ли для этого создать новые политические институты: партии, парламенты, выборы, разделение властей, свободную прессу, демократическую систему образования и т. д.? Или нужно еще принципиально иначе, по-новому организовать производство? И какое значение имеет для нового начала политическое сознание?

Во-вторых, встает вопрос о *субъекте действий*. Кто должен и может изменить то, что подлежит изменению? Кто решает, что и как надо менять? Кто, следовательно, является действующими лицами, проводниками и носителями перемен? Кто назначает себя или назначается (кем?) на роль такого субъекта и чем это назначение легитимизируется?

Наконец, третий вопрос касается *способа* осуществления перемен. Как, какими путями и средствами следует изменять подлежащее изменению? С помощью революционного насилия или более цивилизованных инструментов политики – законов, программ, денег? И, в частности, что делать с активными сподвижниками, сторонниками, попутчиками старого режима, с теми, кто получал от него выгоду?

Ответ на второй вопрос – самый легкий и наиболее чреватый последствиями. В 1945 г. немецкого политического субъекта действий не существовало. Объем изменений устанавливали оккупационные власти союзников, они же определяли, как эти изменения должны претворяться в жизнь.

Для ответа на вопрос об объеме и масштабах перемен решающее значение имеет концепция истоков национал-социализма. Предложения по преобразованиям зависят от господствующей на данный момент теории фашизма. В 1945 г. имелись ее марксистско-социалистическая и буржуазно-демократическая версии. Одна исходила из того, что социалистический общественный строй надежно гарантировал бы невозможность расцвета фашизма, другая, напротив, утверждала, что функционально эффективная, ценностно ориентированная парламентская демократия западного образца, невзирая на экономические кризисы, ни за что не допустила бы национал-социализм к власти.

В этом смысле конституция ФРГ учитывала печальный опыт рухнувшей республики, прежде всего упраздняя властные полномочия президента Веймарской республики, вводя конструктивный вотум недоверия, гарантируя меры, направленные против антидемократических течений, в частности против возможного превращения демократических процедур в орудие антидемократических политических движений. ГДР же в качестве точки отсчета избрала не конец, а начало Веймарской республики. Идентифицируя себя с завершением прерванной на полпути революции 1918–1919 гг., она обобществила средства производства, лишила прав буржуазию и крупных землевладельцев, дабы построить рабоче-крестьянское государство.

Вопрос о путях и средствах необходимых изменений приобретал особое значение в связи с кадровым наследием нацистского режима. Следует ли яростно сводить с ним счеты «диким» образом или предпочесть упорядоченную, по возможности судебную форму приговоров и амнистий? Ответ союзников сразу после войны известен – уголовные процессы и комплексные процедуры денацификации. Но он отнюдь не был ясен с самого начала. Как ни удивительно, первым его предложил Советский Союз. Черчилль, напротив, довольно долго и совершенно серьезно носился с мыслью о том, чтобы безоговорочно ставить всех нацистских преступников к стенке¹. Многие эмигранты думали так же. Томас Манн 4 мая 1945 г. записал в дневнике, что «стоило бы уничтожить около миллиона», правда, тут же добавил,

¹ См.: Taylor T. Die Nürnberger Prozesse. Hintergründe, Analysen und Erkenntnisse aus heutiger Sicht. München, 1994. S. 45 ff.

что вряд ли возможно «казнить миллион человек, не перенимая методы нацистов»².

За столь радикальными идеями чистки стояло представление, будто для нового начала нет иного пути кроме решительной и кровавой расправы с лицами, ответственными за нацистскую диктатуру. В политическом языке подобные крутые перемены носят название революции. В послевоенной Германии дело до нее не дошло ни на востоке, ни на западе. Скептики и критики долго объявляли несостоявшееся революционное начало главным недостатком ФРГ. По их мнению, лишь кровавая, а не «искусственная» революция³ в виде денацификации и перевоспитания действительно дала бы ей возможность начать сначала и воспрепятствовать реставрации. В этом приговоре сошлись многие критически настроенные наблюдатели, даже если во всех прочих отношениях они имели между собой мало общего⁴.

Оставим в стороне весьма интригующий вопрос, не являются ли подобные представления одной из версий политической мифологии, не скрывается ли за ними архаичная вера в очистительную силу кровавой бани вместе с политическим культом жертвоприношения. (Некоторые замечания по этому поводу я высказываю в части III.) Отметим лишь, почему чаемой столь многими и считавшейся незаменимой кровавой революции все-таки не произошло, почему союзники-победители остановились на попытке «искусственной революции». Отсутствовала главная предпосылка всех революций – революционный субъект. А если бы роль революционеров взяли на себя союзники, это, по-видимому, с точки зрения цитируемых авторов, не имело бы того очистительного эффекта, в котором они так единодушно убеждены.

Насколько далеки от революционности были задающие тон в интеллектуальной сфере германские элиты послевоенного времени, можно легко представить, обратив внимание на так называемые дебаты о вине. Они разворачивались главным образом в политико-культурных журналах, которые выходили после войны в немалом количестве и

² Mann T. Tagebücher 1944 – 1.4.1946. Frankfurt a. M., 1986. S. 199.

³ См.: Montgomery J. D. Forced to Be Free. The Artificial Revolution in Germany and Japan. Chicago, 1957.

⁴ См., напр.: Arendt H. Besuch in Deutschland (1950). Berlin, 1993. S. 49; Mitscherlich A. Ein Leben für die Psychoanalyse. Frankfurt a. M., 1980. S. 139; Rovin J. Das Erbe der Tyrannei. Kurzer oder langer Prozeß? Wie nach dem Ende eines Unrechtsregimes mit den Verantwortlichen zu verfahren ist // Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ). 1992. 8. Aug.

очень большими тиражами. Названия этих журналов звучат чрезвычайно радикально: «Призыв», «Преобразование», «Начало и конец», «Запад» и т. д. Но радикальность их носила не наступательный, а оборонительный характер, была направлена не вовне, а внутрь⁵. Преобладали усилия по спасению хотя бы малых обломков, уцелевших после политической и нравственной катастрофы. Общей для всех подобных обломков являлась удаленность от всякой политики на сотни миль. Политика считалась сферой внешнего и поверхностного. Национал-социализм многим казался не политическим, а религиозным и психическим феноменом. Прежде всего бросается в глаза отсутствие четких обозначений и точно описанных исторических реалий. Их заменяла масса мифологизирующих, расплывчатых толкований, избыточных сетованиями на человека в духе позднего экспрессионизма. В ходе этих дебатов много и вполне справедливо говорилось о вине — но лишь в самой смутной и абстрактной форме. Менее всего речь шла об ответственности, конкретных преступлениях и фактах. Массовое убийство евреев как будто вообще не имело места.

Сильные и слабые стороны дебатов хорошо видны в «Вопросе вины» Карла Ясперса (1946)⁶. Эта книга, составленная из лекций автора, безусловно, представляла собой важнейший вклад в послевоенные дискуссии. Ясперс убедительно выступил против идеи коллективной вины, не оставляя, однако, сомнений в политической ответственности немцев за злодеяния нацистского режима. Его размышления нисколько не потеряли своей ценности, и до самого недавнего времени обращение к ясперсовской дифференциации понятия вины неизменно оказывалось полезным. Сомнительнее то, что, по Ясперсу, реальное и единственное имеющее значение «очищение» от национал-социализма может быть достигнуто лишь на нравственном пути, что это внутреннее дело каждого человека, которое он решает наедине с собой и Богом. Еще большую беспомощность демонстрирует написанная вскоре после войны (1946) работа Фридриха Майнеке, где Нестор немецкой исторической науки в качестве рецепта от «немецкой катастрофы» предложил создание «гётевских общин»⁷.

В общем и целом в этих дебатах мы еще раз имеем дело с антизападным и антисовременным особым немецким сознанием в его позд-

⁵ Подробно о дебатах по поводу вины см.: Eberan B. Die Debatte um die Schuldfrage 1945–1949. München, 1983; Laurien I. Politisch-kulturelle Zeitschriften in den Westzonen 1945–1949. Frankfurt a. M., 1991.

⁶ Jaspers K. Die Schuldfrage. München, 1987.

⁷ Meinecke F. Die deutsche Katastrophe. Wiesbaden, 1949.

нем обличье. Неприятно и типично для политического сознания того времени также острое предубеждение против эмигрантов. Франк Тисс в полемике с Томасом Манном (1945) бросил им упрек в том, что они покинули родину, чтобы с удобствами смотреть «немецкую трагедию из заграничных лож и партера»⁸.

Первые дебаты о нацистском режиме и войне после гибели Третьего рейха резко оборвались в 1948–1949 гг. в результате денежной реформы и образования ФРГ. События стали развиваться совсем иначе, нежели ожидали и желали дискутирующие. Возрождение не произошло из духа нравственного самоанализа и обновления, а совершалось на пути, который большинство тех, кому здесь было предоставлено слово, все еще расценивали как непригодный, – на пути политики.

1950-е годы: двойственная стратегия

Одним из первых официальных шагов только что созданного правительства Аденауэра стал закон об амнистии 1949 г., положивший начало интеграции деятелей и сторонников национал-социализма. Огромным подспорьем для такого решения послужила «холодная война». Не будь конфликта между Востоком и Западом, оно никогда не нашло бы одобрения у западных держав-победительниц. С момента Берлинского кризиса в июне 1948 г. прежняя столица рейха чуть не в одночасье превратилась из средоточия ужаса в символ свободы, а бывшие варвары и враги – в незаменимых союзников в борьбе против коммунистического Востока.

Старые элиты почти в полном составе вернулись на свои позиции в государственном аппарате, юстиции, науке и экономике. Уголовное преследование нацистских преступников практически сошло на нет, тех из них, кто сидел в тюрьме по приговорам оккупационных властей, до конца 1950-х гг. под значительным нажимом немецкой администрации пачками выпускали на свободу в некоем приступе «лихорадки милосердия» (Роберт Кемпнер). Процедуры денацификации перед лицом новых фронтов «холодной войны», которая легитимировала прежний восточный фронт, казались совершенно бессмысленными и были остановлены. На смену полемике с нацистским прошлым пришла борьба с коммунизмом. Под влиянием этого поворота против судебных и денацификационных мер союзников, против

⁸ Thies F. Die innere Emigration. Offener Brief an Thomas Mann // Grosser J. F. G. Die große Kontroverse. Ein Briefwechsel um Deutschland. Hamburg; Genf; Paris, 1963. S. 24.

коммунизма формировалось политическое сознание ФРГ в первые годы ее существования⁹.

Интеграцию нацистских деятелей, сторонников и попутчиков позже часто описывали и еще чаще критиковали¹⁰. Однако, характеризуя преодоление прошлого в 1950-е гг., нужно всегда иметь в виду, что в то же время никогда не ставился под вопрос официальный политический разрыв ФРГ с режимом и идеологией национал-социализма. Оба аспекта друг с другом связаны. В те годы демонстрировался ловкий фокус: бывшие нацисты интегрировались, но при этом политический и экономический строй федеративной республики объявлялся полной противоположностью нацизму. Хотя старые кадры вновь занимали свои посты, а на их прошлое предлагалось не обращать внимания, тем не менее считалось, что в своей официальной самоидентификации ФРГ четко и недвусмысленно отмежевывается от нацистского прошлого во всех отношениях. В этом состояла двойственная стратегия ранней ФРГ: с одной стороны, солидарную политическую ответственность времен нацистского господства великодушно прощали и замалчивали, с другой – правило принципиального и само собой разумеющегося дистанцирования и отказа от национал-социализма действовало без исключений. Того, кто открыто исповедовал нацистскую идеологию, ждали суровые санкции¹¹.

Единодушное политическое осуждение нацистского режима не означало, что в 1950-е гг. нигде и речи не заходило о нацизме и войне. Скорее, наоборот. Множество брошюр и журналов регулярно печатали рассказы очевидцев. Они касались главным образом войны и мало отличались от воспоминаний, которым обычно предаются люди, пе-

⁹ Отношение к нацистскому прошлому в 1950-е гг. стало в последнее время предметом ряда научных работ. См. богатое материалами, но недостаточно глубокое по своим основным мыслям исследование Манфреда Киттеля (Kittel M. Die Legende von der «Zweiten Schuld». Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin; Frankfurt a. M., 1993), сдержанную в суждениях работу Ульриха Броххагена (Brochhagen U. Nach Nürnberg. Vergangenheitsbewältigung und Westintegration in der Ära Adenauer. Hamburg, 1994). Ср. также дифференцированную и критическую оценку 1950-х гг. у Норберта Фрая: Frei N. Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit. München, 1996.

¹⁰ См., напр.: Friedrich J. Die kalte Amnestie. Frankfurt a. M., 1984.

¹¹ См.: Broszat M. Plädoyer für eine Historisierung des Nationalsozialismus // Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1988. S. 269.

режившие военный конфликт¹². Разговоров за столиками в пивных вряд ли было меньше.

Поэтому неверно говорить о вытеснении нацистской эпохи в общепринятом смысле. Для 1950-х гг. типично не отрицание, замалчивание, табуирование прошлого, а отсутствие в целом чувства вины, стыда и нечистой совести. Следует, правда, подчеркнуть, что здесь мы вступаем на зыбкую почву и даже в будущем едва ли точно узнаем что-нибудь насчет этого. Но можно предположить, что после 1945 г. в частных беседах, в общественных организациях, среди друзей и родных, т. е. среди «своих», рассказывалось немало историй о прошедших двенадцати годах. Здесь нацистские деятели и сторонники, офицеры и рядовые вермахта справедливо могли рассчитывать на сочувствие и понимание еще больше, чем у читателей солдатских рассказов и иллюстрированных еженедельников. Вермахт и военные действия считались чистыми и незапятнанными. Хотя бы в этой области существовала «всеобщая солидарность оправдания, связывавшая немцев друг с другом»¹³, солидарность сообщества, способного строиться на созвучии воспоминаний и восприятия. И не было в 1950-е гг. никого, кто сумел бы эффективно бороться с воздействием, которое «народное сообщество» продолжало оказывать и после своей гибели.

Снисходительность к личному прошлому при нацистской диктатуре имела, однако, четкие пределы: она не затрагивала официальную политику и самоидентификацию федеративной республики. Индивидуальное прошлое строго отграничивалось от настоящего всей страны. Оно деполитизировалось, связывалось с частным образом мыслей и личной биографией, не имеющей ничего общего с текущей ситуацией в республике. В этом корень обращения с кадровым наследием Третьего рейха в 1950-е гг.: значение придавалось не тому, что человек делал во времена национал-социализма и как он к этому прошлому относится, а лишь тому, что он в состоянии и готов дать новому строю и за что он ответствен в своей нынешней профессиональной и общественной деятельности¹⁴.

¹² См.: Schornstheimer M. Bombenstimmung und Katzenjammer. Vergangenheitsbewältigung, Quick und Stern in den 50er Jahren. Köln, 1989.

¹³ Kielmansegg P. Lange Schatten. Vom Umgang der Deutschen mit der nationalsozialistischen Vergangenheit. Berlin, 1989. S. 35.

¹⁴ Наблюдение Рихарда Лёвентала. На него опирается Герман Люббе, см.: Lübbe H. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewußtsein // Historische Zeitschrift. 1983. Bd. 236.

Существовала и еще одна граница. Солдатское героическое прошлое перестало служить моделью для будущего не только в сфере официальной политики, но и в повседневном быту. Несмотря на перевооружение и рано начавшуюся реабилитацию армии, солдат как идеал и образец в ФРГ не имел шансов. Старые фронтовики, возможно, находили слушателей среди себе подобных, но широкой популярностью не пользовались. Молодые бойцы, вернувшиеся с полей Второй мировой войны, не желали слышать на новый лад песню 1918 г. о версальском мученичестве и кинжале в спину. Для этого они слишком устали и обессилели, как неоднократно показывал в своих рассказах и романах Генрих Бёлль.

Короче говоря, для преодоления прошлого в 1950-е гг. характерно значительное расхождение индивидуальных форм сознания и общественной коммуникации. Между частным и публичным дискурсами немцев о нацистском прошлом, между спонтанно-личными и стратегически-официальной позициями возникла большая разница¹⁵. Что это означает для политического сознания ФРГ, хорошо видно на примере антисемитизма. Официально антисемитские взгляды в ФРГ всегда объявлялись вне закона. Но они, разумеется, не испарились в 1945 г., а продолжали играть достаточно важную роль в частной жизни и предполитических сферах общения. В публичной и политической коммуникации на антисемитизме, напротив, лежало табу. Он находился в состоянии коммуникативной латентности: был распространен среди широких слоев населения, но в нем не разрешалось признаваться публично. Иными словами, существовали «ножницы» между официальной анти-антисемитской позицией и антисемитскими настроениями населения, разница между коммуникацией и сознанием¹⁶.

Своеобразная двойственная стратегия ранней ФРГ в преодолении нацистского прошлого обнаруживается во всех общественных сферах: в университетском и школьном образовании, юстиции,

¹⁵ Аналогичное расхождение имело место и в лагере жертв. Влияние «холодной войны» привело к тому, что хотя в чувствах, мыслях и частных разговорах живущих в Америке евреев главенствовала тема Холокоста, но в публичной позиции еврейских представителей центральное место отводилось не Холокосту и нацистскому прошлому, а борьбе с Советским Союзом. См.: Novick P. *Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord*. Stuttgart; München, 2001. S. 134.

¹⁶ К этому вопросу я еще вернусь в гл. 5. Ср. отличное исследование: Bergmann W., Erb R. *Antisemitismus in der Bundesrepublik Deutschland. Ergebnisse der empirischen Forschung von 1946–1989*. Opladen, 1991.

медицине. Везде царило смешение преемственности (кадровой) и замалчивания нацистского прошлого отдельных лиц, с одной стороны, и четкого дистанцирования (на институциональном и государственном уровне) от эпохи национал-социализма, переориентации – с другой. Такая же напряженность характерна для политики интеграции с Западом. Невзирая на политическую интеграцию ФРГ в западную систему политики и союзов, в ее бытовой культуре царило множество антисовременных и антизападных предрассудков. Запад соглашался с ориентацией на США почти так же неохотно, как Восток – с ориентацией на Советский Союз. В ФРГ 1950-х гг. институты преодолевали путь к Западу быстрее, чем население.

Вряд ли можно было долго официально клясться в верности союзу с Америкой и одновременно держать в ежовых рукавицах сыновей, которые жаждали жевать резинку, и дочерей, желавших носить мини-юбки. Американизация протестной и молодежной культуры оказалась необратимой, и в 1950-е гг. она, несомненно, имела кое-какое отношение к нацистскому прошлому. В модном, раскованном, женоподобном, эротичном американском мужчине, например, как Элвис Пресли, который стал кумиром молодежи, легко увидеть антипода идеалу солдата, еще широко распространенному после войны в поколении отцов¹⁷. В 1960-е гг. противостояние вылилось в нарочито нездоровый, неспортивный, недисциплинированный образ жизни поколения 1968 г.

С дистанции в сорок-пятьдесят лет можно судить обо всем спокойно. Но представим хотя бы на миг, насколько невероятным казалось в 1950-е гг., что двойственная стратегия широкой интеграции бывших нацистов при официальном политическом размежевании с национал-социализмом приведет к чему-нибудь хорошему. Многие современники изначально были убеждены, что это неверное решение. И действительно, за подобное обращение с нацистским прошлым пришлось дорого платить. Прежде всего оно заставило группу противников и жертв нацистского режима (не очень, правда, многочисленную) сталкиваться почти во всех общественных местах с теми людьми, которые еще вчера их притесняли и лишали прав.

¹⁷ О повседневности в эпоху Аденауэра см.: Maase K. BRAVO Amerika. Erkundungen zur Jugendkultur in der Bundesrepublik in den fünfziger Jahren. Hamburg, 1992; Schildt A. Moderne Zeiten. Freizeit, Massenmedien und «Zeitgeist» in der Bundesrepublik der fünfziger Jahre. Hamburg, 1995.

Герман Люббе, говоря об этом обстоятельстве, сформулировал принцип несимметричной скромности¹⁸: взаимодействующие стороны знают друг о друге больше, чем говорят, и существует негласное соглашение, что антинацисты не пользуются своими знаниями о поведении бывших нацистов в эпоху национал-социализма, а бывшие нацисты, со своей стороны, проявляют политическую сдержанность на публике. Насколько мне известно, пока еще никто не описал, как данный принцип функционировал конкретно, но он стоит того, чтобы когда-нибудь изучить его внимательнее.

Соглашение, нигде письменно не зафиксированное, порой подвергалось тяжким испытаниям и теряло силу – например, когда объединение специалистов по государственному праву в 1953 г. вознамерилось вновь принять в свои ряды Карла Шмитта, не зря заслужившего звание «крон-юриста» Третьего рейха. Этому помешал непримиримый антинацист и неомарксист Вольфганг Абендрот, приватно сообщивший некоторым коллегам, что будет отныне внимательно читать их публикации до 1945 г. и подробно цитировать в своих работах¹⁹.

Постоянно возникавшие на протяжении 1950-х гг. скандалы вокруг тех или иных лиц все яснее показывали ненадежность, рискованность и уязвимость двойственной стратегии и связанного с ней принципа асимметричной скромности. Может быть, в первые годы существования ФРГ такое решение и не имело альтернативы, однако со временем оно было обречено на провал. Люббе, который горячо защищает концепцию преодоления прошлого 1950-х гг. и ставит ее всем в пример, не признает ее ограниченности, но как раз в этом заключается недостаток его анализа. Правда, многим чересчур торопливым критикам обрисованной стратегии следует задать вопрос, какими иными средствами можно было добиться торжества демократии в ФРГ вопреки большинству населения.

¹⁸ См.: Lübbe H. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewußtsein. S. 587.

¹⁹ Так, во всяком случае, рассказывает Димут Майер. См.: Majer D. Die Verführbarkeit der Juristen. Zur Restauration der Rechtswissenschaft nach 1945 // Wissenschaft im geteilten Deutschland. Restauration oder Neubeginn nach 1945 / hg. W. H. Pehle, P. Sillem. Frankfurt a. M., 1992. S. 234. Эта версия не совсем совпадает со словами самого Абендрота: «Было представлено заявление о приеме [Карла Шмитта], но отклонено, после того как коллегам в частных беседах осторожно указали на то, что, если они проголосуют за него, возможно, их собственные работы времен Третьего рейха будут перечитываться и цитироваться. Этого аргумента хватило, чтобы убедить коллег» (Abendroth W. Ein Leben in der Arbeiterbewegung. Frankfurt a. M., 1976. S. 213).

«Длинная волна»: культура памяти

Описанная двойственная стратегия около десяти лет определяла отношение к нацистскому прошлому в ФРГ. Ее конец можно точно датировать. 24 декабря 1959 г. в Кёльне осквернили синагогу, открытую всего несколько месяцев назад в присутствии канцлера Аденауэра. На ее стенах рядом со свастикой появился лозунг: «Немцы говорят: долой евреев!» Это положило начало лавине антисемитских надписей, выплеснувшейся даже за границу. До конца января 1960 г. в одной ФРГ было зарегистрировано 470 антисемитских инцидентов.

Кое-что заставляет подозревать, что многие действовали по наущению штази²⁰. Но этим дело не исчерпывается. Вспышка антисемитизма ознаменовала конец модели 1950-х гг. и начало новой фазы обращения с нацистским прошлым, которые не могли быть искусственно вызваны дестабилизирующей стратегией ГДР в отношении ФРГ. Целый ряд более или менее громких дел предвещал и подготавливал завершение прежней эпохи. Одно из них – вынужденная отставка в 1955 г. всего через несколько недель после вступления в должность праворадикального министра земли Нижняя Саксония от СВДП, Леонхарда Шлютера, в результате массовых протестов профессоров и студентов Гёттингенского университета²¹.

Отношение ФРГ к своему происхождению попало под обстрел критики. Антисемитские надписи воспринимались как явный признак того, что ответ 1950-х гг. нацистскому прошлому оказался неудачным и на его место должно прийти нечто новое. Угол зрения сместился. На переднем плане стояло уже не отрицание нацистского режима на официальном политическом и нравственном уровне, а преемственность политических, административных и научных кадров, интеграция нацистских деятелей, попутчиков и тех, кто пользовался плодами их деятельности. Шанс действительно начать все сначала, казалось теперь, был упущен в 1945 г. И внутри страны, и за рубежом множились голоса, настоятельно рекомендовавшие возобновить усилия по денацификации. В ходе дискуссии впервые получили перевес те, кто требовал публично разобраться с нацистским прошлым и его последствиями. Это отчетливо выразилось в заявлении, которое

²⁰ См.: Wolffsohn M. Die Deutschland Akte. Juden und Deutsche in Ost und West. Tatsachen und Legenden. München, 1995. S. 18 ff.

²¹ См.: Marten H.-G. Der niedersächsische Ministersturz. Protest und Widerstand der Georg-August-Universität Göttingen gegen den Kultusminister Schlüter im Jahre 1955. Göttingen, 1987.

20 января 1960 г. сделал в бундестаге его тогдашний президент Карло Шмид от имени всех фракций: «Бывают ситуации, когда нужно разбудить спящих адских псов, чтобы по их лаю понять, как близки мы еще к преисподней. Лишь рассеивая то темное, что местами творит зло среди нашего народа, мы изгоним его»²².

Несмотря на бросающиеся в глаза метафоры, связанные с темной, которые напоминали о лексике послевоенных дебатов по поводу вины, здесь формулировалась противоположная модель: не «приватизация» нацистского прошлого и щедрое оправдание нацистов помогут развеять злые чары, а лишь публичная и всесторонняя полемика. Залог превращения «соотечественников» по рейху в граждан демократической федеративной республики видели теперь не в коммуникативном замалчивании, а в критическом разговоре. За несколько месяцев до этого Адорно в знаменитом докладе «Что значит “обработка прошлого”» уже решительно выступил за общественные дебаты о нацистском прошлом²³.

Критический анализ нацистского прошлого активизировался. Масштабы нацистских преступлений и участие в них элит впервые в значительной мере открылись восприятию и сознанию. Начались процессы против нацистских преступников, предпринятые по инициативе Германии, в первую очередь Франкфуртский процесс по делу об Освенциме. В ФРГ внимательно следили за поимкой Эйхмана и процессом в Иерусалиме. Тему подхватила литература: 19 октября 1965 г. одновременно в 15 театрах ФРГ и ГДР состоялась премьера спектакля по пьесе Петера Вайса «Дознание». Драма Хохгута «Наместник», написанная между 1959 и 1961 гг., была в первый раз показана на сцене в феврале 1963 г. и вызвала ожесточенные споры о роли католической церкви при нацизме. В бундестаге прошла череда дебатов по вопросу о сроке давности. Вряд ли они представляли собой звездные часы парламента, как часто утверждают, однако после ряда сомнительных компромиссов парламент в 1979 г. все же пришел к решению полностью отменить срок давности преследования за убийство. В университетах под нажимом студентов с середины 1960-х гг. развернулась дискуссия о нацистском прошлом наук и ученых.

Все это происходило порой при значительном сопротивлении, многое делалось нерешительно и неумело. Перечислять, например, нелепости процессов против нацистских преступников можно бес-

²² Verhandlungen des Deutschen Bundestages 1960. S. 5231.

²³ Adorno T. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit // Adorno T. W. Eingriffe. Neun kritische Modelle. Frankfurt a. M., 1963.

конечно. Карла Ясперса первые широкие дебаты о сроке давности в 1965 г. заставили подвергнуть ФРГ уничтожающей критике, философ Вольфганг Фриц Хауг в 1967 г. чрезвычайно метко назвал осторожные попытки представителей некоторых университетских дисциплин критически взглянуть на их историю «беспомощным антифашизмом». Психологи Александр и Маргарета Мичерлих в том же году говорили о преобладающей, как и прежде, «неспособноти скорбеть», выведя тем самым общепризнанную формулу, с помощью которой отныне характеризовалась недостаточность сведения счетов с нацистским прошлым²⁴. ФРГ до сих пор не сумела, гласил их диагноз, по-настоящему отречься от прошлого. Причина в том, что немцы на эмоциональном уровне все еще не приняли как факт гибель своего Третьего рейха и не смирились с ней. Вместо того чтобы без прикрас прояснить и обдумать собственную причастность к фантазиям о величии и катастрофическим последствиям строительства национал-социалистического «народного сообщества», немцы в 1950-е гг. ухватились за абсолютно негодные методы отрицания, дереализации, маниакального превращения бывшего в небывшее. Но таким образом ФРГ в действительности не отказалась от своего прошлого, оставаясь у него в плену.

Конфликты по поводу обращения с нацистским прошлым с середины 1960-х гг. достигли кульминации и вылились в движение внепарламентской оппозиции. Вопрос индивидуального поведения при нацистском режиме политизировался и актуализировался – именно в смысле нападок на деполитизацию фашистского поведения и сознания, признание их частным делом, типичное для 1950-х гг. Индивидуальная биография, авторитарный характер родителей, прежде всего отцов, теперь рассматривались с политической точки зрения и оценивались, исходя из политических критериев. Это вскрыло глубокие пропасти, разделявшие поколения в ФРГ.

Вместе с тем в 1960-е гг. подверглась фундаментальной критике попытка «капсулировать» «тысячелетний рейх», изъять его из предыстории федеративной республики. Между ней и национал-социализмом выявлялись связи и линии преемственности; обнаружилось, что никакого «часа ноль», разрыва, настоящего нового начала нет. ФРГ не свободна от угрозы нового нацизма, считало поколение 1968 г., в первую очередь потому, что не ликвидирован экономический уклад

²⁴ См.: Jaspers K. *Wohin treibt die Bundesrepublik?* München, 1966; Haug W. F. *Der hilflose Antifaschismus.* Frankfurt a. M., 1967; Mitscherlich A., Mitscherlich M. *Die Unfähigkeit zu trauern.* München, 1967.

общества, послуживший предпосылкой фашизма. Выражаясь словами привычных тогда лозунгов: капитализм ведет к фашизму, долой капитализм!

Утверждая так, студенческое движение взяло на вооружение марксистскую теорию фашизма и до основания потрясло твердыню экономического, куда в ФРГ после 1945 г. отступило израненное чувство собственного достоинства, поскольку она, казалось, лежала вне всякой идеологии и, как ничто другое, подходила для того, чтобы снова добиться чего-то путного, невзирая на урезанное государство и урезанный суверенитет. Открыв *политическую* экономию, студенческое движение лишило невинности экономическое чудо. Выводы не заставили себя ждать: национал-социализм не принадлежит истории и не преодолен, он являет собой не законченную главу, а имманентно присущую обществу ФРГ опасность. Это проблема не прошлого, а настоящего. «Формальная демократия» оказалась рафинированным вариантом фашистской формы правления, парламентаризм – всего лишь оболочкой, прикрывающей человеконенавистническое по сути своей общество. Демократия и свобода стали несущественной современной личиной гораздо более существенного прошлого. Настоящее находится у прошлого в плену. Теперь и частная сфера приобрела более чем политический характер, такие не привлекавшие раньше большого внимания добродетели, как порядок, прилежание, бережливость, пунктуальность, попали под подозрение, потребление рассматривалось как отвлекающая уловка, нормальное – как начало ужасного, семья – как зародыш фашизма. Чудовищность прошлого в принципе ставила под вопрос все данности, все традиции и самые безобидные черты настоящего.

Несомненно, в этом усиленно наверстывающем упущенное сопротивление против Гитлера было много от самооправдания, а порой и от истерии. Не надо быть тонким психологом, чтобы распознать в акционизме поколения 1968 г. попытку откеститься от собственного происхождения и путем идентификации с жертвами во имя борьбы с новым – вьетнамским – Освенцимом затушевать свои освенцимские корни²⁵. И как ни убедительно удавалось ему иногда продемонстрировать беспомощность антифашизма в политическом сознании 1950-х гг., антифашизм, к которому апеллировало оно само, оставался весьма амбивалентным, абстрактным, застрявшим в тенетах чистой совести и морали. Об этом свидетельствует хотя бы отсутствие в

²⁵ См.: Hartung K. Erinnyen in Deutschland // Niemandland. 1987. Jg. 1. H. 2. S. 98 f. На этом аспекте я остановлюсь подробнее в гл. 2.

среде людей 1968 г. субъективных историй о национал-социализме. Их поколение предпочитало отделяться возмущенными обвинениями. По сути, они не хотели слушать, что скажут старики, они хотели допрашивать и выносить приговоры. Здесь нельзя не заметить черты «инквизиторской косности»²⁶. Намереваясь извлечь уроки из истории, поколение 1968 г. не желало, чтобы его подхватывал поток воспоминаний современников. Таким образом, оно упорно не шло на контакт, и страсть к осуждению стала оборотной стороной коллективного прощания и коммуникативного замалчивания.

Создается впечатление, будто мы и вправду имеем дело с двумя сторонами одной медали: моральный ригоризм потомков (чье сопротивление Гитлеру росло с каждым днем, как саркастически заметил Эрнст Юнгер) бьет в глаза настолько же, насколько ожесточенная глухая оборона тех, кого они атаковали. К примеру, никто из интеллектуалов и людей науки, вставших на сторону нацистов, после 1945 г. ничего не рассказывал толком о мотивах, механизмах подчинения и приспособления, эйфории прорыва, радостях или банальности власти. Ни Карл Шмитт, ни Мартин Хайдеггер (если брать только самые известные имена). Когда они высказывались на данную тему, то ограничивались легендами и ложью, приукрашивая и умаляя происходившее. Тщетно ученик Хайдеггера Герберт Маркузе ждал от учителя, чтобы тот прояснил свою позицию, напрасно поэт Пауль Целан, автор «Фуги смерти», после 1945 г. несколько раз лично общавшийся с прославленным фрайбургским философом, надеялся услышать от Хайдеггера «доходчивое слово».

При всех очевидных сегодня недочетах следует констатировать, что в 1960–1970-е гг. ФРГ впервые была изнутри, поколением детей, вынуждена политически, нравственно и конкретно разобраться со своими национал-социалистическими истоками. Обнажение связи федеративной республики и собственной индивидуальной биографии с нацистской Германией не могло не сопровождаться эмоциональными бурями. Естественно, эта тема вызывала возмущение и потрясение, разочарование и гнев, жалобы и обвинения. Эмоциональные завихрения стали представлять проблему, лишь когда в младшем поколении они выродились в жажду мщения и потеряли способность претворяться в знания, опыт, политико-исторический разум.

²⁶ Moser T. Die Unfähigkeit zu trauern: Hält die Diagnose einer Überprüfung stand? Zur psychischen Verarbeitung des Holocaust in der Bundesrepublik // Psyche. 1992. Jg. 46. S. 401.

Стремление к публичной «проработке» нацистского прошлого, вдохновлявшее студенческое движение, с самого начала вызвало ожесточенную борьбу и споры. Кульминацией полемики стал «спор историков» 1986–1987 гг., в основе которого лежал вопрос о пользе и вреде общественной дискуссии с нацистским прошлым и рефлексивного подхода к собственной истории. Противоположная сторона в этих дебатах опасалась дестабилизирующего эффекта подобного взгляда на свою историю, возрождая к жизни позицию 1950-х гг. Тогда существовало и до сих пор отчасти существует беспокойство насчет того, что он может поставить под вопрос традиции, правила и обычаи, обязательные и незаменимые для стабильности ФРГ.

Несмотря на попытки реанимировать предполитическое историческое сознание в 1970–1980-е гг., в конце концов произошло обратное. Бурная полемика о преимуществах и опасностях постоянной памяти о национал-социализме и, прежде всего, о Холокосте оказалась исключительно полезна тем, кто видел в этой памяти главный элемент политической культуры ФРГ. Никогда прежде в общественной дискуссии не достигалось такого осознания преступного прошлого собственного общества, как в 1980-е гг. Этому способствовал целый ряд факторов; следует назвать, к примеру, и основанную в 1977 г. «черную серию», в которой выходит данная книга. Благодаря знаменитой речи президента Рихарда фон Вайцзеккера в бундестаге 8 мая 1985 г. выдвижение памяти о нацистском прошлом в центр политической культуры получило официальное благословение, причем устами представителя ХДС. То, что на рубеже 1960-х гг. начиналось как деятельность единиц, превратилось в один из столпов федеративной республики.

Нацистское прошлое в 1990-е годы

Завершение «длинной волны» в начале 1990-х гг. доказывают три явления: 1) ликвидация второго немецкого государства сделала главным пунктом политических решений вопрос обращения с прошлым ГДР; 2) в научных (в том числе культурологических) дискуссиях психоаналитическую формулу вытеснения сменила функционалистская теория памяти Мориса Хальбвакса; 3) отношение к нацистскому прошлому утратило характер политической ориентации.

1. В качестве главного феномена современной истории на смену нацистскому прошлому в начале 1990-х гг. пришло прошлое ГДР. Яркое свидетельство тому – вопрос об уголовном преследовании так называемых преступлений системы. Зрелищных процессов по делам

о преступлениях нацистского режима ожидать больше не стоит. Открытие до сих пор неизвестных или ненаказанных деяний уже никогда, за очень редкими исключениями, не может привести за решетку хотя бы по причине преклонного возраста. «Гэдээровское» прошлое – совсем другое дело. После исчезновения ГДР расследованием преступлений ее правительства занимались многие немецкие суды (и даже Европейский суд по правам человека в Страсбурге), был вынесен ряд приговоров. Процессы сопровождались дискуссиями и разногласиями, порой весьма острыми, по поводу смысла и возможностей преодоления прошлого уголовно-правовыми методами. При этом преодоление нацистского прошлого играло всего лишь роль контрастного фона. К нацистскому прошлому в дискуссиях обращались не для того, чтобы сделать реальные политические выводы, предъявить преступникам обвинения или обосновать их дисквалификацию, а потому что видели в его преодолении некий опыт, который мог оказаться полезным для разрешения актуальных проблем прошлого ГДР.

Это относится не только к области уголовной юстиции, но и к другим задачам, имеющим первостепенное значение при преодолении прошлого: упразднению скомпрометированных учреждений и организаций, дисквалификации скомпрометированных лиц, реабилитации жертв, компенсации им ущерба. Со своей стороны, преодоление грехов нацизма все больше отходит в прошлое. Все решения, которые еще принимаются по этому поводу, касаются памяти о национал-социализме и общественной коммуникации в связи с ним²⁷.

Превращение нацистского прошлого из события современной истории просто в страницу истории стало отчетливее видно благодаря добавлению прошлого ГДР, но по сути от него не зависит. Причина такого превращения заключается в том, что за четыре десятилетия в политической истории памяти и преодоления произошел коренной перелом. Конец ГДР лишь совпал с этим фактом.

2. Сорок лет много значат для памяти, и в случае ФРГ это особенно верно. К моменту ее образования население второй немецкой демократии сформировалось под влиянием таких политических систем и концепций, от которых ей как раз и надлежало отмежеваться. Ситуация изменилась лишь по прошествии примерно четырех десятилетий: «До середины восьмидесятых федеративная республика была республикой тех, кто старше ее самой. С этого времени она стала республикой двух поколений. Наряду с теми, кто старше республики, появились дети

²⁷ Эти аргументы я подробнее развиваю в гл. 6.

республики»²⁸. К началу XXI в. людям, которые вышли из детского возраста около 1940 г., исполнилось лет по восемьдесят, и они отошли от активной профессиональной деятельности. Только теперь «дети республики» получили возможность сказать свое слово во всех сферах. Напряженность, которую в 1960–1970-е гг. вызывала в отношениях поколений тема нацистского прошлого, перестала быть актуальной. Конфликты в связи с памятью о нем уже нельзя понимать и интерпретировать в соответствии с шаблонами эдиповой драматургии вытеснения и возвращения вытесненного²⁹. Такова подоплека постепенного исчезновения психоаналитического нарратива о вытеснении из дебатов о нацистском прошлом в ФРГ. На его место пришла функционалистская теория памяти, согласно которой содержание памяти детерминировано не вытеснением и возвращением вытесненного, а потребностями и интересами настоящего³⁰. В терминах данной теории борьба вокруг памяти об эпохе национал-социализма представляет собой не эдипову драму, а переход от коммуникативной памяти к культурной: поскольку число тех кто сам застал и испытал на себе нацизм и поэтому может сообщать о нем сведения из первых рук, неуклонно убывает, требуются большие усилия по развитию мемориальных учреждений.

3. Наконец, отношение к нацистскому прошлому в ФРГ с начала 1990-х гг. приобрело другое качество еще и потому, что политические выводы и уроки, которые можно извлечь из национал-социализма для политической ориентации федеративной республики, утрачивают однозначность. В данном смысле память о нацистском прошлом все больше становится неполитической.

В первую очередь об этом свидетельствовали внешняя политика 1990-х гг. и сопровождавшие ее дискуссии. Ссылками на нацистское прошлое подкреплялись аргументы как за, так и против участия не-

²⁸ Kielmansegg P. Nach der Katastrophe. Eine Geschichte des geteilten Deutschland. Berlin, 2000. S. 358.

²⁹ Эту трансформацию, например, наглядно демонстрируют две версии выставки Гамбургского института социальных исследований, посвященной вермахту. Ср.: Reinecke S. Ende eines deutschen Dramas // TAZ. 2001. 3. Dez.

³⁰ Функционалистская теория памяти восходит к работам французского социолога Мориса Хальбвакса. См.: Halbwachs M. Das Gedächtnis und seine soziale Bedingungen. Berlin; Neuwied, 1966; Idem. Das kollektive Gedächtnis. Frankfurt a. M., 1989. О значении темы памяти в недавней культурологической дискуссии см.: Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. 2. Aufl. München, 1997.

мецких солдат в интервенции в бывшую Югославию, особенно в Косово весной 1999 г. В апелляциях к нацистскому прошлому одна позиция ничем особенно не отличалась от другой. Не помогала и подчеркнутая идентификация с жертвами. Ведь даже с такой точки зрения можно было сделать и вывод, что ФРГ, будучи преемницей Третьего рейха, обязана проявлять чрезвычайную сдержанность на международной арене, и наоборот – что на немцах лежит особая обязанность всеми средствами бороться против изгнания и геноцида. После краха реального социализма взгляд на нацистское прошлое перестал быть верным компасом для требуемой переориентации немецкой внешней политики. До тех пор ее координаты определяли политические последствия, связанные с национал-социализмом: раздел страны, урезанный суверенитет, минимализация международного политического значения. Это, впрочем, в равной мере касалось и ФРГ, и ГДР. С наступлением 1990-х гг. данные координаты начали становиться ненадежными.

Сокращение количества политических вопросов, на которые ссылка на нацистское прошлое помогает ответить твердое «да» или «нет», демонстрируют и другие примеры. Скажем, прием ФРГ в Совет Безопасности ООН можно считать необходимым именно в силу ее нацистского прошлого (дабы связать таким образом руки потенциально столь опасной державе, как новая федеративная республика), а можно, наоборот, заявить, что, учитывая это варварское прошлое, принять ФРГ в Совет Безопасности – значит нанести оскорбление жертвам нацизма и тем самым проявить безответственность. Нечто похожее происходило во внутрифранцузской дискуссии во время референдума по поводу Маастрихтских договоров во Франции в начале 1990-х гг. И сторонники, и противники договоров приводили нацистское прошлое немцев в обоснование своей аргументации. Сторонники видели в европейской интеграции способ обуздать немцев, противники – продолжение великодержавной политики Германии другими средствами.

Негативное отношение к нацистскому прошлому уже не составляет основу консенсуса и во многих спорных внутриполитических вопросах в ФРГ, что постоянно показывают разногласия по поводу права убежища, которое, как ничто иное, служит прямым откликом на опыт нацизма. В ходе этих дебатов становилось все яснее, что недостаточно просто указать на антифашистскую значимость права убежища, чтобы тут же определилась его конкретная форма. Ганс Магнус Энценбергер выразился как нельзя более четко: «Тот, кто призывает соотечественников предоставлять убежище всем убогим и страждущим мира, ссылаясь где надо и где не надо на коллективные преступления, от завоевания Америки до Холокоста, не просчитывая последствий,

не сверяясь с политикой и экономикой, не принимая во внимание осуществимость подобного предприятия, доказывает, что он недееспособен и недостоин доверия. Глубокие общественные конфликты не разрешаются проповедями»³¹. Это утверждение – отнюдь не аргумент в пользу отмены ст. 16 конституции, но оно означает, что ссылка на варварское прошлое немцев – не волшебная формула рецепта, позволяющего одним махом справиться с проблемами настоящего.

Политическому сознанию ФРГ нужна новая ориентация. Главное расхождение с прежней республикой заключается в том, что теперь она должна искать доводы в защиту своей либеральной позиции и демократической конституции в себе самой. Она лишилась некогда надежных точек опоры на оси времени. Контрастный фон нацистского прошлого потускнел, главный антипод в настоящем – ГДР – исчез, оптимистическая перспектива благополучного и безопасного будущего заметно омрачилась. Движение 1968 г. в целом питало подозрение, что либерализм ФРГ является довеском к антикоммунизму и может процветать лишь в комбинации с ним. На протяжении «длинной волны» антикоммунизм постепенно уступил место негативному отношению республики к нацистскому прошлому. В 1980-е гг. это было широко признано. Новое качество 1990-х гг. состоит не в том, что начался или может начаться откат назад. Памяти о нацизме в ФРГ, как и прежде, обеспечено главенствующее место. Но ее статус в политическом сознании и политических действиях республики претерпеваает явное изменение значения³².

Уроки прошлого

Давайте извлечем из истории преодоления прошлого в ФРГ несколько общих выводов и уроков. Важнейший урок: часто выражаемое (главным образом консерваторами) беспокойство о том, как бы, уделяя чересчур много внимания преодолению прошлого, не утратить будущее, не имеет оснований. «Обработка» прошлого ни разу не

³¹ Enzensberger H. M. Die Große Wanderung. Frankfurt a. M., 1992. S. 53 f.

³² Сходные наблюдения см.: Jeismann M. Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen. München, 2001; Levy D., Sznajder N. Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust. Frankfurt a. M., 2001. Яйсман объясняет изменения европейской интеграцией и новой мировой политикой интервенции. Леви и Шнайдер считают их следствием и побочным эффектом глобализации. Мне кажется, что в обоих книгах чересчур поспешно нивелируются по-прежнему сильно различающиеся ландшафты памяти во Франции, ФРГ, США и Израиле.

привела к пренебрежению задачами настоящего или потере из виду будущего. Скорее, наоборот. Наступательная полемика с прошлым и признание вины федеративной республикой расширили пространства мышления, сознания и действия. А затушевывание постыдных деяний и убеждений вчерашнего дня отнюдь не способствовало твердой самоидентификации, делая ее, напротив, неуверенной и изменчивой.

Этот урок теоретически подкрепляется фрейдовским психоанализом. Неприятные истины, оставаясь без обработки, бесконтрольно разрастаются и в любой момент грозят разрушить с таким трудом отделенное от прошлого представление о себе³³. Личность не только в восприятии окружающих, но и в собственных глазах способна быть стабильной и уверенной в себе, только когда она знает о своем прошлом и актуальных последствиях прежних действий³⁴. Элементарная связь отрицания прошлого с утратой автономности и, наоборот, признания вины с обретением самосознания эмпирически очевидна. История ФРГ учит, что все институты, не уклонившиеся от конфронтации со своим прошлым, приобрели моральный суверенитет. Это относится и к парламенту, и к суду, и к промышленности, и к церкви, и к науке, и к университетам. Впрочем, в этих сферах, без сомнения, еще многое оставляет желать лучшего.

История ФРГ также неоднократно доказала справедливость утверждения, что недочеты политического сознания тесно связаны со спецификой подхода к нацистскому прошлому. Для периода 1945–1949 гг., так сказать, пренатальной фазы ФРГ, была характерна смесь особого антизападного сознания и своеобразной неточности в обозначении истоков, ответственности и способов функционирования нацистского режима террора. Двойственная стратегия 1950-х гг. сделала невозможным успех старых нацистских лозунгов и взглядов в публичной дискуссии. Нездоровый нацистский дух лишился каналов распространения. Это одна, светлая сторона. Другая, не столь светлая, заключалась в отсутствие серьезной и широкой общественной полемики о нацистском прошлом. А такая полемика – единственный спо-

³³ Наглядный пример тому дает Генрих Бёлль в романе «Глазами клоуна» (1963). Он описывает, как вокруг смерти сестры главного героя Генриетты, которую мать в последние дни войны послала служить в ПВО, где та и погибла, образуется вакуум молчания и вытеснения. Но любое неосторожное воспоминание о Генриетте тотчас же приводит к сверхдетерминированным нервным вспышкам.

³⁴ См.: Dubiel H. Über moralische Souveränität, Erinnerung und Nation // Merkur. 1994. Jg. 48. N. 546–547. S. 887.

соб по-настоящему разобраться в этом прошлом, его причинах, предпосылках и результатах, создать и наделить силой политико-нравственные стандарты, необходимые для функционирования демократии. С точки зрения «длинной волны» очевидно, что политическое сознание общества, которое ничего не понимает в отрезке истории, лежащем буквально у него за плечами, отмечено крайней нестабильностью, вряд ли может претендовать на моральный суверенитет и не вызывает большого доверия за его пределами.

Наконец, что касается политического сознания начиная с 1960-х гг., то граждане ФРГ, судя по опросам, в среднем придерживались ценностей и политических установок, которые не отличались от принятых в сравнимых обществах Запада. Правда, этот измерительный инструмент количественных эмпирических социальных исследований не позволяет обнаружить ряд необычных черт и болевых точек в политическом сознании ФРГ, которые можно объяснить только с учетом бремени нацистского прошлого и, таким образом, следует характеризовать как реакцию на него. Примерами служат, скажем, закон по поводу лжи об Освенциме, дискуссия о нации и гражданстве в 1980–1990-е гг. или споры о цитате из Тухольского «Солдаты – убийцы» в середине 1990-х гг.

Утверждение в ФРГ во время «длинной волны» с 1960 г., главным образом в 1970–1980-е гг., культуры памяти о нацизме и Холокосте – неоспоримый факт. Выражаясь очень упрощенно, она воплощает собой результат взаимодействия просветительских усилий союзников, длительного зарубежного давления, теоретического влияния еврейских интеллектуалов (Франкфуртской школы и традиции психоанализа) и конфликта поколений в конце 1960-х гг., вынести который оказалось особенно трудно.

Впечатляющий и довольно неожиданный успех этой культуры памяти, продолжавшийся и в 1990-е гг., в настоящее время затмевает структурные сдвиги, которые за десяток лет коренным образом изменили дискуссию с нацистским прошлым. Эти структурные изменения обусловлены в первую очередь сменой поколений. Для младшего поколения, рожденного после 1970 г., вопрос национал-социализма совершенно не связан с вопросом личной вины. И отныне все меньше становится возможностей обвинительным тоном задавать его родителям и их поколению.

Правда, вина – категория не юридическая и не прагматическая. В христианском понимании она выходит далеко за пределы чисто фактического. Но для современных секуляризованных обществ существует только личная вина, а не коллективная, не ответственность

всех за одного. Я могу быть виновным и обвиняться лишь в собственных прегрешениях, лишь за прегрешения тех, кто служил мне примером, моих родителей, братьев и сестер я могу чувствовать стыд и, поняв, что обманывался в них, испуганно и оскорбленно от них отвернуться. Короче говоря, только для поколения преступников и их детей вопрос вины в связи с нацизмом имеет непосредственное значение. Сегодня нацистское прошлое превращается из темы в воспоминание, современная и семейная история – в предмет истории. Биографическая память о нацизме уходит и скоро совсем исчезнет. Таким образом, память об эпохе 1933–1945 гг. становится делом искусственно выработанного и передаваемого дальше знания. Это больше не воспоминания личного характера, связанные со знакомыми людьми, с которыми можно поговорить. Это знание, которое лишь в исключительных случаях способно привести кого-то в смущение либо на скамью подсудимых. Чаще при достаточном его наличии выдерживают экзамены и продвигаются по карьерной лестнице.

Что же отсюда следует? Отнюдь не то, что эпоха национал-социализма забыта. Забвению можно противостоять типичными средствами политики – с помощью законодательных мер, денег, производства символов. Сейчас это происходит в широких масштабах. Через учреждения политического образования можно позаботиться о приращении фактических знаний. Ученые специалисты найдут новый материал, интерпретируют его и станут спорить об интерпретации. Но всем этим все больше будут заниматься люди, которым нет нужды связывать с интересующей их темой вопрос о собственном поведении или о поведении их родителей. Таким образом, знание об этой эпохе мало-помалу перестанет структурно отличаться от знания о кайзеровской империи, Веймарской республике или Первой мировой войне.

Это вовсе не означает затухания публичных споров о значении национал-социализма для современности. Данной теме еще достаточно надолго обеспечено повышенное внимание. Однако будут множиться случаи, когда проблема нацизма служит только средством разрешения политических и социальных конфликтов, имеющих иные корни и привязанных к нацистскому режиму задним числом. Все чаще нацизм будет служить темой дискуссии лишь номинально, в то время как в действительности речь пойдет совсем о других вещах. Существует большой соблазн ввести определенные конфликты в этот тематический круг, поскольку пока что можно уверенно рассчитывать на привлечение таким путем внимания общественности. Но в результате рассуждения о нацизме начнут сталкиваться с тем же скепсисом, который обычно проявляется в отношении публичной коммуника-

ции. Их авторам придется терпеть, например, следующие вопросы: кто и почему имеет здесь право голоса, насколько безупречны сами ораторы, кому выгодны их требования, какие интересы за ними скрываются? Подобного рода вопросы уже были подняты в книгах Петера Новика и Нормана Финкельштайна и вызвали большой ажиотаж³⁵.

Наконец, не следует думать, будто ввиду трансформации нацистского прошлого в историю нацизм и его оценка перестали иметь значение для самоидентификации ФРГ. Тем не менее чаши весов сместились и будут смещаться дальше. В прежней республике многое было естественным результатом дистанцирования от преступного государства-предшественника – например, отрезвление от военного угара вкупе с демилитаризацией общества (несмотря на создание бундесвера), недвусмысленный политический, а затем и культурный поворот к Западу, отказ от любой формы великодержавной политики, от всех концепций «срединной Европы», расставание с особым немецким сознанием.

Нельзя сказать, что с 1990-х гг. все это осталось позади. Но совершенно очевидно, что ответы на вопрос о новой роли Германии в мире уже не вытекают автоматически из ее нацистского прошлого. Нынешняя ситуация больше не определяется Второй мировой войной и ее прямыми последствиями. Послевоенная эпоха окончательно и бесповоротно завершилась. Снижение значения Второй мировой войны для современной саморепрезентации, самоидентификации и политической ориентации имеет место, кстати, не только в ФРГ. Во Франции и Италии стремительно убывает объединяющая сила *résistance* и *resistenza* (сопротивления). То же самое происходит в Нидерландах, где тяготы оккупации и деятельность сопротивления играли в саморепрезентации большую роль. До недавнего времени в этих странах по государственным соображениям никем не затрагивалась обратная сторона отчасти мифических героических повествований времен оккупации. Сейчас положение в корне изменилось. Даже в Израиле значение Холокоста для целостности, политики и идентичности страны в настоящее время ставится под вопрос и дискутируется с неслыханной доселе открытостью. Интегративная, сплывающая сила, рожденная страданиями при нацистской оккупации, сопротивлением против нацизма и признанием ответственности за его последствия, иссякает везде. На ее место должно прийти что-то другое, и пока еще нигде особенно не видно, что бы это могло быть.

³⁵ Novick P. Nach dem Holocaust; Finkelstein N. Die Holocaust-Industrie. Wie das Leiden der Juden ausgebeutet wird. München, 2001.

II. ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ

2. НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО И НЕМЕЦКОЕ ПРОШЛОЕ

Главным коллективным актором «длинной волны», в течение которой нацистское прошлое выдвинулось в центр политической культуры ФРГ, являлось поколение 1968 г. С провоцирующим упорством оно доказывало федеративной республике, что от нацистского происхождения нельзя избавиться таким простым способом, как общие изъявления отвращения и негодования. В целом это была не только провокационная, но и продуктивная позиция. Ее ограниченность и амбивалентность в начале 1990-х гг. обнаружили себя в категорическом неприятии воссоединения Германии левыми той эпохи. Проявленное здесь отсутствие политического мышления я объясняю специфическим отношением поколения 1968 г. к нацистскому прошлому.

Нормализация и ее критика

В начале 1990-х гг. в ФРГ много спорили о том, что мешает вновь объединенной Германии играть в мировой политике ту великую роль, которая, по мнению консерваторов, ей подобает, а по мнению левых критиков, толкнула бы ее на пагубный путь «Четвертого рейха». Ответ на этот вопрос правая и левая стороны политического спектра давали одинаковый: причину видели в том факте, что ФРГ является преемницей преступного режима убийц. Относились они к этой преграде, естественно, по-разному. «Нормализаторы» считали, что с возникновением новой федеративной республики пришло время вырваться из тисков прошлого, устранить препоны и стать таким же государством, как все прочие. *Критики нормализации*, напротив, видели свою задачу в том, чтобы помешать ей, возвести и укрепить барьеры против нее.

Таким образом, дискуссия об особом пути Германии продолжилась на новом витке¹. В глазах «нормализаторов» особый немецкий путь, которому надлежало положить конец, состоял в политической осторожности и сдержанности прежней ФРГ и связанных с ними

¹ См.: Glotz P. Normalisierung – Sonderweg // Die Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 1991. Sept. S. 823 ff.

своеобразной историей, контурами и непритязательностью как политического класса, так и коллективного сознания. Для критиков нормализации, наоборот, оставить испытанную сорокалетнюю тактику отказа от большой политики и великих чувств означало вернуться к тому особому пути, который начался с урезания результатов двойной революции в XIX в. и с которого удалось свернуть лишь после катастрофы национал-социализма. «Нормализаторы» видели в «конце послевоенной эпохи» (постоянно употреблявшееся выражение) конец навязанных державами-победительницами во Второй мировой войне и затем более или менее принятых ФРГ ограничений суверенитета, критики нормализации опасались, что при таком понимании конец послевоенной эпохи выльется в начало новой предвоенной. Они настаивали на том, чтобы ФРГ глубоко усвоила пределы и ограничения, поставленные немецкой политике и государству извне после Второй мировой войны и, избавившись от надзора союзников, не соскальзывала в русло весело-бесчувственной силовой политики.

Полемика не носила чисто академического характера – она определяла политическую (особенно внешнеполитическую) повседневность. Это отразилось, к примеру, в дискуссии по вопросу об участии Германии в военных действиях Западноевропейского союза (ЗЕС) в Югославии. Министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер его не одобрял: «По конституционным и историческим причинам немецкие вооруженные силы в миротворческой миссии ЗЕС в Югославии участвовать не могут». Председателю СДПГ Гансу-Йохену Фогелю отправка туда немецких солдат также казалась немыслимой. Зато, скажем, депутаты Фолькмар Кёлер и Руперт Шольц не понимали, почему ФРГ из-за нацистского прошлого должна проявлять такую сдержанность². Чтобы уяснить значение этой дискуссии, нужно принять во внимание, например, что для Польши и Чехословакии готовность присоединиться к миротворческим силам ЗЕС разумелась сама собой.

В начале 1990-х гг. ключевой вопрос для новой федеративной республики заключался в том, сможет ли она в своей внешней политике справиться с нацистским прошлым и каким образом. Этот вопрос стал пробным камнем, который придавал решениям и конфликтам в ФРГ особую остроту в сравнении с другими странами. До сих пор критикам нормализации приходилось сравнительно легко. Их не беспокоили требования «подвести черту», раздававшиеся с самого нача-

² См.: Deutscher Bundestag. Stenographischer Bericht, 42. Sitzung der 12. Wahlperiode. S. 3488 ff.

ла истории ФРГ, по крайней мере, когда дело касалось международного политического значения республики. Европейский и мировой послевоенный порядок делал в корне невозможным пересмотр территориальных результатов Второй мировой войны и распределения ролей в мировой политике, и не во власти ФРГ было что-либо здесь изменить. Раздел Германии, принадлежность ее частей к сферам влияния враждующих сверхдержав вытеснили ее из «срединного» положения, о котором столько говорилось, на периферию новых мировых сил и лишили способности представлять опасность. Обе части политически зависели каждая от своего блока и, по сути, не могли проводить самостоятельной политики. Правда, это не мешало (а может быть, даже помогало) как ФРГ, так и ГДР играть в своих блоках выдающуюся экономическую роль.

Однако с начала 1990-х гг. немцы, вопреки всем ожиданиям, вернулись на политическую сцену. Совершенно против воли ФРГ и, разумеется, без ее прямого и активного содействия историческое развитие привело к тому, что следствие «холодной войны», с которым федеративная республика постепенно свыклась, – разделение нации и политическое воздержание – осталось позади. Потребовавшееся в результате новое определение немецкой политики было чрезвычайно поучительно, поскольку в нем, особенно на левой стороне политического спектра, решающую роль играли уроки нацистского прошлого.

Идентификационное признание вины

Чтобы понять отношение левых 1968 г. к единству Германии, нужно рассмотреть их отношение к нацистскому прошлому. Кое-что об этом уже сказано в гл. 1, здесь последует дальнейшее уточнение и дифференциация. То, что в своем интересе к биографии родителей и ее критике поколение 1968 г. руководствовалось политическими критериями, как я утверждал выше, – лишь половина правды. Политизация, принимавшая форму тотальной и огульной критики, вместе с тем, являлась выражением весьма специфического, связанного именно с той эпохой конфликта поколений, который необходимо определить точнее.

В развитии этого конфликта наблюдалась одна важная черта: агрессивные, яростные, самонадеянные упреки в адрес поколения родителей то и дело совершенно внезапно сменялись чувствами собственного бессилия, подавленности, бесполезности и жалости к себе. Стремительное чередование обвинений и утраты ориентации говорит о том, что «второе поколение» не просто повернулось спиной к

родителям, привязанным к нацистской эпохе множеством нитей, но все еще было тесно спаяно с ними. Иными словами, столкновение поколения 1968 г. с родителями вместо разрыва вылилось в новую форму зависимости от них. Чтобы доказать этот тезис, я должен снова вернуться к 1950-м гг.

Но прежде проясним два понятия. Что такое «поколение» и что такое «левые»? В определении поколения, введенном в социальную науку Карлом Мангеймом (1928)³, подчеркивается, что принадлежность к тому или иному поколению, наряду с классовым положением, оказывает влияние на мышление и поведение индивида. Люди, близкие друг к другу по годам рождения, становятся одним поколением (например, поколением молодежного движения, «помощников зенитчиков» или 1968 г.), потому что вместе на определенном этапе жизни переживают значимые общественные и политические события и по своей самоидентификации существенно отличаются от других поколений. Это не значит, что у представителей одного поколения одинаковые политические взгляды или идентичные жизненные планы. Просто есть некий общий формирующий опыт, к которому все они в равной мере вынужденно имеют отношение.

К поколению 1968 г. или поколению студенческого движения я здесь причисляю тех, кто родился в 1938–1948 гг. Разумеется, датировка достаточно произвольна, обе границы, и верхняя, и нижняя, подвижны. Общая черта этого поколения заключается в происхождении от отцов, которые после 1945 г., как ни в чем не бывало, принялись работать над восстановлением и подъемом федеративной республики, не желая знать ни вины, ни стыда. В отличие от поколения «помощников зенитчиков» (1926–1930 гг. рождения), которое осторожно, прагматично, без иллюзий постаралось приноровиться к послевоенной системе отношений и выдвинулось на роль ее главных организаторов⁴, поколение 1968 г. предпочло громкий бунт.

Термин «левые», как все собирательные наименования, вызывает возражение, что обобщать подобным образом весьма разнородное явление неверно. У этого понятия нет четкой социальной, организационной и институциональной референции. Упрек не лишен справедливости. Особенно представители левой интеллигенции всегда настаивали на своей уникальности и неповторимой индивидуальности, которая не позволяет ставить их всех на одну полку. Но подобные

³ Mannheim K. Das Problem der Generationen // Mannheim K. Wissenssoziologie. Berlin; Neuwied, 1964.

⁴ См.: Bude H. Deutsche Karrieren. Frankfurt a. M., 1987.

аргументы больше похожи на оправдания. Когда ветер истории в духовной сфере дул в основном слева, никто не проявлял такой скрупулезности в собственной характеристике, как сегодня. Тем не менее я признаю, что «левым» трудно дать конкретное определение. Поэтому здесь я использую это понятие для самого общего обозначения политического направления, охватывающего и таких писателей, как Грасс и Хейм, и спектр «зеленой альтернативы», и СДПГ.

Никто не станет спорить с тем, что ярлык «левые» вполне подходит для характеристики политического ядра поколения 1968 г. Хотя внутри левого спектра было множество группировок, которые под «социализмом» понимали очень разные вещи и ожесточенно боролись друг с другом, это ничего не меняет. Прежде всего мне кажется бесспорным, что для «левых» в ФРГ всегда имел решающее значение вопрос о предпосылках и последствиях национал-социализма. Именно в этом пункте левая критика капитализма соединялась со специфической жизненной проблемой западногерманского поколения 1968 г.

Вернемся к 1950-м гг. Одна из сторон двойственной стратегии, типичной для преодоления прошлого в тот период, – в буквальном смысле беззастенчивое умаление собственной причастности к нацизму, демонизация нацистского господства и рассчитанная на понимание сообщников словоохотливость – сказала не только на отношении связанного с нацистской эпохой поколения к своему прошлому, но и на форме организации его отношений со своими детьми⁵. Как одно взаимодействовало с другим, можно уяснить, вспомнив «Неспособность скорбеть» Александра и Маргареты Мичерлих. Основной тезис их книги гласит: ниспровержение фюрера, поднявшего нарциссизм «соотечественников» на недостижимые высоты, резко обесценило его образ. Бывшие сторонники нацистов защищались от обусловленных этим чувств внутреннего обеднения, унижения и меланхолии путем дереализации происходившего в нацистскую эпоху, разрушая когнитивные и аффективные мосты к прошлому. Внимательные современники, главным образом эмигранты, задолго до Мичерлихов подметили в настроении послевоенной Германии задействованные в данном процессе психологические приемы. Дерееализации подвергались не только времена нацизма и его преступления вообще, но прежде всего собственная биография. Подобная «неспособность скорбеть» имела

⁵ Подробнее см.: Bohleber W. Das Fortwirken des Nationalsozialismus in der zweiten und dritten Generation nach Auschwitz // Babylon. Beiträge zur jüdischen Gegenwart. 1990. Н. 7.

серьезные последствия. Она ответственна за политический иммобилизм и отсутствие политического воображения в 1950-е гг., она помешала настоящему освобождению от нацистской идеологии, которая продолжала существовать подспудно в разнообразных формах, например в сверхдетерминированном, так сказать, антикоммунизме.

Не менее важными, чем прямой политический эффект, оказались последствия дереализации в частной, семейной сфере. Они создали условия, в которых росло «второе поколение». Глубоко пораженное нарциссизмом поколение родителей в 1950-е гг. всеми силами старалось увильнуть от открытого признания в более или менее добровольном соучастии в преступлениях нацизма. Именно от семьи по преимуществу шли отрицание, замалчивание и ложь. Но дети догадывались, что в прошлом родителей не все ладно, особенно когда их вопросы вызывали у взрослых повышенную нервозность, вспышки ярости и потоки брани.

В такой ситуации в принципе были возможны два типа реакции. Дети могли перенять у родителей «розовые очки» и нежелание по-настоящему разбираться в их отношениях с нацизмом. Таким образом возникали фантомные отцы или фантомные родители, приукрашенные картины желаемого, где существование отца начиналось с момента его появления в семье.

Но дети могли также, наоборот, ополчиться на лицемерие, лживость, мнимую уверенность, вскрывая за красивым фасадом семейного мира и благопристойности злобную гримасу непризнанных преступлений, отрицаемого соучастия в них и пассивного соглашательства. Этот путь стал определяющим для поколения 1968 г. Проблема, однако, в том, что оппозиция и отвращение – не гарантия от латентного существования и в ходе конфликта поколений преемственности образа мыслей и поведения. Пусть в данном случае не происходит идентификации с приукрашенным представлением о себе, характерным на зримом уровне для поколения родителей, зато имеет место идентификация то с подспудно продолжающими действовать элементами деструктивности, высокомерия и самонадеянности, то с чувствами вины и меланхолии, от которых приукрашенное представление о себе как раз и служило защитой.

Михаэль Шнайдер, внимательно исследовавший эту взаимосвязь, приходит к выводу, «что послевоенное поколение идентифицировало себя не столько с официальной системой ценностей и норм, с внешним ура-патриотизмом и патетическим девизом поколения эпохи восстановления “Мы снова кое-что собой представляем”, сколько с его латентными эмоциями, т. е. со скрытыми, невысказываемыми,

непроявляемыми, апокрифическими сторонами его мироощущения; что оно, как некий бессознательный заместитель, усвоило именно те меланхолические, пессимистические и депрессивные настроения, которые то поколение ради самозащиты отбросило, вытеснив их героической акцией восстановления»⁶.

Психоаналитики, кстати, могут описать немало историй болезней, которые наглядно свидетельствуют, что целый ряд индивидуальных симптомов у представителей «второго поколения» объясняется их идентификацией с причастным к нацизму поколением родителей. Хайде Файмберг, обобщая множество отдельных наблюдений, говорит о «взаимовнедрении поколений»: история поколения родителей, по ее словам, путем идентификации безмолвно проникла в психосоциальную реальность поколения детей и развернула там свою деструктивную деятельность⁷.

Мы не можем здесь останавливаться на индивидуальных последствиях этого для «второго поколения»⁸. Далее я хочу показать, с одной стороны, что идентификация, причем именно с виной родителей, оказала решающее влияние на понимание политики поколением 1968 г., обусловила его сильные и слабые стороны, а с другой стороны, что это идентификационное признание вины повинно в неприятии левыми эпохи 1968 г. единства Германии.

Левые и единство Германии

Преобладавшее среди значительной части левой интеллигенции в начале 1990-х гг. отношение к концу ГДР и реального социализма формулировалось примерно следующим образом: падение Берлинской стены – это прекрасно, но не решает «ни одной из проблем, обусловленных спецификой нашей системы»⁹. Скорее, даже затрудняет их решение, поскольку девальвация прогрессивных идей в бывшей ГДР и на Востоке «будет пагубнее, чем все вместе взятые затаенные обиды

⁶ Schneider M. Den Kopf verkehrt aufgesetzt oder Die melancholische Linke. Darmstadt; Neuwied, 1981. S. 49.

⁷ Faimberg H. Die Ineinanderrücking (Telescoping) der Generationen – Zur Genealogie gewisser Identifizierungen // Jahrbuch der Psychoanalyse. 1987. Bd. 20. S. 114.

⁸ Подробнее см.: Eckstaedt A. Nationalsozialismus in der «zweiten Generation». Psychoanalyse von Hörigkeitsverhältnissen. Frankfurt a. M., 1989.

⁹ Habermas J. Nachholende Revolution und linker Revisionsbedarf // Habermas J. Die nachholende Revolution. Frankfurt a. M., 1990. S. 197.

пяти-шести поколений обскурантистов – приверженцев антипросвещенческих, антисемитских, ложноромантических, немецко-националистических взглядов»¹⁰. Произошедший переворот, казалось большинству левых, носил негативный характер. Профсоюзное движение и движение за гражданские права привели к краху государственного социализма, но на большее не хватало ни их практической силы, ни теоретической концепции. На действительно современные и важные проблемы они не замахивались.

Западногерманские левые не только не помышляли о единой немецкой нации, но и скептически относились к восточным гражданским и оппозиционным движениям, которые не меньше, чем они сами, считали национальный вопрос устаревшим, по другим причинам. Сторонники Хартии слыли у них фантазерами, «Солидарность» вызывала подозрения в том, что является пятой колонной папы. Нежелания разобраться в новой ситуации и сделать из нее выводы для собственного мировоззрения в начале 1990-х гг. нельзя было не заметить. Оно выражалось в горьких упреках в адрес Востока, по большей части замаскированных критикой политической элиты ФРГ, которая поддалась восточному шантажу¹¹. Новую обстановку в мире, Европе и самой Германии многие левые воспринимали как чрезмерное требование, как обузу, от которой желательно избавиться. Очень редко высказывалась мысль, что переворот – не катастрофа, а освобождение, открывающее новые шансы и возможности.

Недовольство сохранялось долго. Оно находило выражение в первую очередь в терминологии и ассоциациях, используемых левыми в связи с немецким единством. Объединение, говорили одни, это «колонизация», которая сводится к построению «великой ФРГ»¹², происходит нечто «вроде “холодного” государственного переворота», над людьми снова «совершается насилие сверху». Происходящее – результат «политики аннексии», «скрытая оккупация», оно носит «черты государственного принудительного объединения»¹³ и в конечном

¹⁰ Habermas J. Über die Defizite der deutschen Vereinigung und über die Rolle der intellektuellen Kritik // Die Zeit. 1991. 10. Mai. S. 63.

¹¹ См., напр.: Schmid T. Staatsbegräbnis. Berlin, 1990. S. 71, 100.

¹² Schneider M. Über verdrängte Motive und ausgeblendete Aspekte des deutschen Einigungsprozeß – Das «einig» Vaterland und seine unsichtbaren Mauern // Geteilte Ansichten über eine vereinigte Nation. Ein Buch über Deutschland / hg. W. von Sternburg. Frankfurt a. M., 1990. S. 224.

¹³ В таком духе выдержан целый ряд высказываний, напечатанных в ежегоднике Комитета по правам человека и демократии за 1990 г. (Komitee

счете представляет собой не что иное, как «запоздалую реализацию военных целей»¹⁴. Других оно заставило вспомнить «завоевание Америки испанцами»¹⁵. Собрание членов объединения «Зеленый альтернативный список» в Гамбурге 17 февраля 1990 г. приняло резолюцию под названием «Проснись, Германия? – Лучше не надо!», в которой объявило граждан ГДР, проголосовавших за объединение, «опасными противниками любой прогрессивной политики»¹⁶.

Эти огульные суждения и осуждения не имели под собой никаких серьезных оснований. Они представляли собой не более чем выражение досады и недовольства тех, кто их высказывал, и свидетельствовали о глубоком упадке способности к политическому анализу и политического мышления, которыми некогда так гордилась левая интеллигенция. Поэтому я повторяю, что все это связано с типичным для поколения 1968 г. идентификационным признанием вины. Каким же образом?

Идентификационная роль жертвы

Идентификационное признание вины порождало политику, возводившую представителей «второго поколения» из ранга жертв родителей в ранг жертв нацизма. Благодаря стилизации под жертву нацизма достигалась архимедова точка опоры, позволявшая путем своеобразной сверхморализации легко делить все в мире на добро и зло.

Вот пример. В июльском номере журнала «Конкрет» за 1990 г. ставился вопрос: «Что мы сейчас делаем?» Ответ гласил: «Несмотря на подобные усилия [дистанцироваться от общества федеративной республики], западногерманские левые остаются продуктом общества ФРГ – общества виновников, соучастников и “вытеснителей”... Это не намек на фашиста в каждом из нас. Но стоит задуматься, не взяли ли мы от этого общества достаточно много, чтобы, глядя на него кри-

für Grundrechte und Demokratie. Jahrbuch 1990. Sensbachthal, 1991). Приведенные цитаты находятся на с. 333 и 338.

¹⁴ Dreßen W., Gillen E. Editorial // Niemandland. 1989. Н. 8–9. S. 3.

¹⁵ Flade S. Die W-Ende – Inthronisation der alten Welt im Osten // Komitee für Grundrechte und Demokratie. Jahrbuch 1990. S. 76.

¹⁶ См.: Links. 1990. Nr. 6. S. 14 f. В начале XXI в. эта позиция еще раз заявила о себе в статьях сборника: Geistige Brandstiftung. Die neue Sprache der Berliner Republik / hg. J. Klotz, G. Wiegel. Berlin, 2001.

тически, с известной компетентностью распознавать виновных лиц и судить о них»¹⁷.

Таким образом, наследие родителей-нацистов здесь представлено не как позорное клеймо, а как причина особой политической чувствительности, знак отличия. Далее говорилось: «Проходя по выставке вроде экспозиции о Лодзинском гетто, которая сейчас демонстрируется во Франкфуртском еврейском музее, следует проверить, не узнаем ли мы кого-нибудь на снимках. Не похож ли вон тот приближающийся охранник на моего бывшего учителя физкультуры? Не этого ли агента гестапо, забирающего ребенка, вчера видели на посту детектива в универмаге? А нацистский управляющий гетто, жадно пересчитывающий награбленные деньги, разве не напоминает наши добропорядочные буржуазные семьи с их состоянием, нажитым благодаря ариизации? И чем отличается сообщение “Бильд” о первом выступлении канцлера в Дрездене от панегириков по поводу прибытия фюрера в Вену?»¹⁸

Авторы настолько идентифицировались с ролью жертвы, что не замечают в собственных рассуждениях «умаления путем уподобления», о котором говорил Петер Гай, характеризуя утверждения Эрнста Нольте¹⁹. Если учитель физкультуры похож на охранника, детектив в универмаге – на агента гестапо, буржуазные семьи – на управляющих гетто, сообщение о Хельмуте Коле – на сообщение о фюрере, стало быть (вывод от противного напрашивается сам собой), с нацистами все обстояло не так скверно.

Данный отрывок, помимо необдуманных аналогий, показывает серьезный понятийно-теоретический недостаток такого рода «обработки прошлого». Понятие общества, которым оперируют авторы, не содержит ни единой мысли об институциональном, оно сводит общественное к личному и делает личность необщественным существом. Оно представляет национал-социализм творением авторитарных фигур, а весь мир в целом – суммой атомизированных индивидов. Это понятие не знает ни общества, ни институтов, ни капитализма, ни бюрократии – лишь людей, или «коварную почву субъективного» (Гелен).

Неуязвимая нравственная позиция жертвы в глазах авторов придает им особый авторитет, позволяющий судить о немецкой полити-

¹⁷ Winkel D. zum, Kieseritzky T. Was machen wir jetzt? // Konkret. 1990. Juli. S. 21.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ См.: Gay P. Freud, Juden und andere Deutsche. München, 1989. S. 14.

ке. Само уважение к жертвам (заступниками которых авторы себя считают) уже повелевает сохранить разделение на два государства, «поскольку их суждение об этой стране и ее населении – имеет самое главное значение»²⁰. С этой нравственной «колокольни» немецкое единство автоматически и без дальнейших размышлений объявляется святотатством. Из признания вины, которую немцы взяли на себя, следует, что раздел Германии – не просто факт, с которым следует мириться. Это кара за грехи поколения родителей. Освенцим, сказал Гюнтер Грасс, выступая с докладом в Тутцинге, «исключает возможность единого немецкого государства в будущем»²¹.

Тем самым он выразил основной мотив неприятия немецкого единства левыми. Разделение нации понималось как справедливое наказание за злодеяния нацистского поколения и гарантию того, что они никогда не повторятся. Под таким углом зрения объединение Германии предстает не событием, которое следует оценивать политически и исторически, а нравственным и религиозным преступлением. Это кощунство, аморальная ревизия результатов Второй мировой войны, конец справедливости.

Сторонники моральной позиции видят во всемирной истории всемирный суд, а общество рассматривают с точки зрения вины и искупления. Главная проблема подобного взгляда заключается в его политической неопределенности, в отсутствии меры и критериев. Как можно объявлять единство нации безнравственным по соображениям преодоления прошлого, не объясняя того факта, что ФРГ, преемница преступников и убийц, побежденных в мировой войне, входит в число богатейших стран земного шара? Если это богатство тоже безнравственно, чем же вообще должны искупаться грехи отцов и когда они будут отпущены?

Левый антифашизм

Представление о разделе нации как о нравственной каре за неискупимый грех, словно «нулевое окончание», уже содержалось в былом политическом аргументе левых 1968 г. относительно ГДР. Согласно ему, ГДР заслуживала существования, потому что считалась другой, лучшей, антифашистской Германией. Типичная для поколения 1968 г. политизация преодоления прошлого часто связывалась с этим идеа-

²⁰ Winkel D. zum, Kieseritzky T. Was machen wir jetzt? S. 21.

²¹ Augstein R., Grass G. Deutschland, einig Vaterland? Ein Streitgespräch. Göttingen, 1990. S. 59.

лизированным положительным образом ГДР. Там, полагали многие, действительно был осуществлен тот разрыв с прошлым, которого тщетно добивались в ФРГ.

По сути дела, антифашизм от начала и до конца являлся основным базисом легитимации ГДР²², и от него нельзя просто отмахнуться как от «идеологии». ГДР порвала с конкурентным капитализмом и частной собственностью на средства производства. Нацистские кадры (за некоторыми исключениями вроде, например, Вилли Штофа) были там действительно удалены из политики, из системы образования и государственного аппарата, из сфер юстиции и управления, из медицины – несмотря на то, что освободившиеся места приходилось заполнять лицами, не имевшими подходящей профессиональной квалификации. Сам Советский Союз по оппортунистическим соображениям прекратил денацификацию 1947–1948 гг. и пригласил тех, кто состоял в нацистской партии «лишь номинально», участвовать в строительстве нового государства. Тем не менее в ГДР – и это ее решающее отличие от ФРГ – не произошло возвращения «бывших» на государственные посты, которому в Западной Германии в апреле 1951 г. открыл широкую дорогу закон о ст. 131 конституции.

Более целенаправленная в сравнении с концепциями западных союзников и, главное, не обращенная вспять денацификация стала основным доказательством исторической заслуги ГДР. Она принесла ей почти бессрочный кредит доверия и у собственных интеллектуалов, и у западных левых. Интеллектуалы ГДР никак не могли отказать в лояльности, которой требовала от них антифашистская самоидентификация рабоче-крестьянского государства. По-видимому, в первую очередь именно поэтому в ГДР не было ничего похожего на «Хартию 77» или «Солидарность», а ее интеллектуалы не играли в перевороте 1989 г. существенной роли. На Западе ГДР нередко считали «более нравственно взыскательной альтернативой»²³ даже интеллектуалы, давно не воспринимавшие всерьез ее социалистическую саморепрезентацию. Те, кто критиковал ГДР за сталинизм и не оставлял от ее реального социализма камня на камне в сравнении с идеальным, почти всегда находили для нее смягчающие обстоятельства. Будучи антифашистской, она не могла быть совсем плохой. Хонеккер получил огромный бонус благодаря тому, что сидел при нацистах в тюрьме.

²² См.: Bude H. Das Ende einer tragischen Gesellschaft // Leviathan. 1991. Н. 2.

²³ Blanke T. Einleitung // DDR – Ein Staat vergeht / hg. T. Blanke, R. Erd. Frankfurt a. M., 1990. S. 8.

Движение за мир достаточно часто смотрело на ГДР как на борющуюся за мир державу, которую нельзя провоцировать, солидаризируясь с ее оппозиционерами²⁴.

Эту линию и взяли на вооружение некоторые западногерманские левые, выступая за сохранение ГДР: кто отрекается от ГДР, тот предаёт антифашизм. «Наша страна рождена антифашизмом» – это краткое напоминание в лозунге демонстрации [в Трептове 3 января 1990 г.], а не общественный строй, получивший название «социализма», которое как минимум несколько лет обнадеживающе соответствует истине, обосновывает не только право, но и обязанность ГДР остаться самостоятельным государством»²⁵. Практически тот же довод привел Вальтер Ульбрихт в 1960 г.: «Ставить под сомнение правомерность существования ГДР – значит сомневаться и в правомерности борьбы народов против зверского режима гитлеровского фашизма»²⁶.

Западногерманские левые в своем отношении к Восточной Германии не критически поддавались этой мистификации, и ничто не могло их отрезвить. Несомненно, антифашистский дух оказал исключительное влияние на формирование облика ГДР в первые годы после ее образования. Но, поскольку одновременно происходило подавление других политических альтернатив, например устранение СДПГ, он и тогда не был невинным. Чем дольше существовала ГДР, тем больше «предписанный» сверху антифашизм²⁷ принимал форму «беспомощного антифашизма», обслуживая иные интересы. Прежде всего он помогал обеспечивать внешнюю и внутреннюю легитимацию ГДР и затыкать рот оппозиции внутри страны. Он содействовал «вытеснению» сталинизма, удушению в зародыше протестов «второго поколения». На вопросы о происходившем в московской гостинице «Люкс» и об «архипелаге ГУЛаг» представители поколения строителей ГДР отвечали, что бросать упреки им, сидевшим в нацистских концлагерях, никто не имеет права. Героиня романа Моники Марон «Тихая улица, шесть» говорит: «Они [старые коммунисты и антифашисты] всегда правы, думала я, что бы я ни сказала, они уже познали все мыслимые несчастья, эти счастливые обладатели биографий.

²⁴ См.: Schneider P. Extreme Mittellage. Eine Reise durch das deutsche Nationalgefühl. Reinbek, 1990. S. 59.

²⁵ Tolmein O. Anti-Anti-Faschismus // Konkret. 1990. Н. 2. S. 25.

²⁶ Цит. по: Kielmansegg P. Nach der Katastrophe. Eine Geschichte des geteilten Deutschland. Berlin, 2000. S. 562.

²⁷ Giordano R. Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. München, 1990. S. 215.

Едва я открою рот, чтобы пожаловаться на свои, как мне сунут в зубы Равенсбрюк или Бухенвальд. Хоть умри, а глотай»²⁸.

Примерно то же самое происходило в прежней ФРГ, только здесь поколения поменялись местами. Ход событий мировой истории с конца 1980-х гг. парализовал политическое здравомыслие западно-германских левых еще и потому, что заставлял их увидеть, наконец, то, с чем они упорно не желали согласиться: история коммунизма – это трагедия, она с начала и до конца представляет собой историю террора, крови и угнетения. В основе нежелания смириться с неприкрашенной истиной лежало опять-таки идентификационное признание вины. У поколения 1968 г. всегда существовали большие опасения, что правда о коммунизме приведет к освобождению от ответственности поколения родителей. В 1960-е гг. такая позиция имела историческое оправдание. Если бы движение 1968 г. не отвергло антикоммунизм 1950-х гг., не предоставило стереотипы «холодной войны» исключительно в распоряжение правых, оно не набрало бы той силы, какую продемонстрировало. Лишь его критика лояльности, навязанной «холодной войной», открыла всем глаза на сомнительный демократический базис ФРГ.

Однако сила превратилась в слабость, поскольку анти-антикоммунизм левых сделал их очевидно неспособными критиковать угнетательскую сущность реального социализма. «Архипелаг ГУЛАГ» они считали выдумкой правых. Поэтому с их стороны не раздавалось ни единого крика ужаса, когда становилось все яснее, что коммунизм не только до смерти Сталина являл собой царство страха, но и после нее остался непрерывной чередой репрессий, коварства и произвола. Видеть в капиталистических рыночных и индустриальных обществах Запада экономически более сильную и эффективную систему, да еще и признать, что она вдобавок не такая бесчеловечная, – это для них явно было чересчур. Левые в ФРГ с давних пор выработали иммунитет против подобных догадок, неизменно указывая, что есть кое-что похуже, заслуживающее разоблачения. Комитет по основным правам и демократии, например, писал в 1990 г. в новогоднем послании правозащитным группам ГДР, что «всемирно-рыночное евангелие реального капитализма куда опаснее людских и материальных потерь, вызванных сталинизмом»²⁹.

Разумеется, левые не защищали сталинизм, но избранный путь мешал им взглянуть правде в лицо. Это они оставляли на долю ав-

²⁸ Maron M. Stille Zeile sechs. Frankfurt a. M., 1991. S. 141 f.

²⁹ Komitee für Grundrechte und Demokratie. Jahrbuch 1990. S. 285.

торов из других стран, от Артура Кёстлера и Альбера Камю до Андре Глюксмана. И если те заходили слишком далеко, как, например, Глюксман, левые ФРГ лишней раз убеждались, что данную тему лучше вообще не трогать.

Левые поколения 1968 г. постоянно оглядывались на нацистское прошлое, отвечая на вопрос о будущем ФРГ, – и проморгали его. Идентификационное признание вины и вытекающая из него сверхморализация стали причиной безучастности и меланхолического настроения, в которое они погрузились перед лицом перемен в Германии и Европе. Таким образом, в конце 1980-х гг. левые положительно проспали «неслыханное событие» всемирно-исторического перелома и на долгое время простились со сценой общественных дискуссий, продемонстрировав тем самым вопиющее отсутствие политического мышления.

Антикоммунизм и анти-антикоммунизм

Приведенные выше рассуждения, которые я вначале изложил на совещании редакции журнала «Левиафан», встретили как одобрение, так и резкую критику. Помимо ряда деталей, о которых нет большого смысла спорить, мой самый непримиримый критик Рольф-Дитер Нарр в первую очередь обратил внимание на роль анти-антикоммунизма и его связи с нацистским прошлым для западногерманских левых³⁰. Эта связь действительно имеет исключительное значение, и здесь следует еще раз на ней остановиться.

Не может быть сомнений в том, что антикоммунизм являлся главной идеологией ФРГ на раннем этапе ее существования. Западногерманское государство – дитя «холодной войны». Не будь конфронтации между западными союзниками и СССР, оно не появилось бы. Антикоммунизм очень быстро перевесил в ФРГ антифашизм, который и без того с самого начала существовал там лишь в зачаточной форме. Идеино-политические преимущества замены антифашизма антикоммунизмом очевидны: центральный элемент нацистского «систематизированного бреда» получал благословение свыше – от западных держав-победительниц – и, таким образом, необработанным и непроясненным переносился из нацистской эпохи в новую федеративную республику.

³⁰ Narr W.-D. Mission und Vergangenheit «der» Deutschen // Leviathan. 1992. Н. 3.

Поколение, родившееся уже в ФРГ, к которому принадлежит и автор этой книги, позже вряд ли могло представить себе, какой глубокий отпечаток вражеский образ коммунизма накладывал на федеративную республику в 1950-е и начале 1960-х гг. Коммунистический Восток во внешней политике служил пугалом, открывшим ФРГ доступ в ряды западных держав-победительниц, а во внутренней – инструментом, позволявшим душиТЬ в зародыше любую мнимую или действительную оппозицию слева.

Необходимо помнить об этих условиях, если хочешь оценить значение анти-антикоммунизма для образования нового левого крыла в ФРГ. Те, кто занимал левые теоретические и политические позиции, сталкивались с массовым неприятием, и единственный шанс выстоять против него заключался в том, чтобы терпеливо сносить худшие политические обвинения. Часто бросаемый левым упрек в работе на Москву и предательстве родной страны следовало холодно и бесстрастно игнорировать. Иначе вряд ли удалось бы трезво и беспощадно критиковать планы ядерного вооружения, войну во Вьетнаме, недемократичную высшую школу и авторитарную общественную структуру ФРГ.

Часть левого движения не видела иного способа бороться с царящим в ФРГ антикоммунизмом, кроме безоговорочной и слепой идентификации со странами реального социализма. Для «новых», антиавторитарных левых, напротив, было характерно как неучастие в демонизации коммунизма, так и нежелание из духа противоречия идентифицировать себя с «империей зла». Об этом в достаточной мере свидетельствует их отношение к военному подавлению «пражской весны». Правда, протест против него мог бы быть выражен и более отчетливо.

Убедительное выступление с позиции анти-антикоммунизма зачастую напоминало балансирование на лезвии ножа. Признание границы между двумя Германиями не затушевывало того факта, что на этой границе стреляют. Ратуя за политику разрядки и реалистичное представление о социалистических странах, нельзя было не думать, что там политические оппозиционеры преследуются и должны быть готовы к тюрьме, депортации или высылке. Отношение к диссидентам по сей день показывает, какие здесь приходилось преодолевать трудности. Многие из них своим пламенным антикоммунизмом не отличались от ХДС. Западногерманским левым этого нередко хватало, чтобы не слишком к ним прислушиваться, даже в тех случаях, когда они могли дать подлинные сведения о притеснениях в Советском Союзе, ГДР и других странах.

Вынужденный анти-антикоммунизм, которому в 1950–1960-е гг. не существовало интеллектуальной альтернативы и который в то время имел огромный просветительный и освободительный эффект, продемонстрировал свою оборотную сторону в реакции на крах реального социализма. Анти-антикоммунизм, практически неизбежно связывавшийся с критикой формы преодоления прошлого в 1950-е гг., объясняет политические аномалии, закравшиеся в некоторые высказывания левых по поводу гибели Советского Союза и развала системы социалистических государств.

Праздновать тут было особо нечего. Озабоченность, часто выражавшаяся перед лицом событий 1989–1990 гг., впоследствии оказалась прямо-таки пророческой. Но на массе таких оценок пагубно сказалось то, что они выстраивались в старых координатах антикоммунизма и анти-антикоммунизма. Тревогу вызывали не реальные события и опасности в бывших социалистических странах, а мысль о западных «бойцах холодной войны» и апостолах рыночной экономики. В том, что они приветствуют, казалось многим, просто не может быть ничего хорошего. Только такой извращенной логикой анти-антикоммунизма объясняется, на мой взгляд, совершенно неуместная, цитировавшаяся выше фраза Комитета по основным правам и демократии, что «всемирно-рыночное евангелие реального капитализма куда опаснее людских и материальных потерь, вызванных сталинизмом».

Левые в начале 1990-х гг. оплакивали свой добрый старый анти-антикоммунизм, вместо того чтобы радоваться, что он больше не нужен и духовные вывихи, к которым он их вынуждал, теперь ни к чему. Впервые со времен Октябрьской революции после краха реального социализма появилась возможность формулировать позиции социалистического критического общественного анализа, не терзаясь вопросами идентификации и размежевания. Это не потеря, а приобретение. Выражаясь словами Петера Слотердайка: «Распад советской империи принес интеллектуалам двойную выгоду. Во-первых, необходимой более, чем когда-либо, критикой капитализма отныне можно заниматься гораздо свободнее, не навлекая на себя обвинений в пособничестве той радикальной империи... Во-вторых, благодаря исчезновению этого мнимого царства утопии – и вместе с ним такого противоестественного гибрида, как религиозный социализм / советский империализм, – интеллектуалы перестанут небрежно смешивать в кучу духовные и политические мотивы»³¹.

³¹ Denken jenseits unserer verkorksten Rationalität. Gespräch mit Peter Sloterdijk // FAZ. 1992. 7.–8. März.

Нравственная щепетильность и ее оборотная сторона

Анти-антикоммунизм и отношение новых левых к нацистскому прошлому тесно взаимосвязаны. Оппозиция всегда ставила перед преобладавшим в ФРГ антикоммунизмом, который приукрашивал себя ценностями свободы, демократии и человеческого достоинства, критическое зеркало, указывая на варварское прошлое, так и не отрицанное в полной мере Западной Германией. Огромные масштабы личной сопричастности почти всех взрослых граждан ФРГ к злодеяниям нацистской эпохи скрывались и преуменьшались. Отрицание, умаление, перетолкование прошлого зачастую доходили до грани лжи, особенно в частной сфере.

Левая оппозиция и здесь нарушила табу. Она вскрыла линии преемственности между национал-социализмом и федеративной республикой, разоблачила ложь и стремление выдавать желаемое за действительное в господствующем политическом сознании. Импульсом к этому послужили не абстрактные размышления, а исследование собственного происхождения и пугающее открытие, что идеализируемые раньше родители нередко оказываются лицами, намеренно скрывающими темное прошлое. В этой биографической стороне политической и теоретической деятельности левых, собственно, нет ничего предосудительного. Хотя возмущение потомков порой носило черты прокурорского высокомерия, оно все же стало реальным стимулом политического прорыва к демократическому и более основательно дистанцирующемуся от своего преступного прошлого обществу. Было бы глупо отрицать, что наука и политика всегда имеют дело с биографическим опытом. Происхождение человека и культура, в которой он вырос, вообще имеют для его политических действий или бездействия гораздо больше значения, чем это нам известно.

Желая прояснить для себя и читателей взаимосвязи между жизненным опытом и политической практикой на собственном примере, мой критик Нарр в 1992 г. опубликовал заметки о своей биографии. Там говорится: «Родился в 1937 году (в год Хосбахского протокола). Детство “арийского” ребенка в разгар национал-социализма под крылышком матери/родителей. Детская безмятежность (“невинность”?) и наивно национал-социалистический образ мыслей. Помнится надежда когда-нибудь поступить в “Напола”. В этих нацистских учебных заведениях для избранных будущих нацистских фюрерчиков, по мнению ВДН [Вольфа-Дитера Нарра], в равной мере требовались “дух” и “тело/спорт”. Помнится мальчишеское желание стать “военным поселенцем в Черноземье” [на Украине], предполагавшее гос-

подство там нацистов. Это желание также бессознательно отражало нацистскую политику больших пространств и уничтожения... После 1945 года... ожесточенные и долгие споры ученика старших классов гимназии с отцом. Тот состоял на службе в НСДАП. Главное: несмотря на словесные баталии до изнеможения, никакого «отцеубийства» в переносном (психоаналитическом) смысле слова. Отец не отпирался от своего прошлого... Благодаря этому у ВДН появился шанс постепенно осознать, насколько широко и глубоко он сам был вовлечен в него через своих родителей... Родители – часть меня. Я в соответствующем возрасте – в 1933 году на месте моих родителей»³².

Эти строки, в которых автор так убедительно старается показать биографическое значение нацистского прошлого для собственного развития, очень близко подходят к тому, что я назвал идентификационным признанием вины. Конечно, выводить политическую позицию из биографии всегда дело затруднительное. Даже когда известно множество подробностей жизненного пути, о многом остается только догадываться. Вдобавок предположение об идентификационном признании вины принадлежит к тем гипотезам, которые нельзя подкрепить неопровержимыми доказательствами. Но это и не нужно. Решающее свидетельство их разумности или нелепости – возможность или невозможность с их помощью понять феномены, которым нет других приемлемых объяснений.

Гипотеза об идентификационном признании вины такую возможность дает. Благодаря ей становятся понятны не только некоторые обескураживающие явления в протестном движении 1968 г. (например, его позднейшие метания между антиавторитарным бунтом и авторитарной субординацией), но и своеобразная односторонность взгляда западногерманских левых на послевоенный мировой порядок, прежде всего на существование двух немецких государств. Теоретически нераздельность прав человека никогда не вызывала у них сомнений. Однако, вместе с тем, раздел Германии представлялся им всего лишь справедливой карой за грехи отцов. Мысль о противоречии между обеими позициями не приходила им в голову. Потсдамская площадь в Берлине, пустырь на стыке двух систем, в глазах многих олицетворяла рану, нанесенную нацистской эпохой послевоенному обществу, в которой повинны единственно нацисты и их пособники. Подвергать сомнению необходимость внутригерманской

³² Flade S., Narr W.-D. Die deutschen Vergangenheiten und wir. Eine menschenrechtliche Perspektive / hg. Komitee für Grundrechte und Demokratie e. V. Sensbachthal, 1992. S. 25 f.

границы и, тем более, думать о ее устранении означало упразднить это осязаемое и, с данной точки зрения, совершенно закономерное следствие немецкой истории. При бесспорной логичности подобных рассуждений они бездумно обходили вниманием тот факт, что с их помощью невольно оправдывается жизнь 16 млн человек за колючей проволокой.

Этот парадокс до сих пор очень мало обсуждается западногерманскими левыми. Идентификация с виной поколения родителей привела к тому, что выросшие весьма чуткими дети из чисто нравственной щепетильности видели лишь одну сторону дела, считая раскол на два государства справедливым наказанием за преступления нацизма. На то, что отсюда вытекает косвенное оправдание политических репрессий, они смотрели сквозь пальцы. Именно эта обратная сторона нравственной щепетильности ярко проявилась во многих высказываниях левых после падения Берлинской стены.

3. ЗАПРЕТ ОБРАТНОГО ДЕЙСТВИЯ

Несмотря на всю неуместность сопоставления преступлений ГДР и нацистов, при попытке их уголовного преследования в обоих случаях встает ряд сходных вопросов. Не случайно поэтому в дебатах о возможностях, смысле и цели преодоления прошлого ГДР средствами уголовного права преодоление нацистского прошлого служит ориентиром, на который постоянно ссылаются. Тем самым юридическая борьба с прошлым ГДР стала и полемикой с методами преодоления нацистского прошлого.

Как правило, считается, что в ФРГ 1990-х гг. мы имеем дело с нацистским прошлым не прямо, а опосредованно, через историю его преодоления в истекшие десятилетия. И это достаточно верно для того, чтобы обращаться к данной истории в надежде извлечь из нее уроки для преодоления прошлого ГДР. Однако пример с запретом обратного действия показывает также, что недостатки и пробелы уголовно-правового преодоления нацистского прошлого снова обнаруживаются в ходе уголовно-правового преодоления прошлого ГДР, вопреки совершенно противоположным намерениям.

Запрет обратного действия и исключения из него

Запрет обратного действия носит в ФРГ конституционный характер. Статья 103 п. 2 конституции гласит: «Любое деяние подлежит наказанию лишь в том случае, если наказуемость этого деяния была установлена до его совершения». Данный принцип заложен почтенной традицией европейского Просвещения. В своей латинской формулировке «*nulla poena sine lege*» он восходит к Ансельму фон Фейербаху, который в начале XIX в. старался привить немецкому уголовному праву черты, характерные для правового государства. Запрет обратного действия служит для обеспечения правовой безопасности и защиты подчиненных от произвола власть имущих. Последние не должны по прошествии времени объявлять преступлением нечто такое, что в момент совершения не являлось нарушением действующей

щих законов. Ни юстиции, ни политике не дозволено задним числом предъявлять гражданам правовые претензии, о существовании которых они ничего не знали и знать не могли¹.

Скрывающиеся за таким принципом проблемы тотчас становятся ясны, если взглянуть на него в формулировке премьер-министра Ганса Карла Фильбингера: «То, что было законным тогда, не может быть незаконным сегодня». Рольф Хохгут в середине 1980-х гг. за некоторые приговоры военного и послевоенного времени назвал Фильбингера, бывшего судьей военного трибунала вермахта, «страшным юристом». Фильбингер предъявил Хохгуту иск, сославшись в свое оправдание на вышеприведенную популярную версию запрета обратного действия. Дело, однако, решилось не в его пользу: Хохгута оправдали, Фильбингер ушел в отставку со своего высокого поста.

Так же, как Фильбингер, в первые пятнадцать послевоенных лет рассуждали все, кто выступал против уголовного преследования нацистских преступников, – а это было большинство населения Германии и большинство высокопоставленных политических и судебных деятелей. Союзники, напротив, во время Нюрнбергских процессов самовластно отбросили принцип «*nulla poena sine lege*». Устав Международного военного трибунала и закон Контрольного совета № 10 установили новые составы уголовных преступлений, в частности состав преступления против человечности. Согласно им, действия, направленные против человечности, подлежали наказанию, даже если не нарушали законов страны, в которой совершались. Так, например, на Нюрнбергском процессе над нацистскими судьями трибунал заявил: «...Обвиняемый знал или должен был знать, что виновен в делах, с международно-правовой точки зрения означающих участие в организованной государством системе несправедливости и преследований, оскорбляющей нравственное чувство человечности... знал или должен был знать, что в случае ареста будет наказан»².

В ФРГ тогда смотрели на дело совершенно иначе. В результате осужденные союзниками в Нюрнберге нацистские преступники ма-

¹ См.: Krey V. Keine Strafe ohne Gesetz. Einführung in die Dogmengeschichte des Satzes «*nullum crimen, nulla poena sine lege*». Berlin; New York, 1983; Welke W. A. Rückwirkungsverbot zugunsten staatlicher Kriminalität // Kritische Justiz. 1995. Jg. 28.

² Das Nürnberger-Juristenurteil / hg. Zentral-Justizamt für die britische Zone. Hamburg, 1948. S. 34.

ло-помалу стали казаться жертвами, которые вообще попали под суд только потому, что союзники не соблюдали принцип правового государства – запрет обратного действия законов. И союзники потом, под значительным нажимом Германии, фактически почти всех осужденных в Нюрнберге нацистов освободили досрочно. Само собой разумеется, что немецкие суды, со своей стороны, в 1950-е гг. не считали возможным подвергать нацистских преступников уголовному преследованию. В конце концов, принципы правового государства должны применяться со всей строгостью, да и в конституции записано, что запрет обратного действия не терпит исключений.

ГДР в данном вопросе оказалась более «западной», чем ФРГ. Все конституции ГДР содержали запрет обратного действия законов, но, вместе с тем, и исключения из общего правила. Конституция 1949 г. (ст. 135 п. 3) позволяла не принимать во внимание запрет обратного действия, если это необходимо для борьбы с нацизмом, фашизмом и милитаризмом. В конституцию 1968 г. (ст. 91) вошло положение о том, что разработанные союзниками после войны правовые основания преследования нацистских преступников имеют непосредственную силу в ГДР. Оно сохранилось и в конституции 1974 г. Эти конституции не давали четкой регламентации исключений из запрета обратного действия. Но, поскольку ГДР перенимала принципы международного права в качестве непосредственно действующих на ее территории, все и так было ясно.

Когда речь зашла о процессах против преступных представителей системы ГДР, исходное положение оказалось не менее сложным. Союзники после войны знали о запрете обратного действия законов, но не считали его реальным препятствием для привлечения к суду и наказания нацистских преступников, которые всего лишь верно следовали законам и распоряжениям нацистского режима. ФРГ рассматривала себя как правовое государство, где запрет обратного действия не имеет лазеек и исключений и где поэтому наказание преступлений времен нацизма либо не осуществлялось вообще, либо сопровождалось большими юридическими трудностями. Наконец, ГДР выработала концепцию, согласно которой преступления против человечности в духе ст. 6 устава Международного военного трибунала в Нюрнберге караются независимо от внутригосударственного законодательства и внутригосударственных оснований, исключающих ответственность. Таким образом, ГДР, в отличие от ФРГ, оказалась в хорошей компании: данную правовую концепцию разделяло и до сих пор разделяет большинство европейских стран. Другое дело, как это выглядело в судебной практике каждой из них.

Запрет обратного действия и нацистское прошлое

ФРГ избрала особый путь в вопросе о запрете обратного действия сознательно и по собственной воле. Это видно по ее отношению к Европейской конвенции о защите прав человека (ЕКПЧ). Конвенцию принял в ноябре 1950 г. Совет Европы. Там в ст. 7 п. 1 закрепляется запрет обратного действия законов. Но есть и пункт, устанавливающий правило, которым уже руководствовались союзники в Нюрнберге. Запрет обратного действия, гласит он, «не препятствует осуждению и наказанию любого лица за действие или бездействие, которое в момент его совершения являлось уголовным преступлением в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами» (ст. 7 п. 2 ЕКПЧ).

ФРГ в 1952 г. ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека, но с одной оговоркой. Ею не был принят тот самый 2-й пункт ст. 7, который объявлял запрет обратного действия не имеющим силы при определенных условиях. К этому положению ФРГ сделала примечание, что ст. 7 п. 2 ЕКПЧ «будет применяться только в пределах ст. 103 п. 2 Конституции Федеративной Республики Германии» (то есть не будет применяться вообще).

Иными словами, ФРГ, не только принимая конституцию, но и ратифицируя ЕКПЧ, ясно высказалась против любых исключений из запрета обратного действия. Довод, приведенный тогда бундестагом в защиту своей позиции, весьма примечателен. Оговорка к ЕКПЧ обосновывалась ссылкой на «чрезвычайно печальный опыт» «нарушения правового принципа “*nulla poena sine lege*”, который немецкий народ приобрел в период нацистской диктатуры». Поэтому, дескать, запрет обратного действия не терпит никаких ограничений³.

Звучит убедительно. Нацисты в самом деле абсолютно не уважали запрет обратного действия. В принципе он сохранялся, но нацистские власти придавали уголовным законам обратную силу всякий раз, когда это было им угодно и казалось целесообразным. Первым примером такого рода стал «закон о ван дер Люббе» от 29 марта 1933 г., который задним числом вводил смертную казнь за поджог.

Карл Шмитт в 1934 г. решительно поддержал подобную практику в работе «Путь немецкого юриста»: «Сегодня любой увидит в тезисе “нет преступления без наказания, *nullum crimen sine poena*” в сравнении с тезисом “нет наказания без закона, *nulla poena sine lege*” более высокую и сильную правовую истину и будет толковать законода-

³ Verhandlungen des Deutschen Bundestages, 217. Sitzung, 10. Juni 1952.

тельное определение, выраженное тезисом “нет наказания без закона”, соответствующим образом»⁴.

С точки зрения ФРГ до 1990 г., имелась, по сути, лишь одна альтернатива: либо правовое государство, т. е. запрет обратного действия законов, либо обход запрета обратного действия, т. е. неправовое государство. Третьего не дано? Союзники и страны, подписавшие ЕКПЧ, полагали, что со времен Нюрнберга есть третий путь. Поэтому 2-й пункт ст. 7 ЕКПЧ считался также недвусмысленным признанием со стороны Совета Европы правомерности Нюрнбергских процессов и часто именовался «Нюрнбергским пунктом».

Об этой взаимосвязи тогда, вероятно, знал любой член германского бундестага. Напрашивается подозрение, что парламент отвергал положение, ограничивающее запрет обратного действия, не просто под влиянием урока национал-социализма, но в первую очередь с намерением лишить судебное преследование нацистских преступников союзниками юридической легитимности и сделать невозможными дальнейшие процессы. С уверенностью можно утверждать, что в этом заключался неявная, но основная цель всех его маневров.

Идея, собственно, была такова: раз германскому бундестагу ограничение запрета обратного действия в ЕКПЧ напоминает о нацистском произволе и в то же время «Нюрнбергский пункт» кладется в основу организованных союзниками процессов против нацистских преступников, очевидно, сами эти процессы ненамного лучше того, что делали нацисты. По всей видимости, действительно, победить нацистский юридический произвол можно лишь в том случае, если не допускать никаких исключений из правила, запрещающего обратное действие законов, и вообще отказаться от суда над нацистскими преступниками.

Подобная интерпретация запрета обратного действия германским бундестагом – прекрасный образчик двойственной стратегии 1950-х гг., о которой я говорил в гл. 1. С одной стороны, таким образом категорически отвергался юридический произвол нацистского режима, с другой стороны, именно ссылаясь на его неприятие, можно и нужно было отказаться от персонального привлечения тех, кто являлся опорой этого режима, к уголовной ответственности за их поведение.

Запрет обратного действия и прошлое ГДР

В договоре об объединении Германии от 30 августа 1990 г. повторялся запрет обратного действия законов: органы юстиции ФРГ,

⁴ Цит. по: Müller I. Gesetzliches Recht und übergesetzliches Unrecht // Leviathan. 1997. Н. 3. S. 319.

говорилось там, при уголовном преследовании правонарушений времен ГДР должны опираться на законодательство, действовавшее в момент их совершения на территории ГДР, а не на законодательство ФРГ, за исключением случаев, когда последнее мягче.

Если речь идет об обычных преступлениях, проблем нет. Убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших за собой смерть, являлись наказуемыми и в соответствии с кодексом ГДР. Проблему представляют так называемые преступления системы. Здесь, несмотря на все различия в тяжести и масштабах содеянного, возникает та же трудность, что и при преследовании нацистских преступников. Правонарушения ради государства, те правонарушения, которые само государство законодательно предписывало или, по крайней мере, позволяло и допускало, таким образом покарать невозможно.

В ГДР действовали распоряжения, согласно которым стрельба на поражение на границе не только оставалась безнаказанной, но разрешалась и поощрялась. Законы о пограничной и полицейской службе требовали применять огнестрельное оружие, в приказах и служебных инструкциях подчеркивалось, что «нарушители границы, в любом случае рассматриваемые в качестве противника, при необходимости должны уничтожаться», как гласило решение Национального совета обороны 1962 г.

Если принимать во внимание запрет обратного действия, очевидно, что подобное беззаконие в форме закона недоступно для вмешательства уголовного права. Это тем более верно в том случае, когда помимо текста законов следует учитывать господствовавшую в тот или иной момент судебную и юридическую практику их толкования. В итоге узаконенный характер преступления защищает данное преступление от уголовного преследования.

Когда дело касалось нацистского прошлого, ФРГ в 1950-е гг. не мирилась с этим обстоятельством вынужденно, а рассматривала его, по сути, как победу, достигнутую благодаря запрету обратного действия. В отношении прошлого ГДР с начала 1990-х гг. все оказалось иначе. Теперь возникло желание обойти запрет, чтобы иметь возможность предать суду ответственных за беззаконие в ГДР. Таким образом, судебная система в 1990-е гг. столкнулась с препятствием, которое сама же, в союзе с политикой, создала в 1950-е. Ныне речь шла уже не о наказании нацистских преступников, а об уголовном преследовании коммунистического произвола. То, что юстиция довольно быстро отыскала способы судить «узаконенные преступления», свидетельствует не просто о внешнем изъятии и выставляет всю

«обработку» ГДР в сомнительном свете. С другой стороны, раз и навсегда объявить, ссылаясь на трудности преследования нацистских преступников, юридическое наказание «узаконенного беззакония» непозволительным в силу необходимости единого подхода – значило бы расписаться в своей неспособности учиться.

Высокий барьер запрета обратного действия после 1990 г. был убран. Этому помогла прежде всего так называемая формула Радбруха. Социал-демократ Густав Радбрух, дважды на короткое время занимавший кресло министра юстиции в Веймарской республике, а в 1933 г. ставший первым преподавателем высшей школы, которого выгнали с работы, в 1946 г. писал в работе «Законная несправедливость и надзаконное право»: «Конфликт между справедливостью и правопорядком можно было бы разрешить таким образом, что позитивное, гарантированное законодательством и властью право имеет преимущество, даже когда оно по своему содержанию несправедливо и нецелесообразно, до тех пор пока противоречие позитивного закона справедливости не достигает такой невыносимой степени, что закон как “неправильное право” должен уступить справедливости»⁵.

Иными словами, обычно запрет обратного действия должен соблюдаться, даже если порой это несправедливо и нецелесообразно, но бывают ситуации, когда его последствия столь несправедливы и невыносимы, что от него нужно отказаться. В таком случае суд должен ориентироваться не на закон, действовавший в момент совершения преступления, а на справедливость.

Применительно к «гэдээровским» процессам это означало, что суду не следует принимать во внимание существовавшие в ГДР законы и основания, исключаящие ответственность, если они противоречат элементарным требованиям человечности. На данной основе выносились приговоры на процессах по делам о преступлениях системы в ГДР – как рядовым стрелкам-пограничникам, так и их высокопоставленному начальству.

Осуждено было более сотни преступников из ГДР. Наиболее впечатляющими получились два процесса. Один из них – против шести членов Национального совета обороны, на который возлагалась первоочередная политическая ответственность за пограничный режим и, следовательно, убийство беженцев на границе. Трех оставшихся к концу процесса обвиняемых (последнего министра обороны ГДР Хайнца Кесслера, бывшего начальника Главного штаба Националь-

⁵ Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und übergesetzliches Recht // Radbruch G. Rechtsphilosophie. 8. Aufl. Stuttgart, 1973. S. 345.

ной народной армии Фрица Штрелица и бывшего председателя Зульского окружного комитета СЕПГ Ганса Альбрехта) Берлинский земельный суд приговорил к лишению свободы на том основании, что действия, которые покрывал или которых требовал общественный строй ГДР, наказуемы, когда речь идет об очевидном грубом нарушении главных принципов справедливости и человечности.

Федеральный суд согласился и с приговором, и с его обоснованием, а в одном случае даже повысил меру наказания. Федеральный конституционный суд, куда осужденные подали жалобу, в октябре 1996 г. решил, что приговоры не противоречат конституции, т. е. не нарушают и закрепленный в ней запрет обратного действия.

Второй громкий процесс состоялся против бывших членов Политбюро ЦК СЕПГ Кренца, Шабовски и Кляйбера. Берлинский земельный суд в августе 1997 г. приговорил обвиняемых к лишению свободы на срок от трех до шести с половиной лет. Федеральный суд в Лейпциге в ноябре 1999 г. подтвердил приговоры. Обвиняемые, заявили оба суда, будучи членами Политбюро ЦК СЕПГ, а Кренц – еще и членом Национального совета обороны и ответственным секретарем ЦК по вопросам безопасности, виновны в совершении умышленных преступлений через третьих лиц. Они участвовали в убийстве беженцев, содействуя принятию соответствующих постановлений Политбюро и Национального совета обороны. Они отвечали за пограничный режим ГДР.

Казалось, дело теперь ясно и в принципе закрыто. Высшие германские судебные инстанции пришли к мнению, что запрет обратного действия – великое благо правового государства, но если он серьезно расходится с требованиями справедливости, то его можно и отменить. Наконец-то это звучит так же, как звучало еще в Лондонском уставе Международного военного трибунала и в Европейской конвенции о защите прав человека. Особый путь ФРГ в вопросе об обратном действии законов как будто завершился.

Некоторые из осужденных, однако, обратились в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Подать ему жалобу, когда внутригосударственные правовые средства исчерпаны, может тот, кто считает, что его права, гарантированные ЕКПЧ, ущемлены одной из договаривающихся сторон конвенции. Страсбургский суд занимался процессами по делам об инцидентах на границе между двумя Германиями более трех лет. После того как Федеральный конституционный суд в октябре 1996 г. объявил справедливыми приговоры, вынесенные на первом из вышеупомянутых процессов, осужденные члены Национального совета обороны Кесслер и Штрелиц апеллировали к ЕСПЧ.

Кренц предусмотрительно пожаловался туда же в июне 1998 г., прежде чем его приговор вступил в силу.

ЕСПЧ пришлось рассмотреть два вопроса: во-первых, как суды Федеративной Республики Германии соблюдают запрет обратного действия, а во-вторых, как выглядит соотношение европейского законодательства о правах человека с германским конституционным правом. Европейская конвенция предусматривает исключения из применения запрета обратного действия. Поэтому на первый взгляд кажется бессмысленным обращаться в Страсбургский суд с жалобой на несоблюдение именно этого принципа.

Но тут, конечно, был другой расчет. Вероятно, по мысли осужденных, суд мог установить, что Европейская конвенция о защите прав человека не имеет в ФРГ конституционного статуса и, следовательно, там действительна только конституция страны, категорически запрещающая придавать законам обратную силу. Они, по всей видимости, надеялись, что судьи в Страсбурге дерзнут признать интерпретацию Федерального конституционного суда Германии неправомерной. Ситуация осложнялась тем, что ФРГ все-таки ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах, содержащий «Нюрнбергский пункт». В данном случае бундестаг никакой оговорки не сделал.

Путаница получилась невероятная. Высокопоставленные политики ГДР, где запрет обратного действия допускал исключения, осуждены судами государства, в котором этот запрет имеет конституционный статус, судам пришлось ломать голову, как его обойти, и в итоге к обвиняемым в данном отношении применили, можно сказать, конституцию их собственной исчезнувшей страны. Затем осужденные обращаются в Европейский суд по правам человека. Они обосновывают свой шаг тем, что права, принадлежащие им согласно Конвенции о защите прав человека, нарушены, поскольку их судили за преступления, объявленные таковыми задним числом. Но конвенция недвусмысленно разрешает придавать законам обратную силу при преследовании деяний, которые являются наказуемыми «в соответствии с общими принципами права, признанными цивилизованными странами».

В общем и целом здесь можно было бы увидеть прекрасный и немаловажный пример исторического возмездия. Европейский суд по правам человека в Страсбурге мог помешать намерению многих судов и политиков ФРГ подвергнуть судебному преследованию лиц, ответственных за преступления системы в ГДР, потому что сама ФРГ, принимая конституцию и ратифицируя в 1952 г. Европейскую

конвенцию о защите прав человека, постаралась до предела затруднить преследование нацистских преступников.

Дело осужденных отнюдь не казалось безнадежным. Их жалобу в Страсбурге единогласно (семнадцатью голосами) приняли к рассмотрению как «имеющую определенные основания». Как правило, считается, что Страсбургский суд вправе корректировать решения германских судов вплоть до федерального конституционного, и его вердикты являются обязательными для ФРГ. Тем не менее 22 марта 2001 г. ЕСПЧ четырнадцатью голосами против трех признал приговоры германских судов законными.

Преодоление прошлого посредством права?

Итак, особому пути Германии в вопросе о запрете обратного действия как будто бы пришел конец. Формула Радбруха укоренилась в правопонимании судов и позволяет осуществлять уголовное преследование серьезных прегрешений против справедливости даже в тех случаях, когда они допускались и предписывались законами, действовавшими на момент их совершения. Высший европейский суд, занимающийся вопросами прав человека, счел это вполне правомерным и поддержал.

Остаются, однако, некоторые поводы для раздражения и несогласия. Их дает позиция, занятая Федеральным конституционным судом в отношении запрета обратного действия. Конституционный суд предложил интерпретацию, которая в значительной мере релятивизирует этот принцип, закрепленный в ст. 103 п. 2 конституции⁶. Согласно ей, запрет обратного действия носит абсолютный характер, но только в обычном случае. Обычный случай, по словам конституционного суда, имеет место, когда речь идет о деянии, совершенном и наказуемом в сфере действия данной конституции. При таких обстоятельствах преступление не подлежит каре по закону, существующему на момент наказания, но не существовавшему на момент совершения. Если же деяние было совершено, когда условия правового государства отсутствовали, налицо не обычный, а исключительный случай. И тогда, полагает конституционный суд, запрет обратного действия приобретает относительный характер. Тот, кто совершил преступление в неправо-

⁶ См.: BVerfGE. S. 95, 96, 132 f. Я в своей интерпретации опираюсь на работу: Schlink B. *Vergangenheitsbewältigung durch Recht // Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts* / hg. H. König, M. Kohlstruck, A. Wöll. Opladen; Wiesbaden, 1998. S. 446 ff.

вом государстве, а перед судом предстал в правовом государстве, не может рассчитывать, что ссылка на законы, действовавшие во время совершения преступления, спасет его от наказания. Это возможно, только если данные законы не противоречат справедливости.

Подобная концепция выхолащивает запрет обратного действия. Там, где он необходим для защиты от наказания задним числом, он не должен иметь силы, зато его следует применять там, где в нем нет нужды, поскольку все и так происходит в соответствии с принципами правового государства. Если интерпретация Федерального конституционного суда верна, то специальная отмена запрета на Нюрнбергских процессах и посредством закона Контрольного совета № 10 не имела никакого смысла. Ведь тогда само собой разумеется, что запрет обратного действия касается лишь законов, которые осуществлялись в правовом государстве, чего о нацистской Германии, безусловно, не скажешь.

Таким образом, неприятие положений об исключениях из запрета обратного действия сохраняется в ФРГ до сих пор. В 1950-е гг. их открыто считали несовместимыми с принципами правового государства, сегодня конституционный суд неявно дает понять, что они бессмысленны и излишни. В 1950-е гг. за этим стояло желание как можно сильнее затруднить уголовное преследование нацистских преступников, сегодня – желание подвергнуть уголовному наказанию преступления системы в ГДР. Тогда в отказе от уголовно-правового преодоления нацистского прошлого проявлялась своеобразная ограниченность представлений о возможностях правового государства, сейчас с интересом к уголовно-правовому преодолению прошлого ГДР связано выхолащивание запрета обратного действия.

Из этой запутанной ситуации можно извлечь два вывода. Во-первых – прийти к заключению, что преодолеть прошлое средствами уголовного права вообще нельзя. В конечном счете таким путем из-за множества юридических ухищрений, которых он требует, не преодолевается прошлое, а только наносится ущерб праву. Между прочим, отказ от уголовного преследования не обязательно означает, что прошлое похоронено и забыто. Место уголовно-правовой «обработки» могли бы занять этико-политически ориентированный критический самоанализ и политические меры по дисквалификации запятанных групп лиц и, например, недопущению их в дальнейшем на государственные посты. Или, скажем, организация комиссий по выяснению истины и по примирению, ставящих раскрытие истины условием отказа от уголовных процессов⁷.

⁷ Об этих возможностях подробнее говорится в последней главе.

Но можно сделать и совсем другой вывод – что следовало бы подумать об изменении конституции и наконец внести в нее положение об исключениях из запрета обратного действия, прямо отменить этот запрет в целях уголовного преследования нацистских и коммунистических преступлений, как поступили союзники, приняв устав Международного трибунала в Нюрнберге и закон Контрольного совета № 10, как сделала Европейская конвенция о защите прав человека.

В дискуссиях по поводу конституции после ликвидации ГДР данному моменту не уделяли внимания ни слева, ни справа, ни в бундестаге, ни за его пределами, ни на Востоке, ни на Западе, и это опять-таки типично немецкое упущение. К сожалению, Европейский суд по правам человека по всем пунктам присоединился к германским судам. Главная мысль его вердикта, так же как и решения Федерального конституционного суда ФРГ, заключается в том, что законы и судебная практика ГДР, на которые ссылались податели жалобы в Страсбург, не заслуживают звания права, поскольку не отвечали требованиям правового государства. Поэтому действия, соответствовавшие законодательству ГДР, по мнению Страсбургского суда, изначально представляли собой беззаконие и как таковое не защищаются запретом обратного действия, закрепленным в конституции. Подобная аргументация ведет к тому, что 2-й пункт ст. 7 ЕКПЧ перестает играть какую-либо роль в рассуждениях Европейского суда по правам человека.

Тем самым упущен еще один шанс прояснить ситуацию. Если бы в Страсбурге признали справедливость жалоб осужденных, может, в ФРГ началась бы политическая дискуссия по вопросам преодоления прошлого правовыми средствами, которой до сих пор не было, потому что решение этих вопросов предоставлялось судебной системе, а законодательная деятельность в данном направлении считалась излишней. Дебаты о возможностях наказания на основании закона, имеющего обратную силу, помогли бы рассмотреть во всей полноте общие политические проблемы, связанные с прошлым двух диктатур. И, может быть, подобная дискуссия действительно привела бы к такому изменению конституции, которое необходимо для удовлетворительного уголовно-правового преодоления «узаконенного беззакония» времен национал-социализма и коммунизма.

4. ДЕЛО ШНАЙДЕРА/ШВЕРТЕ

В 1990-е гг. в ФРГ случился ряд громких скандалов, когда неожиданно обнаруживалось скрытое нацистское прошлое некоторых видных личностей. Эти поздние назидательные пьесы на тему преодоления прошлого отличаются от похожих дел 1950–1960-х гг. тем, что разыгрывались уже не по образцу межпоколенной драмы вины и возмездия, разоблачения и обвинения. Интерпретации, не отклоняющиеся от классического образца, упускают из виду специфические черты, которые придает скандалам 1990-х гг. тот факт, что они разразились лишь спустя пятьдесят лет после Второй мировой войны.

Дело и реакция на него

Внешние факты дела Шверте можно перечислить быстро. В апреле 1995 г. Ганс Шверте публично признал, что в конце Второй мировой войны сменил имя, а до тех пор звался Гансом Эрнстом Шнайдером. Ганс Шверте в 1958 г. защитил в Эрлангене докторскую диссертацию по германской филологии, с 1965 г. работал в Рейнско-Вестфальском техническом университете в Аахене, в 1970 г. леволиберальные профессора, ассистенты, сотрудники ненаучных специальностей и студенты большинством голосов против воли большинства профессуры выбрали его ректором. С 1976 по 1981 г. Шверте был уполномоченным по связям земли Северный Рейн – Вестфалия с соседними Бельгией и Нидерландами. Он получил несколько германских и иностранных орденов, в 1990 г. стал почетным сенатором своего университета.

При национал-социализме, как признался Шверте в апреле 1995 г., он под именем Ганса Эрнста Шнайдера служил в СС в звании гауптштурмфюрера, занимая высокий пост в подразделении «Аненербе». В данном качестве он являлся представителем нацистского режима в Нидерландах и Бельгии во время их немецкой оккупации. С 1942 г. до конца войны работал в отделе «Германское использование науки» главного управления «Аненербе» в Берлине¹.

¹ Вдаваться в дальнейшие детали его биографии здесь не место. Они подробно изложены во многих публикациях. См., напр.: Jäger L. Seitenwechsel.

Дело вызвало огромный резонанс среди немецкой и международной общественности. Отчасти этому способствовало время его возникновения: вот-вот предстояли торжества по случаю 50-летней годовщины окончания войны, Рейнско-Вестфальский технический университет отмечал свое 125-летие, общественность ФРГ яростно спорила о том, как поступать со скомпрометировавшими себя лицами из ГДР, косвенно поднимая снова вопрос обращения с преступниками времен нацизма, наконец, и исследования по современной истории с новым интересом обратились к теме нацистских преступников и их жизни в ФРГ.

На первый взгляд, случай Шнайдера/Шверте укладывается в знакомые шаблоны 1950–1960-х гг. Опять было обнаружено темное личное прошлое, и при весьма сенсационных и драматических обстоятельствах разыгралась очередная семейная история вины, отрицания и возмездия. Таким образом, перед нами как будто та же форма конфликта с наследием диктатуры, которая, однако, в середине 1990-х гг. уже устарела. При втором взгляде оказывается, что, несмотря на внешнее бурление, компетентные инстанции разобрались с этим делом, проявив беспримерные опыт и зрелость, да и «линии фронта» в полемике выглядели иначе, нежели в эпоху Аденауэра. Различные общественные структуры реагировали каждая сообразно своей логике и не давали сбить себя с толку историческими аспектами дела².

В целом данный случай представляет собой анахронизм. Он не открыл новую страницу в толстой книге «беспомощного антифашизм-

Der Fall Schneider/Schwerte und die Diskretion der Germanistik. München, 1998; Leggewie C. Von Schneider zu Schwerte. Das ungewöhnliche Leben eines Mannes, der aus der Geschichte lernen wollte. München; Wien, 1998; Rusinek B.-A. Schwerte/Schneider: Die Karriere eines Spagatakteurs 1936–1995 // Der Fall Schwerte im Kontext / hg. H. König. Opladen; Wiesbaden, 1998.

² См.: Jasper G. Die Universität Erlangen-Nürnberg und der Fall Schneider/Schwerte // Leviathan. 1996. Jg. 24; Ebert T. Die blamierte Alma mater // Leviathan. 1997. Jg. 25; Jasper G. Erwiderung auf Theodor Ebert // Leviathan. 1997. Jg. 25; Erlanger Universitätsreden: Ein Germanist und seine Wissenschaft. Der Fall Schneider/Schwerte. Erlangen; Nürnberg, 1996; Sprache und Literatur. Schwerpunkt: Der Fall Schneider/Schwerte. 1996. H. 77; Vertuschte Vergangenheit. Der Fall Schwerte und die NS-Vergangenheit der deutschen Hochschulen / hg. H. König et al. München, 1997; Verwandlungspolitik. NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft / hg. W. Loth, B.-A. Rusinek. Frankfurt a. M.; New York, 1998; Autorenkollektiv für Nestbeschmutzung, Schweigepflicht. Eine Reportage. Der Fall Schneider und andere Versuche, nationalsozialistische Kontinuitäten in der Wissenschaftsgeschichte aufzudecken. Münster, 1996.

ма», а стал, скорее, постскриптумом к ней. Он отразил происхождение ФРГ и ее элит от национал-социализма, но вовсе не сигнализировал о реальном подрыве демократии в республике неисправимыми старыми нацистами. Не находясь в центре актуальных конфликтов, дело Шверте примечательным образом высветило современную ситуацию в ФРГ. Оно дает повод оглянуться на историю преодоления прошлого, прежде всего на двойственную стратегию 1950-х гг., однако не предвещает ее возрождения.

Это означает, кстати, что на дело Шнайдера/Шверте совершенно не годится реагировать в стиле «длинной волны», о которой рассказывалось выше. Попытки представить его в качестве современной драмы разоблачения, вины и возмездия производят впечатление ненатуральности, натужности и натянутости. Чтобы придать подобной точке зрения убедительность, приходится прибегать к методам внушения, подтасовкам, нагнетанию возмущения и подозрений. Это относится не только к интерпретации Людвиг Егера, который вместе со Шверте усаживает на скамью подсудимых целый ряд других германистов – бывших нацистов, обвиняя их в сообщничестве и заговоре с ним. То же самое можно сказать о Клаусе Леггеви, который, в противоположность Егеру, убежден, что Шнайдер/Шверте даже имеет заслуги перед ФРГ. Ради обоснования подобной мысли Леггеви вынужден рассыпаться в преувеличенных и явно чрезмерных выражениях сочувствия и уважения к своему герою. Правда, без персонажа злодея Леггеви, по-видимому, тоже не может обойтись. Но у него в этой роли выступает не Шнайдер/Шверте, а осиное гнездо аахенской университетской среды, которая старается помешать выяснению дела, подтасовывая факты и пытаясь обелить себя. Зловещая власть двойной морали, которую Леггеви увидел здесь в действии, заставила его незадолго до выхода книги в целях предосторожности убрать из нее главу, где он намеревался разоблачить эти махинации. Однако он пригрозил, что в один прекрасный день еще назовет, кто есть кто в аахенском болоте. Общественность справедливо расценила его демарш как акцию более или менее грубого пиара собственной публикации и всерьез не приняла.

Дело Шнайдера/Шверте действительно не подходит для постановки драмы разоблачения, вины и возмездия в чистом виде. Гораздо лучше рассматривать его как повод для систематического обсуждения ряда проблем преодоления прошлого в ФРГ и показать на его примере, что подобный подход к прошлому не может принести успеха. Ниже это дело анализируется подробнее именно под таким углом зрения.

«Немецкая карьера»

Социолог Лепсиус предложил следующую типологическую классификацию отношения государств – преемников Третьего рейха к своему предшественнику. В Австрии компрометирующее прошлое экстернализовали, т. е. превратили в нечто, на самом деле не имеющее с этой страной ничего общего. В ГДР национал-социализм универсализовали, объявив его системным пороком капитализма и тем самым отделив себя от него. ФРГ, по словам Лепсиуса, напротив, интернализовала национал-социализм, т. е. в ходе долгой и чрезвычайно конфликтной дискуссии настолько интегрировала его в собственное представление о себе, что он стал главной негативной отправной точкой для ее политической и культурной ориентации³.

Из истории ФРГ нетрудно привести множество примеров, которые контрастируют с этим сравнительно благосклонным описанием и дают совсем иную картину (сюда, безусловно, подходит и дело Шнайдера/Шверте). В соответствии с ней получается, что преемственность между нацистским государством и ФРГ в конечном счете сыграла более значимую и формирующую роль, чем разрыв. Приверженцы такого мнения не только подчеркнута указывают на происхождение ФРГ, но и делают вывод, что ей не удалось освободиться от власти своего происхождения. Как в конкретном деле Шверте, считают они, перемена убеждений, о которой заявляет его фигурант, дезавуируется и лишается достоверности в результате обмана им окружающих, так и в ФРГ в целом демократическая история извлечения уроков и успеха построена всего лишь на красивой видимости, замалчивании и лицемерии.

Действительно, нельзя не заметить, что ФРГ даже через пятьдесят лет после войны демонстрирует некоторую неуверенность в своей самоидентификации. В поисках лучшего прошлого она достаточно часто ищет утешения в будущем⁴. Вновь и вновь неприятно удивляешься, наблюдая одновременно перемену образа мыслей и упорную практику отрицания и замалчивания, изумительно стабильную демократию и постоянные попытки уйти от ответственности. Изменение имени и сокрытие личного нацистского прошлого Шнайдером/Шверте – классический тому пример. В этом смысле жизненный путь Шнай-

³ Lepsius R. M. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des «Großdeutschen Reiches» // Kultur und Gesellschaft / hg. M. Haller et al. Frankfurt a. M.; New York, 1989.

⁴ См.: Reichel P. Politik mit der Erinnerung. München; Wien, 1995. S. 40.

дера/Шверте по праву может считаться «немецкой карьерой»⁵, хотя все-таки не «типично немецкой»⁶.

В дискуссиях по вопросу об отношении ФРГ к нацистскому прошлому решающую роль неизменно играет факт преемственности элит до и после 1945 г. Традиционные элиты в экономике, администрации, науке после 1945 г. почти в полном составе остались на занимаемых постах либо вернулись на них после недолгого перерыва. Представители политической нацистской элиты, верхушка государственного и политического аппарата, те, кто в самом узком смысле несет ответственность за режим террора и составлял ядро политического класса нацистского режима, напротив, в ФРГ на ведущие политические позиции не попали. Но подавляющее большинство из них после энергичных чисток, проведенных союзниками, в скором времени снова получили статус обычных, нормальных граждан, были амнистированы и реинтегрированы.

Порой такая преемственность элит приобретает пугающие черты. Например, осенью 1950 г. как минимум половину руководящих работников находящегося в процессе восстановления министерства иностранных дел составляли бывшие члены НСДАП, среди них насчитывалось 43 бывших активных эсэсовца, 17 бывших сотрудников СД и гестапо. Таким образом, доля национал-социалистов (хоть и бывших) в этом учреждении вначале была даже выше, чем во времена Третьего рейха⁷. С кадрами органов юстиции дело обстояло так же.

Факты, конечно, удручающие, и пагубные последствия такой кадровой преемственности невозможно переоценить. Следует, однако, отметить, что, когда речь идет об этих фактах и об их значении для ФРГ, очень многое до сих пор основывается на предположениях. Попытки выработать надежные знания только начались, исторические исследования данной темы идут полным ходом. Пока что складываются три варианта картины. Одни настаивают на существовании непрерывной преемственности элит, добавляя, что она нанесла политической системе ФРГ долговременный и непоправимый ущерб. Другие возражают, что структурная и количественная смена элит в ФРГ после 1945 г. произошла в более широких масштабах, чем в

⁵ Rehberg K.-S. Eine deutsche Karriere. Oder: Gelegenheit macht Demokraten // Merkur. 1996. N. 562. S. 73.

⁶ Mayr W. «Ich bin doch immun» // Der Spiegel. 1995. Nr. 19. S. 95.

⁷ См.: Döscher H.-J. Verschworene Gesellschaft. Das Auswärtige Amt unter Adenauer zwischen Neubeginn und Kontinuität. Berlin, 1995.

1918 или 1933 гг. Наконец, третьи указывают, что довольно крупная «зачистка», устроенная союзниками после войны, – интернирование, судебное преследование, увольнения, денацификация, – на ментальном и поведенческом уровне привела к последствиям, которые не стоит недооценивать, хотя с начала 1950-х гг. все подобные меры самой ФРГ или по ее настоянию были отменены. В любом случае, у тех, кого они затронули, надолго пропала охота продолжать политическую деятельность в духе прежних убеждений⁸. Может быть, как раз этим объясняется тот факт, что государственные служащие в ФРГ, в отличие от Веймарской республики, проявляли лояльность к своему новому государству.

Вопрос об отношении ФРГ к наследию нацистского прошлого не сводится к истории элит. Существовала не только преемственность элиты, но и преемственность народа⁹. Преодоление прошлого – очень многосторонний процесс. Он в равной мере включает и построение новой политической системы с новыми институтами, и компенсацию ущерба жертвам прежнего режима. В него входят также коллективное осуждение национал-социализма и критическая «обработка» прошлого, направленные в долгосрочной перспективе на изменение политического менталитета населения. Если приглядеться к истории преодоления прошлого в ФРГ, перед глазами

⁸ См.: Henke K.-D. Die Trennung vom Nationalsozialismus. Selbstzerstörung, politische Säuberung, «Entnazifizierung», Strafverfolgung // Politische Säuberung in Europa / hg. K.-D. Henke, H. Woller. München, 1991; Graml H. Die verdrängte Auseinandersetzung mit dem Nationalsozialismus // Zäsuren nach 1945. Essays zur Periodisierung der deutschen Nachkriegsgeschichte / hg. M. Broszat. München, 1990; Herbert U. NS-Eliten in der Bundesrepublik // Verwaltungspolitik. NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft; Schildt A. NS-Eliten in der Bundesrepublik Deutschland // Geschichte, Politik und ihre Didaktik. 1996. Jg. 24; Groehler O. Personenaustausch in der neuesten deutschen Geschichte // Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989 / hg. K. Sühl. Berlin, 1994; Kocka J. Über das Beschweigen der Vergangenheit. Diskussion zwischen Ralph Giordano, Jürgen Kocka, Wolfgang Thierse, Monika Zimmermann // Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989. S. 185 f.; Danyl J. Die beiden deutschen Staaten und ihre nationalsozialistische Vergangenheit. Elitenwechsel und Vergangenheitspolitik // Deutsche Vergangenheiten – eine gemeinsame Herausforderung / hg. C. Kleßmann et al. Berlin, 1999; Frei N. Karrieren im Zwielicht. Hitlers Eliten nach 1945. Frankfurt a. M.; New York, 2001.

⁹ Niethammer L. Einleitung // «Die Jahre weiß man nicht, wo man die heute hinsetzen soll». Faschismuserfahrungen im Ruhrgebiet / hg. L. Niethammer. Berlin; Bonn, 1983. S. 8 ff.

предстанет многогранная, противоречивая, состоящая из совершенно разных этапов картина, относительно которой неуместны огульные суждения любого рода.

Чтобы выйти за пределы чересчур плакатной альтернативы: разрыв – преемственность, «час ноль» – продолжение старого, искреннее преобразование – маскарад, нужно разбить тему на более конкретные вопросы. Дело Шнайдера/Шверте подходит для этого как нельзя лучше. Во-первых, следует поинтересоваться общими следствиями и проблемами, связанными на политическом уровне с попыткой вступить на путь демократии после краха диктаторского правления. Во-вторых, встает вопрос о взаимоотношении индивидуального сознания и демократической политической системы. Наконец, в-третьих, необходимо выяснить, есть ли (и в какой мере) смысл и возможность, рассматривая биографию Шнайдера/Шверте и историю развития ФРГ, говорить о «процессе обучения» или внутреннем изменении.

Демократическое новое начало

Политика, по словам Ханны Арендт, есть выделяющаяся из царства необходимости сфера новизны и новаторства. Основополагающее значение для политики имеет способность людей сообща начинать что-то новое. Здесь мы имеем лишь иную формулировку мысли, что политика и свобода опираются друг на друга и этим существенно отличаются от сферы труда, управления или военного дела¹⁰.

Учитывая диктат требований «реальной политики» в высокодифференцированных современных обществах, можно выразить обоснованные сомнения в актуальности вышеприведенных положений и счесть их устаревшими. Впрочем, Арендт имела в виду не существующее в действительности положение вещей, а общие фундаментальные принципы. Безусловно, они весьма справедливы как в случае революций, так и в случае перехода от диктаторских и авторитарных режимов к демократическим системам. При подобном переходе стоит задача начать все заново и постараться не допустить возврата к старому. Для этого, бесспорно, необходимо сделать выбор из ряда институциональных, системных и структурных альтернатив. Речь идет и о кадровых вопросах, точнее, о вопросе обращения со скомпрометированными старыми кадрами. Во многих случаях происходит неоправданная персонализация проблем, связанных больше со структурами, нежели с действующими лицами. С эмпирической

¹⁰ См.: Arendt H. Macht und Gewalt. München, 1995.

точки зрения ясно, что внимание общественности неизменно заостряется на том, как в новых политических условиях следует поступать с теми, кто олицетворял собой прежний режим произвола и насилия, поддерживал его и помогал ему. Приходится переосмысливать статус жертв и преступников, преследуемых и преследователей, шпииков и объектов слежки, притесняемых и привилегированных, оппозиционеров и оппортунистов, заново определять их соотношение, как в политико-правовом смысле, так в широком поле общественных оценок в сфере политической морали и политической культуры.

В принципе возможны четыре варианта решения проблемы: 1) кровавая, стихийная быстрая *расправа* с преступниками и длительное общественное *осуждение* старого режима и его представителей; 2) *амнистия* преступников и всеобщее *замалчивание* прошлого; 3) корректное с точки зрения правового государства *уголовное преследование* преступников и насаждение *культуры памяти*, которая всецело отвергает старый режим, хранит почтительную память о его жертвах, компенсирует ущерб и воздает должное тем, кто уцелел после преследований; 4) *освобождение от ответственности* преступников, но с условием, что они публично признаются в своих преступлениях, и широкое *просвещение* общественности в вопросах, связанных с прошлым.

В таком описании проблема отнюдь не нова, она хорошо известна в политической истории и давно служит предметом внимания историков и специалистов по теории государства. В этой связи постоянно приводят пример афинской амнистии и общественной амнезии после «тирании тридцати» в 403 г. до н. э., воздавая Аристотелю хвалу за то, что он нашел подобный способ избежать кровавых конфликтов¹¹. Совсем иначе, нежели у Аристотеля, который считает смягчение победителей в афинской гражданской войне великой заслугой политики, выглядят несколько веков спустя рецепты Макиавелли. Оправдывая свою репутацию циничного «силового политика» и холодного аналитика политической логики, он пишет в «Рассуждениях» о «методе, как устранить разлад в государстве»: «Этот метод – не что иное, как казнить зачинщиков беспорядков, да ничто иное и не может тут помочь. Вообще есть только три пути: либо убить зачинщиков, как

¹¹ См.: Loraux N. Das Vergessen in der Erinnerung der athenischen Demokratie // Vom Nutzen des Vergessens / hg. G. Smith, H. M. Emrich. Berlin, 1996; Nippel W. Bürgerkrieg und Amnestie: Athen 411–403 // Amnestie oder Die Politik der Erinnerung in der Demokratie / hg. G. Smith, A. Margalit. Frankfurt a. M., 1997.

сделали римляне, либо удалить их из государства, либо заставить их заключить друг с другом мир с условием в дальнейшем не враждовать. Из этих трех путей последний – самый вредный, ненадежный и бесполезный. Ибо там, где уже пролито много крови и совершено много другого насилия, вынужденный мир не может быть прочным, если стороны день за днем встречаются лицом к лицу»¹².

В книге истории, особенно истории заключения мирных договоров, без особого труда можно найти другие примеры ответов на проблему политического нового начала после тирании, войн и гражданских смут. Что характерно, в большинстве случаев спасительными средствами представляются амнистия и амнезия¹³. Еще Кант, к примеру, считал это само собой разумеющимся: «Что с заключением мира связана амнистия, это заложено уже в самом его понятии»¹⁴. Стоило бы специально исследовать, каким образом данное представление в корне изменилось, в основном в XX в., благодаря усилиям по криминализации государственной деятельности в международном праве и общего повышения значимости памяти¹⁵.

Проблема в том, что выбор между четырьмя вышеперечисленными возможностями с нравственной точки зрения кажется легким, зато с политической – гораздо более трудным. В политическом отношении необходимо прежде всего надолго упразднить диктатуру и воспрепятствовать возврату к ней. Политическая ценность мероприятий в отношении прошлого поверяется не логикой морали, а тем, от какого решения следует ожидать наибольшего содействия упрочению новой системы. Демократии по определению зависят от одобрения и лояльности своих граждан. Поэтому для них главная сложность заключается в том, что после краха диктатур в XX в. они имеют дело с населением, которое по преимуществу состоит из бывших, более или менее убежденных сторонников старого режима. В Германии в 1945 г., например, именно так и случилось. Построить демократическую федеративную республику вопреки этому большинству вряд ли было возможно. Альтернатива, с грубой наглядностью сформулированная

¹² Machiavelli N. Discorsi. Stuttgart, 1977. S. 359.

¹³ Таков результат исследований Йорга Фиша, см.: Fisch J. Krieg und Frieden im Friedensvertrag. Eine universalgeschichtliche Studie über Grundlagen und Formelemente des Friedensschlusses. Stuttgart, 1979.

¹⁴ Kant I. Die Metaphysik der Sitten // Werke in sechs Bänden / hg. W. Weischedel. Darmstadt, 1956. Bd. IV. S. 472.

¹⁵ См.: Weinrich H. Lethe, Kunst und Kritik des Vergessens. München, 1997.

Ойгеном Когоном вскоре после войны, гласила: надо или расстрелять их, или попытаться привлечь на сторону демократии.

В ракурсе утвердившейся в ФРГ с середины 1960-х гг. культуры памяти первое послевоенное время и 1950-е гг. предстают главным образом эпохой замалчивания и забвения. При этом упускается из виду, что подобный подход к нацистскому прошлому был избран не просто так, а исходя из теорий, претендовавших на звание самых передовых. Первые законодатели послевоенной интеллектуальной моды в Германии после краха национал-социализма, экзистенциализм Сартра и витализм Ортеги-и-Гассета, при всех различиях между собой, в данном пункте сходятся. Оглядка назад, самобичевание, сожаление о былых злодеяниях, говорят они, способны, скорее, помешать необходимому новому началу. «Мухи» Сартра – драма о рождении нового из забвения. Экзистенциалистская свобода проявляется в том, что человек выбирает не только свое будущее, но вместе с ним и свое прошлое. Призывы Ортеги к мужеству сводятся к похожей позиции¹⁶.

Конечно, это концепции спорные. Но то, что сейчас в общественном сознании они совершенно забыты (мне неизвестны какие-либо исследования этих модных интеллектуальных течений послевоенного времени и их значения для подхода к нацистскому прошлому), при общей убежденности в благотворном влиянии воспоминаний, – все-таки досадный пробел в коллективной памяти. Разумеется, интеграция нацистских элит в общественно-политическую систему ФРГ вызывает много возражений, и критические вопросы лежат на поверхности. Можно ли вообще при таких обстоятельствах говорить о демократическом новом начале? Не ставит ли элита (как и население), до глубины души проникнутая недемократическими идеями и усвоившая соответствующие модели поведения, так сказать, изнутри под сомнение ментальные и культурно-политические предпосылки новой системы? С другой стороны, следует учесть, что широко-масштабная интеграция несла в себе меньший риск в сравнении со стратегией жесткой чистки и дисквалификации, благодаря которой существует опасность возникновения и укрепления воинствующих антидемократических группировок.

Четыре вышеназванных основных варианта подразумевают еще целый ряд особенностей и трудностей, на некоторые из них здесь стоит указать хотя бы вкратце. Прежде всего, хотя у центров принятия политических решений есть полномочия предоставлять амнистию,

¹⁶ По поводу Ортеги см. мое маленькое исследование: König H. Ortega und die Bundesrepublik // Die Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 1988. Jg. 35. Nr. 3.

добиться забвения законодательным и административным путем, вынеся «смертный приговор памяти», может оказаться невозможным. Во всяком случае в демократических условиях, при отсутствии цензуры и регламентации общественного мнения. Таким образом, всеобщее молчание о прошлом вряд ли достижимо политико-административными методами.

Еще одна трудность состоит в том, что демократии в принципе зависят от лояльности большинства населения, а следовательно, должны привлекать на свою сторону и тех, кто еще недавно придерживался совсем других убеждений, нуждаясь притом в определенных культурно-политических стандартах, которые говорили бы о категорическом, очевидном для всех разрыве со старым режимом. Это значит, что безоглядной интеграции деятелей и сторонников старого режима нужно ставить строгие границы, если не хочешь вместе со старыми кадрами перенять прежние политические позиции и настроения.

С другой стороны, «дикую» радикальную расправу, большое преимущество которой заключается в наглядной демонстрации конца прежней эпохи и начала чего-то нового, вряд ли возможно легитимировать с точки зрения правового государства. Выбор в пользу третьего решения – судебного преследования – сталкивается с хорошо известной в ФРГ проблемой: уголовное право – не очень подходящее средство для наказания преступлений режима хотя бы потому, что, с точки зрения правового государства, законы не могут иметь обратную силу. Правда, при наличии достаточной политической воли это вопрос вполне решаемый, как я показал выше. Но главное – в условиях кадровой преемственности в органах юстиции уголовные процессы безрезультатны, поскольку на каждом процессе судьи косвенным образом судят и самих себя. А где взять новых судей?

Что касается четвертого варианта – обещания освобождения от ответственности в случае публичного признания в преступлениях, стоит вспомнить опыт Южной Африки, Польши и некоторых стран Латинской Америки. Подобный выбор означает попытку, заимствуя определенные элементы других вариантов, избежать их недостатков. В первую очередь это реакция на тот факт, что страх перед судебным преследованием заставляет преступников молчать о преступлениях и своем в них участии, поскольку признание немедленно влечет за собой обвинение. Следовательно, приходится обещать, наоборот, не привлекать их к ответственности, если они все расскажут. За таким решением стоит убеждение, что, раз нельзя иметь все сразу, правда о прошлом для общества целительнее и важнее, чем наказание преступников.

Выбор варианта обращения с кадровым наследием зависит от внутренней структуры старого режима и в особенности от того, каким образом он был низвергнут – извне или изнутри, в результате войны, гражданской войны или путем переговоров. Здесь нет возможности останавливаться на этом подробнее. Некоторые детали немецкой истории XX в. свидетельствуют в пользу предположения, что шансов на институциональное и политическое новое начало тем больше, чем более полный крах потерпел старый режим, чем неизбежнее признание его преступного характера и чем меньше в сознании остается отговорок, позволяющих отвертеться от такого признания.

Перед нами модель восстающего из пепла феникса, гибели и возрождения. Способность «использовать шанс, заключенный в разрушении», Никлас Луман, например, считает одним из условий истории успеха ФРГ. Он говорит о «фениксиаде», о «бросающейся в глаза исторической дискретности» и усматривает проблему кончины ГДР в том, что данный случай, в отличие от ситуации 1945–1949 гг., не дает возможности «отталкиваться от разрушения». Поэтому следует ожидать, что «заученные представления будут существовать по-прежнему, не подвергаясь рефлексии»¹⁷.

Звучит убедительно, но тут не учитывается ряд важных моментов. Например, крайне сомнительно, чтобы такая модель давала понятие о менталитете, который, по мнению французского историка Ле Гоффа, в ходе истории меняется медленнее всего. Предположение, что именно здесь можно достичь ускорения с помощью концепции катарсиса, относится, скорее, к области культов и иллюзий, чем к политической реальности. Не следует также забывать, что феникса, по легенде, не сжигают, он предает себя огню сам, и возникает вопрос, не является ли самовластие, доказанное еще в момент гибели, условием возрождения в новом оперении. Но главное – образ феникса, восстающего из пепла, чреват восславлением логики катастрофы и стратотерпчества, согласно которой новое может возникнуть только после настоящего и полного краха. Отсюда всего один маленький шаг до мысли, будто недостатки и промахи нового начала объясняются тем, что людям все еще слишком хорошо живется. В результате крах превозносится в качестве кары и очищения и происходит наделение, пожалуй, чересчур христианским для времен секуляризма смыслом того, что смысла не имеет.

¹⁷ Luhmann N. Dabeisein und Dagegensein. Anregungen zu einem Nachruf auf die Bundesrepublik // Luhmann N. Protest. Frankfurt a. M., 1996. S. 156 f.

Для оценки дела Шнайдера/Шверте эти размышления имеют значение в двух отношениях. Во-первых, если вспомнить применительно к нему об упомянутых четырех вариантах, можно указать, что в конце войны Шнайдер вряд ли мог знать, какой вариант политики «очищения» изберут союзники. В неопределенных условиях переходного периода, когда старые нормы уже, а новые еще не действовали, решение сменить имя и выправить новые документы в целях самосохранения было исключительно рациональным.

Во-вторых, Шнайдер, по сути, устроил свою маленькую «фениксиаду». Весной 1945 г. он сжег документы «Аненербе» и тем самым также часть собственной жизни и карьеры¹⁸. Стремление сохранить власть над своей судьбой, сжечь себя самому, вместо того чтобы быть сожженным, остаться субъектом, а не объектом действий, кажется, служило немаловажным мотивом превращения Шнайдера в Шверте. Шнайдер/Шверте сам себе предоставил амнистию и «сам себя денацифицировал»¹⁹.

Гарантировал ли он себе тем самым и амнезию? Это у него вряд ли получилось и, по-видимому, не могло получиться, даже если он действительно имел такое намерение. В царство забвения можно отправить лишь то, что запомнилось, а то, о чем хочешь забыть, не забывается. Такова парадоксальная ограниченность собственных сил. Смена идентичности позволяет обмануть окружающих и, так сказать, вынудить их к забвению. Но от собственной «внутренней» памяти подобным образом не избавишься. Как обстояло дело в данном конкретном случае, мы не знаем, поскольку Шверте об этом ничего не говорил.

Вернемся к вопросу об условиях демократического нового начала. Изложенные здесь рассуждения можно упрекнуть в чрезмерном функционализме. Поэтому расширим поле зрения и рассмотрим внимательнее переход от национал-социалистической диктатуры к демократии ФРГ.

Политическая система и политический менталитет

Стартовые условия для демократии в Германии казались в 1945 г. чрезвычайно далекими от идеальных. Страна, потерпевшая военное поражение и оккупированная победителями, политически прекратила существовать, экономически стала почти непродуктивной, ее

¹⁸ Так предполагает Альбрехт Бетц, см.: Betz A. Der «Schwertträger» als Publizist. Zu Hans Ernst Schneiders Veröffentlichungen vor 1945 // Der Fall Schwerte im Kontext.

¹⁹ Mayr W. «Ich bin doch immun». S. 95.

администрация развалилась, города лежали в руинах, морально она дискредитировала себя сверх всякой меры. Немцы оказались представителями, пособниками и орудиями преступного режима. Вряд ли хоть кто-то из этого смертоносного «народного сообщества» остался действительно незапятнанным. Нацистская система со свойственным ей коварством сделала все «арийское» население «соотечественниками», соучастниками ее преступлений, получавшими от них выгоду. А соучастники разделяют общую вину.

Проблематичность политики денацификации заключалась в том, что она способствовала трансформации соучастия в нацистских преступлениях в сообщничество во взаимном обелении. В обществе, состоящем сплошь из соучастников, независимость, свобода и суверенность политических суждений, действия, продиктованные уверенностью в себе, представляют исключительное явление. Большинство занято только самооправданием, все его высказывания и образ поведения подчинены стратегической цели – добиться, чтобы против него применяли наименее суровые из возможных санкций. В результате мы имеем дело со смесью оправданий, жалости к себе, упрямства и упреков. В мае 1955 г., например, 48 % населения Германии считали, что Гитлер был бы величайшим немецким государственным деятелем, если бы не ввязался в войну. «Групповой эксперимент» Франкфуртского института социальных исследований в начале 1950-х гг., эмпирическое исследование, опиравшееся на данные опроса более 1 500 респондентов, показал, «что хотя национал-социалистической идеологии как внутренне единой системы мыслей больше не существует, поскольку она, в особенности из-за своего провала, лишилась основной интегрирующей силы, но многочисленные отдельные элементы фашистского мышления, вырванные из контекста и потому вдвойне иррациональные, еще присутствуют»²⁰. Позже Адорно писал, «что те идентификации [с гитлеровским режимом] и коллективный нарциссизм отнюдь не уничтожены, а продолжают существовать подспудно, неосознанно тлеющие и потому особенно могущественные»²¹. Похожее суждение вынес Эрнст Френкель: «Так как... на все, что происходило с 30 января 1933 г., наложено табу и никто не имеет желания публично защищать гитлеровский режим, слишком многие с

²⁰ Gruppenexperiment. Ein Studienbericht / bearb. F. Pollock; mit einem Geleitwort von F. Böhm. Frankfurt a. M., 1955. S. 397.

²¹ Adorno T. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit // Adorno T. W. Eingriffe. Neun kritische Modelle. Frankfurt a. M., 1963. S. 135.

чувством внутреннего удовлетворения считают себя свободными от задачи критиковать его»²².

Итак, ФРГ в начале своего существования без сомнения покоилась на весьма хрупком основании. Политический менталитет и преэминентность функциональных элит, бесспорно, сильно ее обременяли и служили достаточной причиной для скепсиса, негодования и повышенного внимания. Однако сегодня, спустя более пятидесяти лет после окончания войны, с точки зрения современной истории и политической науки, важнее вопрос о том, как федеративной республике, несмотря на кадровые трудности и недостатки политического сознания, в ходе своего развития удалось стать в целом стабильной демократией.

Не будем здесь говорить о благоприятствовавших этому внешних факторах, от международного окружения до быстрого экономического роста и внутривнутриполитических особенностей. Но разве широко распространенный, сохранившийся от времен нацизма недемократический менталитет ничего не значил? В общем и целом речь идет о проблеме взаимоотношений политической системы и индивидуального сознания. Общепринятое мнение гласит, что политическая система наиболее стабильна, когда ее институты как можно лучше соответствуют субъективным взглядам.

Это похоже на правду, но чревато множеством осложнений. Начать с того, что одна только констатация совпадения или расхождения между институтами и взглядами связана со значительными методическими и систематическими трудностями. Совсем не просто сказать, что такое политический менталитет и как его определить. Следует по меньшей мере делать различие между сознанием, коммуникацией и поведением. То, что какой-либо человек высказывает или коммуницирует, совсем не обязательно совпадает с его сознанием, да и с тем как он фактически себя ведет, тоже²³. В конкретных обстоятельствах перехода от диктатуры к демократии дивергенция взглядов и политических институтов неизбежна. Здесь мы регулярно имеем дело с «ножницами» между политическими институтами и субъективными воззрениями, и проблема политического нового начала состоит в том, насколько подобные «ножницы» мешают становлению и упрочению демократии.

²² Fraenkel E. Strukturdefekte der Demokratie und deren Überwindung // Fraenkel E. Deutschland und die westlichen Demokratien. Frankfurt a. M., 1991. S. 71.

²³ Эти различия я рассматриваю подробнее в гл. 5.

На это есть два ответа. Одни ставят на первое место институты и утверждают, что все зависит от их хорошего функционирования – остальное приложится. Для других демократия и ее стабильность – прежде всего вопрос политической культуры, т. е. субъективных взглядов и ценностей граждан, их когнитивной и аффективной идентификации с политической системой. В глазах «институционалистов», например Германа Люббе, «внутреннее расположение» индивидов политически нерелевантно²⁴. «Культуралисты», например Карл Ясперс, напротив, считают предпосылкой нового начала и стабилизации новой политической системы преобразование и изменение людей, то есть как раз их «внутреннего расположения». Демократии, по словам «культуралистов», вынуждены рассчитывать на добродетель своих граждан и без таковой нежизнеспособны²⁵.

Этот спор носит принципиальный характер, давно служит предметом внимания политической теории и в настоящее время играет важную роль в дебатах между коммунитаристами и либералами абсолютно независимо от проблем постдиктаторских обществ. Либерализм сводит к минимуму требования к субъективному аспекту, характеру и менталитету граждан. Социальную сплоченность общества, в его представлении, в достаточной мере обеспечивают право и императив рационального преследования интересов. Нравственные убеждения – дело частное. Коммунитаристы смотрят на это совершенно иначе. На их взгляд, добродетель, идентификация с коллективом, задействование нравственных ресурсов незаменимы для успешного построения общества.

Останавливаться на данном споре подробнее здесь нет возможности. С точки зрения истории ФРГ и вопросов перехода от диктатуры к демократии имеет смысл превратить проблему из догматической в эмпирическую. Направление, в каком следует искать ответ применительно к ФРГ, наметил Курт Зонтхаймер: «Сколько бы нацизма еще ни было в умах – основные политические и экономические силы поддержали генеральный курс на вестернизацию федеративной республики... Решающее значение для вестернизации ФРГ имели институты. Институты делают политику; правительство, парламент, партии, суды и т. д. – организаторы политического процесса, ими он определяется. Институты твердо ориентировались на адаптацию к западной системе. Рано или поздно пришлось уступить и тем, кто еще цеплялся за прошлое». И далее: «Для политики главное – что

²⁴ См.: Lübbe H. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewußtsein // Historische Zeitschrift. 1983. Bd. 236.

²⁵ См.: Jaspers K. Die Schuldfrage. München, 1987.

люди делают внутри институтов. Покуда там они не нацисты (с судами дело обстояло несколько иначе), в сущности, нельзя сказать, что прошлое не преодолено»²⁶.

Это ответ в духе «институционалистов». Критику здесь вызывают два момента. Во-первых, возникает вопрос, насколько реально разделить поведение человека внутри и вне институтов, а во-вторых – что значит «рано или поздно пришлось уступить и тем, кто еще цеплялся за прошлое». Оба вопроса рассматриваются ниже.

Двойная игра

Допустим, все в основном происходило именно так, как полагает Зонтхаймер: в институтах бывшие нацисты делали то, что соответствовало насаждаемой союзниками демократии, хотя за рамками профессиональной роли продолжали предаваться фашистским грезам своего прошлого. Допустим также, что реальной альтернативы подобному положению вещей не существовало. Точной и полной такую картину ранней федеративной республики можно назвать, лишь намеренно обходя вниманием риски, неприятности и ограничения, связанные с данной стратегией. С позиций жертв и преступников они выглядят совершенно по-разному. Если говорить о преступниках, двойная игра, которая была заложена в структуру социальной жизни ФРГ по меньшей мере два десятка лет, намного превосходит все, чего обычно требуют от людей, согласно ролевой социологии, противоречивые поведенческие ожидания в современных индустриальных обществах. Маловероятно, что с такой двойной ролью можно было справиться без тяжелых внутренних кризисов. И, разумеется, она не вызывала большого доверия, особенно у следующего поколения²⁷.

Жертвы и преследуемые, со своей стороны, сталкивались с неприятным фактом, что те, кто еще недавно участвовал в их притеснении, преследовании и истреблении, вернулись к исполнению прежних функций и лишь немногих из них привлекли к ответственности. Это отнюдь не пустяк, а новое унижение после всех пережитых ужасов, которое особенно наглядно проявлялось при процедуре проверки заявлений о возмещении ущерба. Хоть сколько-нибудь смягчить его

²⁶ Sontheimer K. «Das Preußische ist uns sowieso ausgetrieben». Die Bundesrepublik zwischen alt und neu. Ein Gespräch mit Kurt Sontheimer // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1995. Jg. 40. S. 669, 672.

²⁷ См.: Schwan G. Politik und Schuld. Die zerstörerische Macht des Schweigens. Frankfurt a. M., 1997. S. 133 ff.

(если такое вообще возможно) могло разве только то обстоятельство, что публичная дискуссия не оставляла сомнений в коллективном осуждении преступного режима и решительном разрыве с ним.

Очень печально, что конкретные формы, в которых выражалось обрисованное положение дел в социальной жизни ФРГ, до сих пор не изучены социальными науками. Кое-какие детали мы все же можем извлечь из автобиографических жизнеописаний жертв преследований, из рассказов и романов (например, Генриха Бёлля). Лишь наглядно представив себе структурную двойную игру в ФРГ, можно увидеть систематическую ограниченность подобного раздвоения.

Наверное, следовать этой стратегии без проблем удавалось тем, кто, скажем, отвечал за водоснабжение. Но уже с теми, кто работал в сфере социального управления и здравоохранения, дело обстояло иначе. При нацизме они активно участвовали в его преступлениях, и если теперь ссылались на свою принадлежность к специалистам и принципиальную политическую нейтральность своей деятельности, то это было не что иное, как отрицание собственной причастности к варварским методам нацистского режима. И уж совсем проблематична двойная игра для представителей культурных элит. Трудно вообразить, чтобы учителя и преподаватели высшей школы на занятиях убедительно разъясняли преимущества правового государства, западной демократии и современности, вне стен учебного заведения оставаясь приверженцами авторитарной модели. Здесь двойная игра не работает по самой природе вещей. В данных сферах нельзя разделить политические «частные» убеждения и исполнение профессиональной роли. И то, и другое тесно взаимосвязано, для симуляций и маскарардов мало пространства. Поэтому смышленным школьникам 1950–1960-х гг. не составляло труда, например, за неискренними признаниями своих учителей истории в любви к демократии распознать прежний нацистский образ мыслей. Двойная игра натывается тут на структурную границу.

При определенных обстоятельствах эта проблема для культурных элит превращается в вопрос об отношении биографии к творчеству. Речь идет о том, обесценивают ли творчество автора недостойное поведение и темные пятна в его биографии. С недавних пор данный вопрос вновь стал дискутироваться на примере Шверте (а также де Мана и Яусса)²⁸. Раньше он постоянно возникал при обсуждении дела Хайдеггера. В подробности я здесь вдаваться не могу. Скажу одно:

²⁸ См.: Hörisch J. «Verhaften Sie die üblichen Verdächtigen». Die Germanistik und ihre Vergangenheit // Die Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. 1997.

мне кажется несомненным, что между биографией и текстами существует бесспорная связь, что есть, вообще говоря, некая «временная суть истины» (Хоркхаймер). Но это не значит, что анализ творчества следует подменять анализом жизни автора и из-за политических прегрешений автора полностью отвергать его произведения. Столь суровый взгляд на единство человека и дела, писал Хабермас о Хайдеггере, «неверен с точки зрения автономии мысли и тем более истории ее воздействия»²⁹. Это надо учитывать, когда, ознакомившись с компрометирующими деталями биографии, как в деле Шнайдера/Шверте, начинаешь перечитывать тексты и искать следы Шнайдера в произведениях Шверте.

Впрочем, вопрос о связи биографии и творчества не стоит путать с вопросом о том, не является ли политическое поведение, например, преподавателей высшей школы во времена национал-социализма их частным и личным делом, которое никого не касается. Такую позицию заняли Карл Шмитт и Хайдеггер, после 1945 г. пресекавшие любые попытки поговорить с ними об их деятельности при нацистском режиме. Безусловно, профессора, в силу профессии понимающие роль публичности, ищут чересчур легких путей, желая мерить свою жизнь при диктатуре мерками, которые установлены ими самими. Для достижения согласия с собой в демократиях, возникших после диктатуры, не только закономерны, но и обязательны публичные дебаты о поведении тех, кто служил преступному режиму на видных постах. Хайдеггер и Шмитт отказывались от таких дебатов, упорно храня молчание (да еще и встав в надменную позу), а Шверте избегал их благодаря смене имени, и в этом заключается главная слабость политической культуры ФРГ.

Подытожим: двойная игра, о которой часто заходит речь в связи с делом Шнайдер/Шверте, – поведенческое требование, глубоко заложенное в структурный фундамент ФРГ. Оно касается двух моментов: во-первых, велит затушевывать и «приватизировать» компрометирующее индивидуальное прошлое (что Шверте с успехом делал пятьдесят лет); во-вторых – при сколь угодно сильной привязанности к прошлому, отвечать запросам, предъявляемым демократическими институтами нового государства, и соответственно воздерживаться от политической демонстрации своих убеждений. Добавим к этому

Jg. 44; Seibt G. Kann eine Biographie ein Werk zerstören? Bemerkungen zu de Man, Jauf, Schwerte, Hermlin // Merkur. 1998. H. 588.

²⁹ Habermas J. Heidegger – Werk und Weltanschauung // Farias V. Heidegger und der Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1989. S. 12.

надежду, что бывшие нацисты в новом окружении когда-нибудь «уступят» и изменятся, и перед нами – суть преодоления прошлого в ФРГ 1950-х гг.

Немецкое лицемерие

Подобное решение нетрудно критиковать с позиции «культуралистов». Мы явно имеем дело не с настоящим изменением политического сознания, а с неким его расщеплением, когда, с одной стороны, по оппортунистическим соображениям требуется и практикуется хорошее поведение и приспособление, а с другой, сознание по-прежнему проникнуто нездоровым духом национал-социализма. С моральной точки зрения, это называется лицемерием: люди не говорят, кем они были и что думают, а говорят, чего не думают, и изображают себя теми, кем не были. Нет сомнений, что такое лицемерие стало характерной чертой образа жизни в ФРГ на раннем этапе ее существования.

Упрек, что подавляющее большинство населения ФРГ, притворяясь демократами, на самом деле оставалось в плену нацистского образа мыслей, приобрел большое значение во время «длинной волны» 1960–1990 гг. и вызывал ярость и страх у младшего поколения. Но, если подумать, обвинения в лицемерии, обмане и притворстве всегда играли заметную роль в истории формирования современного общества и сопротивления ему совершенно независимо от полемики с нацизмом. Они основываются на том, что в буржуазном обществе видимость и сущность по структурно обусловленным причинам не совпадают, и «разрешить» свои многообразные конфликты, как учит социальная философия от Гегеля и Маркса до Карла Шмитта или Лумана, оно может, лишь вводя в принципе бесконечный ряд раздвоений, разделений труда и дифференцировок: буржуа и гражданин, частное и общественное, мораль и политика, убеждения и поведение, политическая и научная системы и т. д.

Ханна Арендт предположила, что упрек в лицемерии в истории антибуржуазных протестов вызывал гораздо больше негодования, чем, например, обвинение в несправедливости. Стратегическое средство борьбы с лицемерием – разоблачение. Необходимо «сорвать с врага маску, разоблачить махинации и манипуляции»³⁰. Стратегия рискованная и сомнительная, поскольку она чревата опасностью породить то самое, против чего призвана бороться, а бешенство, как правило, ей сопутствующее, зачастую можно объяснить лишь тем, что таким

³⁰ Arendt H. Macht und Gewalt. S. 66.

способом отталкивается как чуждое нечто очень хорошо знакомое по себе. Впрочем, для возмущения лицемерием существуют и вполне рациональные причины. Арендт их четко обозначила: «Мы живем в *явленном* нам мире и в общении с ним должны иметь возможность полагаться на то, что явлено. Разум что-то значит, лишь когда такая возможность надежно гарантирована, и слова могут претендовать на значение лишь до тех пор, пока нет подозрения, что их используют, чтобы что-то скрыть. Ярость провоцируется не столько противоборством интересов, сколько “лицемерием”, видимостью разума, которой его стараются прикрасить»³¹.

Это относится и к делу Шверте. Не сама его вторая жизнь, не посты, которые Шверте в ней занимал, не акценты, которые он расставлял в своей науке, вызвали разочарование, ожесточение и критику, а тот факт, что вторая жизнь была призвана скрыть первую. С тех пор как тайна вышла наружу, во всех действиях и словах Шверте стали подозревать не более чем надувательство, ложь, маску, прячущую Шнайдера. Шверте кардинально поколебал доверие к надежности явленного мира и значению слова, и чувство обманутого доверия повинно в резкости реакции на его дело.

Остается, однако, вопрос, стоит ли делать лицемерие главным критерием оценки политического поведения. Грубо говоря, тот, кто соблюдает демократические правила игры, в глубине души с ними не соглашаясь, т. е. лицемерит, все-таки лучше нациста, который действительно говорит, что думает, и думает, что говорит, т. е. не лицемерит. Иными словами, учитывая сложность структур современного мира, выступления в защиту такой простой добродетели, как искренность, могут оказаться свидетельством наивности и недалекости. Впрочем, в литературе и философии это давно ясно показано и осмыслено³².

На приведенный выше довод обычно возражают, что он предлагает неверную альтернативу и, в первую очередь, в том числе и в деле Шверте, естественнее подумать о противопоставлении того, кто симулирует демократический менталитет, тому, кто его действительно олицетворяет. Но можем ли мы говорить о такой альтернативе применительно к 1945 г.? Да, утверждают «культуралисты». Мост от диктатуры к демократии, который, по их мнению, создается в политической культуре, нельзя строить из лицемерия и двойной игры, он

³¹ Ibid. S. 67.

³² См.: Trilling L. Das Ende der Aufrichtigkeit. Frankfurt a. M.; Berlin; Wien, 1983.

должен опираться на столбы под названием «изменение» и «процесс обучения». Эти и похожие понятия играли большую роль в так называемых дебатах о вине после 1945 г. Кроме того, они использовались и используются, когда речь идет об оценке биографий, начавшихся при национал-социализме и продолжившихся в ФРГ. Данные понятия заслуживают более внимательного рассмотрения.

Изменение или «процесс обучения»

Реберг в своей интерпретации дела Шнайдера/Шверте не может прийти к однозначному выводу. С одной стороны, Шверте не только смирился с новыми демократическими условиями, но и стал их красноречивым защитником. С утверждением, что Шверте лишь притворялся, будто изменился, по сути оставаясь нацистом, каким был всегда, Реберг не соглашается. Оно, дескать, не учитывает, «что после системных переломов люди действительно могут, приспособившись, меняться (правда, не в результате некоего одномоментного решения), что их, так сказать, учит своим воздействием окружающая обстановка и достигнутые улучшения не являются ни исключительно их собственной заслугой, ни простой мимикрией»³³. Таким образом, имеет место не приспособленчество в чистом виде (во всяком случае не только оно), не лицемерие, не маска, а сочетание самостоятельной активности и приспособления, «процесс обучения»: «Разумеется, Ганс Шверте учился – причем весьма старательно – и переучился»³⁴.

С другой стороны, по словам Реберга, этого недостаточно. Шверте обучился, но «ничего не “искупил”». В чем же должно было состоять искупление? «Для этого требовалось рискнуть жизнью, добровольно пойти на позор, отдать себя на суд других». Поскольку Шверте ничего подобного не сделал, «выстраданного» «подлинного изменения» в нем не произошло³⁵. Иными словами, хотя Шверте многому научился, одного обучения мало, необходимо «изменение».

В вопросе, «не заслуживает ли Шверте “второго шанса”, не имеет ли он права на новую жизнь», Реберг также не может определиться. «Может быть», говорит он, однако нельзя забывать, «что жертвам этого не позволили»³⁶. Согласен. Но откуда мы знаем, что Шверте о данном факте забыл? А если не забыл – тогда что?

³³ Rehberg K.-S. Eine deutsche Karriere. S. 77.

³⁴ Ibid. S. 79.

³⁵ Ibid. S. 79 f.

³⁶ Ibid. S. 80.

В нашем подходе к таким случаям, как дело Шверте, и к ФРГ в целом весьма значительна доля неопределенности и нормативного подтекста. Конечно, для нас было бы лучше, если бы после 1945 г. все действительно изменилось в одночасье. Космогонический миф о «часе ноль» именно в этом и старается нас убедить. На индивидуальном уровне ему соответствуют маленькие «декларации о намерениях» и клятвы в верности, о которых рассказывали многие, в том числе и Ганс Шверте: с «никогда больше» в них сочетается «теперь мы все сделаем по-другому». Но, если вдуматься, мы, разумеется, знаем, что подобное чудесное преобразование встречается довольно редко, и разговоры о «стремительной перемене»³⁷ обычно будят в нас не восхищение, а скепсис. С другой стороны, нас тревожат и смущают результаты опросов, показывающие, что для большинства людей перемена была отнюдь не стремительной и немалая часть населения долго, даже слишком долго сохраняла недемократические, авторитарные черты. Однако и тогда мы не признаем, что изменения вообще не происходили либо происходили чрезвычайно медленно. На наш взгляд, данные результаты просто свидетельствуют, что после 1945 г., вероятно, для настоящего преобразования требовалась более основательная глубинная подготовка. Так и с Шверте: бесспорно, в его первых работах, написанных в эпоху федеративной республики, еще довольно сильно чувствуется прежний образ мыслей, лишь позднее он окончательно порвал с ним. Говорит это в пользу или против Шверте? И в чем причина путаницы в наших представлениях и ожиданиях?

Как правило, считается, будто область сознания и мотивации, в которую мы здесь вступаем, зыбка и темна, а потому идеально подходит для проекций и предположений любого рода. Поскольку мотивы, сознание, менталитет не поддаются прямому наблюдению, чрезвычайно трудно (если вообще возможно) утверждать о них что-либо с уверенностью. Как распознать, когда человек лишь симулирует, подкивает другим, а когда за его словами стоит подлинная, искренняя перемена взглядов?

В нашем конкретном случае дело осложняется тем, что, говоря о политическом менталитете ФРГ, мы всегда косвенным образом говорим о логике и структуре национал-социализма. Например, тот, для кого скорость переключения сознания с нацизма на федеративную республику не представляет проблемы, показывает, что и в диктатуре, и в демократии видит политические системы в строго институ-

³⁷ Jeggle U. Heimatkunde des Nationalsozialismus. Vier lokale Versuche, verwischte Spuren zu sichern // Dachauer Hefte. Nr. 6. München, 1994. S. 170.

циональном смысле и в лучшем случае во вторую очередь – вопрос привычки, менталитета и характера. С этой точки зрения даже антисемитизм – главная мания нацистов – у большинства людей был поверхностной установкой, «кодом», которым они стали пользоваться вместе со всеми, не усваивая его по-настоящему глубоко, и от которого легко отказаться, заменив другим, например демократическими убеждениями. Правда, у данной гипотезы есть неприятная сторона: демократические ценности, со своей стороны, тоже не застрахованы от опасности, что их при первом удобном случае сменят на другие.

Можно, однако, допустить и доказывать обратное: что фашистский менталитет, в частности антисемитизм, развивался веками и глубоко укоренился в немецком характере, его нельзя выучить и потом забыть, как технический прием, ремесло или стихотворение, он представляет собой не «код», а «фантазм», связанный с бессознательными страхами, виной и агрессивностью, и поэтому от него так просто не избавишься. Если смотреть на дело под таким углом, неудивительно, что многие элементы антисемитизма надолго сохранились в сознании населения после краха нацизма. Поверхностные корректировки мировоззрения и убеждений тут не помогут, необходимы куда более радикальные меры: внутреннее изменение, нечто, идущее вглубь, затрагивающее глубинную структуру личности, нацеленное на создание нового человека, возрождение, преобразование. Для этого, как выразился Ясперс, требуется не только «работа разума», но и «работа сердца»³⁸. Пока последняя не проделана, все остальное обречено на провал и не способно достичь завершения: «Без очищения души нет политической свободы»³⁹. Именно в таком духе Ясперс требовал в 1945 г. от своего друга и коллеги Хайдеггера «подлинного возрождения»⁴⁰, к Ясперсу присоединился и архиепископ Грёбер, отчески покровительствовавший Хайдеггеру и выразивший надежду на его «духовный переворот»⁴¹.

Кто же все-таки прав – считающие нацистский менталитет «кодом» или «фантазмом», – я постараюсь подробнее разъяснить в следующей главе на примере Гольдхагена. Но уже здесь хочу отметить, что призывы к изменению, преобразению и возрождению имеют сакральную, культовую подоплеку. Во-первых, об этом свидетельствует то, что в них важную роль играет требование искупления: без

³⁸ Jaspers K. Die Schuldfrage. S. 10.

³⁹ Ibid. S. 83.

⁴⁰ Цит. по: Ott H. Martin Heidegger. Frankfurt a. M., 1988. S. 316.

⁴¹ Цит. по: Ibid. S. 323.

искупления не может быть изменения. Искупление необходимо, если речь идет о вине. Вина и искупление взаимосвязаны. Виновный должен пройти очищение, отдать себя на позор либо еще каким-нибудь способом освободиться от своей вины. В любом случае вина ничему научить не может; учатся на ошибках. Выдвигая на передний план понятия вины, искупления и изменения, мы оказываемся в духовном поле с ярко выраженными христианскими чертами. Разговоры об ошибках и «процессе обучения» корреспондируют с более светской установкой, которая выражена, например, в приписываемом Талейрану изречении, имеющем отнюдь не только иронический смысл: «Это хуже, чем преступление, это – ошибка»⁴².

В данную картину вписывается и то, что изменение есть «дело отдельного человека, совершаемое в одиночестве»⁴³, которое извне нельзя ни направлять, ни контролировать, ни даже описать, разве только засвидетельствовать. Обучение, напротив, – процесс, требующий диалога, вполне поддающийся регулированию «извне», не мистерия, а нечто мирское. Его можно наблюдать, описать и тестировать. Попробуем сделать это и мы.

По словам Макса Миллера, процесс обучения предполагает признание «основополагающих кооперационных принципов коллективной аргументации»⁴⁴. Миллер выделяет три таких принципа: обобщение, объективность, истинность. Принцип обобщения гласит, что высказывание, которое принимается всеми непосредственно, становится коллективным убеждением. Принцип объективности подразумевает, что высказывания, которые никто не может сколько-нибудь обоснованно оспорить, ведут к расширению или ограничению коллективно принятого. Наконец, принцип истинности или непротиворечивости содержит постулат, что господствующие убеждения должны меняться, если выясняется, что коллективно принятое на данный момент изобилует противоречиями.

Когда эти принципы отвергаются, мы имеем дело с учебными патологиями, которые, по Миллеру, также существуют в трех основных вариантах⁴⁵. *Авторитарное* обучение ориентируется не на качество

⁴² См.: Thadden R., von. *Wie gehen wir mit unserer Vergangenheit um? // Vom Verlust der Scham und dem allmählichen Verschwinden der Demokratie* / hg. H. L. Arnold. Göttingen, 1988. S. 101 f.

⁴³ Jaspers K. *Die Schuldfrage*. S. 50.

⁴⁴ Miller M. *Kollektive Lernprozesse. Studien zur Grundlegung einer soziologischen Lerntheorie*. Frankfurt a. M., 1986. S. 28.

⁴⁵ См.: Ibid. S. 428 ff.

аргументов, а на силу авторитетов, которым приписывается владение непреложной истиной и достоверными сведениями. При *идеологическом* обучении определенные ответы и вопросы заранее считаются неверными и исключаются как противозаконные, прежде чем их можно проверить и даже если на них нечего возразить. При *регрессивном* обучении нечто уже усвоенное раньше задним числом дезавуируется, поскольку оказалось слишком опасным для прежних убеждений. В этом случае одновременно бывают представлены два противоречащих друг другу воззрения, что лишает силы принцип истинности.

Если приложить эту модель к ФРГ на раннем этапе ее существования, быстро выясняется, что там мы имеем дело скорее с блокадами и патологиями, чем с идеальной учебной ситуацией. Структурное немецкое лицемерие, о котором шла речь выше, несомненно, больше всего соответствует авторитарному и регрессивному типам обучения. Пожалуй, о настоящем коллективном процессе обучения можно говорить, если рассматривать всю историю ФРГ в целом⁴⁶. В первые же годы не происходило ни изменения, ни даже обучения, которое заслуживало бы подобного названия.

Причины, почему так вышло, можно указать подробнее. Благодаря исследованиям коммуникаций известно, что на изменение взглядов и убеждений помимо информации влияют и другие условия. Если, например, расхождения между существующим убеждением и новой информацией слишком велики, готовность изменить исходную позицию не возрастает, а убывает. Чем сильнее новая информация отклоняется от имеющихся сведений, чем меньше ее можно совместить с текущими знаниями и ценностями, тем большее значение приобретает источник информации. От его надежности, привлекательности и власти зависит, изменится ли хоть что-то. Так было в Германии после войны и в первые годы в ФРГ. Все казалось вопросом власти. Асимметрия между победителями и побежденными – весьма неблагоприятное условие для рационального учебного процесса. Союзники категорическим образом давали предписания, против которых немцы вряд ли могли возражать безнаказанно. Поэтому можно говорить разве что об авторитарном обучении. При таком положении вещей, по-видимому, в большинстве случаев происходило не что иное, как использование авторитарной предрасположенности людей для поворота к демократии. Эта предрасположенность наполнялась другим

⁴⁶ См.: Bergmann W. Antisemitismus in öffentlichen Konflikten. Kollektives Lernen in der politischen Kultur in der Bundesrepublik 1949–1989. Frankfurt a M.; New York, 1997.

содержанием, но сам принцип покорности власти не терял силы. Новый демократический строй утверждался средствами авторитарного государства⁴⁷.

Могло ли быть иначе? Какая имелась альтернатива? Только свободное соглашение с собой, демократический переговорный процесс, в котором с самого начала участвовали бы все. То, что узнавали от союзников как внешнюю оценку и приговор, было бы в таком случае выяснено как собственная истина путем самопознания и саморефлексии.

По Хабермасу, этико-политическое соглашение с собой означает «выработку искреннего коллективного представления о себе, которое одновременно отвечает критериям политической справедливости и выражает глубинные устремления политического сообщества, сформированного своей историей»⁴⁸. Общие принципиальные требования к дискурсам такого рода не менее взыскательны. Все участники должны признавать друг друга равноправными, ориентироваться на взаимопонимание, не преследовать каких-либо стратегических интересов и, наконец, брать на себя индивидуальную ответственность за приводимые аргументы, т. е., например, не прятаться за группами и коллективами.

Применительно к конкретным условиям политического и ментального преобразования при переходе от диктатуры к демократии идею, что здесь может быть достигнуто этико-политическое согласие с собой в указанном смысле⁴⁹, не назовешь иначе как неуместной и иллюзорной. В полемике о прошлом, требует Хабермас, не должно быть места личным вопросам о чьей-либо жизни при диктатуре или

⁴⁷ Часто встречается утверждение, будто процесс обучения оказывается серьезным и удачным, когда он во что-то обходится и связан с убытками. См., напр.: Ladwig B. Politische Selbstverständigung im Schatten der nationalsozialistischen Vergangenheit // *Vergangenheitsbewältigung* / hg. G. S. Schaal, A. Wöll. Baden-Baden, 1997. S. 58. Надо, однако, отдавать себе отчет, что это, возможно, не просто чрезвычайно подходящий критерий отграничения от оппортунизма, а почти непосредственное продолжение протестантской линии немецкой духовной истории, делающее жертву и искупление доказательством праведной жизни.

⁴⁸ Habermas J. Was bedeutet «Aufarbeitung der Vergangenheit» heute // Habermas J. Die Normalität einer Berliner Republik. Frankfurt a. M., 1995. S. 23.

⁴⁹ Так, во всяком случае, считают Вёлль и Ладвиг, см.: Wöll A. *Vergangenheitsbewältigung in der Gesellschaftsgeschichte der Bundesrepublik. Zur Konfliktlogik eines Streitthemas* // *Vergangenheitsbewältigung*; Ladwig B. *Politische Selbstverständigung im Schatten der nationalsozialistischen Vergangenheit*.

вынесению приговоров в юридическом смысле – иначе нарушаются общие правила дискурса, обвинения и самооправдания делают свободную дискуссию невозможной. Проблема, однако, в том, что именно в постдиктаторские времена нельзя отвлечься от конкретного поведения отдельного человека ради абстрактного общего интереса к выяснению вопроса о несбывшейся нормальности. Есть победители и побежденные, жертвы и преступники, коллаборационисты и те, кого предали, речь идет об индивидуальных судьбах и чудовищных несправедливостях – немыслимо, чтобы при подобных обстоятельствах всех участников интересовали исключительно взаимопонимание и истина.

Политика и мораль

Что происходило на пути от нацистской диктатуры к демократии федеративной республики? Не «изменение» – его быть не могло; не рациональный «процесс обучения» – и его быть не могло; не «этико-политическое соглашение с собой» – его тоже быть не могло. Что же тогда? Это был истинно политический процесс. То есть, по Максиму Веберу, важную роль в нем играли власть и насилие и действовало не то правило, «что добро приносит только добро, а зло – зло, но зачастую как раз обратное»⁵⁰.

Тина Розенберг в увлекательных изысканиях, посвященных отношению к нацистскому прошлому в новой Европе, пишет: «Германия сегодня – одна из самых стабильных демократий в мире; за последние пятьдесят лет она преобразила свою политическую культуру. Значит, кое-что все-таки удалось. Возможно, денацификация, несмотря на все ее недостатки, оказалась эффективной и заставила старых нацистов притворяться демократами так долго, что в конце концов маска стала реальностью. Возможно, это следствие полного поражения: побежденным немцами пришлось начинать с нуля под опекой Запада. Возможно, военный разгром немцев развеял миф об их превосходстве и отбил у них охоту к дальнейшим завоевательным авантюрам. Возможно, современная, процветающая экономика повлекла за собой политическую модернизацию и обеспечила лояльность новому демократическому режиму. А может быть, просто прежнее поколение сошло со сцены. По каким бы то ни было причинам, тоталитарное

⁵⁰ Weber M. Politik als Beruf // Weber M. Gesammelte politische Schriften. Tübingen, 1971. S. 554.

мышление было искоренено, хотя сторонники тоталитарного мировоззрения еще есть»⁵¹.

Путь от диктатуры к демократии – назидательная пьеса о необходимости диалектического взгляда на историю, и это зрелище не для слабонервных. Предположение, будто перед нами дело рук совокупного субъекта, наделенного способностью к дальновидному планированию, в корне ошибочно. Полученным результатом мы обязаны действию сложного комплекса факторов, которые вряд ли возможно отделить друг от друга. В известной мере счастливый исход предприятия отнюдь не был предопределен заранее, и связанные с ним антиномии, трудности и риски никак нельзя назвать пустяковыми.

⁵¹ Rosenberg T. Die Rache der Geschichte. Erkundungen im neuen Europa. München; Wien, 1995. S. 370 f.

5. ГОЛЬДХАГЕН И НЕМЦЫ

Яркое впечатление о невероятности политического нового начала после нацистского господства, которое откладывается в сознании благодаря знакомству с индивидуальной карьерой Шнайдера/Шверте, усиливается, когда рассматриваешь «добровольных подручных» в совокупности и путь, пройденный ими, пока они или их потомки не превратились в надежных демократов. Трудности этого пути я попытаюсь показать ниже на примере пояснений, которые дает к нему Дэниел Гольдхаген. Отсюда вытекает еще одно доказательство тезиса, что история преодоления прошлого в ФРГ все больше заслоняет собой само нацистское прошлое и должна приниматься во внимание даже при анализе Холокоста.

Проблема

Дэниел Гольдхаген в торжественной речи по случаю присуждения ему «Премии демократии» в марте 1997 г. назвал ФРГ позитивной «моделью» и «образцом», которому другие государства должны «подражать»¹. Этим он вновь дал пищу общему недоумению. До сих пор большинство специалистов и политических публицистов резко критиковало и не принимало книгу Гольдхагена «Добровольные подручные Гитлера» из-за огульного осуждения поведения «обычных немцев» при национал-социализме. Зато у тех, кто считает отношения послевоенных немцев со своим прошлым воплощением «второй вины» и не слишком доверяет демократии в ФРГ, она встретила горячее одобрение и симпатию. Речь Гольдхагена на церемонии вруче-

¹ Гольдхаген в 1997 г. получил «Премия демократии» от «Журнала немецкой и международной политики» («Blätter für deutsche und internationale Politik»). Речь Гольдхагена в Бонне на церемонии вручения премии 10 марта 1997 г. напечатана в апрельском номере журнала: Goldhagen D. Modell Deutschland. Nationalgeschichte, Demokratie und Internationalisierung in der Bundesrepublik // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. Н. 4. Приведенные цитаты см. на с. 424, 438, 440.

ния премии сильно возмутила именно эту группу, которая прежде с ним соглашалась.

В самом деле, таких панегириков ФРГ мы давно не слышали. «Я не знаю другой страны, столь открытой и последовательной в обращении с бесславными и страшными страницами собственного прошлого», – сказал Гольдхаген². Тот факт, что демократизация и борьба с антисемитизмом осуществлялись под «давлением извне», при «прямом участии посторонних»³, он считает не поводом для сомнений и скепсиса относительно правдоподобия подобных изменений и их устойчивости перед кризисами, а доказательством удачной «интернационализации»⁴ немецкой политики. ФРГ, по словам Гольдхагена, продемонстрировала образцовое умение учитывать в представлении о себе критический взгляд со стороны. Ей выпала счастливая возможность смотреть на себя глазами других.

Оставим в стороне публицистический резонанс, вызванный этой речью. Оставим также в стороне вопрос, прав ли Ян Филипп Реемтсма, который в рассуждениях Гольдхагена увидел «замаскированное под хвалу явное предостережение»⁵ немцам, чтобы те не скатывались к прежним формам эгоистичной национальной политики силы и интересов. Для меня речь Гольдхагена служит поводом обратить внимание на некоторые принципиальные содержательные и методологические проблемы его позиции.

Если взять книгу и речь Гольдхагена вместе, речь идет о попытке объяснить две исторические трансформации. Первая состоит в том, что «совершенно обычные немцы» стали «добровольными подручными Гитлера», вторая – в том, что «добровольные подручные Гитлера» и их потомки после 1945 г. построили федеративную республику, на которую, по словам Гольдхагена, в 1997 г. могли взирать с «удовлетворением».

Анализ смены политических систем – дело нелегкое даже в том случае, когда его область ограничивается упразднением старых и созданием новых институтов. Еще труднее приходится, если в рассмотрение включаются вопросы политической культуры и коллективного политического менталитета. Институциональную сторону смены

² Goldhagen D. Modell Deutschland. S. 429 f.

³ Ibid. S. 430.

⁴ Ibid. S. 426.

⁵ Reemtsma J. P. Eine ins Lob gekleidete deutliche Mahnung. Daniel Goldhagens «Modell Bundesrepublik» und das Echo // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1997. H. 6.

систем, вероятно, по праву можно охарактеризовать как технический акт. Однако менталитет, убеждения, «милые сердцу привычки» перестроить не так просто, как дом или машину. Изменение менталитета подчиняется иным закономерностям и временным ритмам, нежели преобразование институциональных политических структур.

Для объяснения этого аспекта в социальных науках существует целый ряд понятий и моделей, в которых акценты расставлены по-разному. Токвиль говорит о привычке, Макс Вебер – о духе, Макс Шелер – об образе мыслей, Бурдьё – о габитусе, Теодор Гайгер – о менталитете, Адорно – о характере. Сколько терминов, столько же различий и путаницы. По сути же, мы все еще довольно мало знаем о том, чем объясняются изменения в данной сфере. Надежды, возлагавшиеся на «лингвистический поворот» (*linguistic turn*) и превращение «коммуникации» в основное понятие социальных наук, пока не оправдались.

Исследования Гольдхагена лежат в области менталитета. Он опирается на концепты культурной антропологии. Последняя не имеет ничего общего ни с биологией, ни с представлением о неизменной природе человека – она происходит от этнологии, включая также лингвистические, психологические и социологические факторы. В ее основе лежит гипотеза, что политическая деятельность и поведение в целом руководствуются не интересами, разумом или рациональными расчетами, а зависят от мировоззрения, сформированного культурной традицией, от восприятия и истолкования действительности, обусловленных менталитетом и габитусом. Какое же объяснение можно дать двум вышеупомянутым трансформациям и какое предлагает Гольдхаген? В принципе, если свести все в одну схему, вырисовываются три варианта.

Согласно первому из них, «обычные» немцы стали подручными убийц, потому что давно уже были довольно-таки «необычными» – не нормальными людьми, а словно пришельцами с другой планеты, не затронутыми западным Просвещением и европейской цивилизацией, одержимыми антисемитизмом и страстью к разрушению.

Не будем говорить о справедливости подобных утверждений, к которым сводятся и размышления Гольдхагена⁶. Но очевидно, что такое объяснение, по крайней мере, сталкивается с большими трудностями, когда заходит речь об анализе второй трансформации. Как понимать тот факт, что жестокие преступники по убеждению и по привычке, которые столетиями готовились к злодеяниям, вволю пре-

⁶ См.: Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. Berlin, 1996. S. 21, 29 f., 45 ff.

давшись своему смертоносному ремеслу, затем разошлись по домам, будто ничего не случилось, и превратились в трудолюбивых, надежных, достойных доверия демократов?

Второй вариант предполагает, что немцы до 1945 г. по сути являлись в общем-то нормальными людьми и после него остались такими. Приняв за основу эту гипотезу, нужно искать другие объяснения геноциду, например следующее: Холокост был обусловлен не политическим менталитетом, характером или установкой, а структурой современного общества. Главная черта Холокоста, с такой точки зрения, заключается в его административно-индустриальной форме, которую действия отдельных людей вряд ли могли ему придать. Мы имеем дело с преступной деятельностью, основанной на разделении труда, и с хорошо известным в социологии современных обществ феноменом нравственной индифферентности. Жестокость Холокоста коррелирует не с личностными признаками, индивидуальными преступными наклонностями и криминальной энергией, а с определенными формами обобществления. И объяснять это явление следует не психологически, исходя из мотивов преступников, а социологически.

Гольдхаген яростно восстает против подобной позиции, решительно отстаиваемой, например, социологом Зигмунтом Бауманом, но лежащей и в основе многих исторических работ. Надо, впрочем, отдавать себе отчет в том, что указание на нравственную индифферентность функционально дифференцированных обществ сама по себе отнюдь не является нравственно индифферентной. Правда, эта мысль способствовала подрыву доверия к наивному, дорефлексивному нравственному сознанию. Ведь она сводится к утверждению, что в современных социальных системах могут совершаться самые страшные убийства, и для этого не требуются какие-то особенно жестокие люди, например особенно злобные антисемиты.

В соответствии с третьим вариантом объяснения немцы до 1945 г. представляли собой народ преступников, убежденных в справедливости своей миссии, и в глубине души такими и остались. После 1945 г. они только притворяются хорошими демократами и нормальными людьми, симулируют демократию, но по сути – все те же злодеи с тягой к насилию и жадной власти и при первом удобном случае снова себя покажут.

Это главное подозрение, которое поколение 1968 г. выражало в адрес своих родителей, ответственных за нацизм. Гольдхаген разделяет со сторонниками такой позиции представление о фашизме как явлении, в основе своей не институциональном. Что же касается при-

ложения данного варианта к ФРГ, то и в речи на церемонии вручения премии, и на последних двух страницах предисловия к немецкому изданию своей книги он против него прямо возражает.

Разумеется, я обрисовал здесь три модели объяснения лишь в самых общих чертах. Но даже изложение всех тонкостей не устранило бы их принципиальных дефектов. Ни один из этих вариантов не в состоянии объяснить то, что должен объяснить. Я ограничусь более подробным рассмотрением интерпретационной модели Гольдхагена. Недостатком его подхода, помимо всяких эмпирических частных и деталей, о которых лучше судить специалистам, является уже теоретическая и концептуальная схема, которой так гордится Гольдхаген⁷. Понятия культурной антропологии, которыми он оперирует, недостаточно дифференцированы. Особенно это касается «когнитивного образца» – главного теоретического понятия в книге Гольдхагена. Изъяны его заключаются в том, что оно не учитывает надлежащим образом, во-первых, различие между сознанием и поведением, во-вторых, различие между коммуникацией и сознанием. Ниже будет показано, что это значит и какое влияние оказывает на анализ двух вышеназванных трансформаций.

Поведение и сознание

В своей речи Гольдхаген хвалил немцев за «интернационализацию» политики после 1945 г. Возможность того, что ориентация собственного поведения на иноземные авторитеты свидетельствовала об отсутствии доверия к себе и полномочий действовать самостоятельно, он не рассматривал. Однако такая мысль просто напрашивается. Мы ведь, вполне вероятно, имеем дело с достаточно распространенной до сих пор стадией нравственного развития (по теории Кольберга) под названием «ориентация на хороших парней» (good boy orientation), – когда стараются угождать тем, кто оказался сильнее⁸. Тогда «интернационализация» политики становится результатом не «процесса обучения», а оппортунизма и приспособленчества. Общество не знает, что ему делать, что правильно, а что неправильно, и, поскольку победители наблюдают за ним недреманным оком и достаточно ясно выражают свои пожелания, ориентируется на них. Оно действует так,

⁷ См.: Pesch V. Die künstlichen Wilden. Zu Daniel Goldhagens Methode und theoretischem Rahmen // Geschichte und Gesellschaft. 1997.

⁸ См.: Kohlberg L. The Psychology of Moral Development. The Nature and Validity of Moral Stages. San Francisco, 1984.

как требуют от него власти, но мысли его могут и не согласовываться с этими действиями. В данном случае перед нами общество, в котором сознание и поведение явно расходятся друг с другом.

Наука давно бьется над разницей между сознанием и поведением. Проблему легко обозначить, но трудно решить. Насколько мало по зримым действиям и манере поведения можно судить о сознании, настолько же мало оснований считать, что именно сознание определяет поведение. Сознание и поведение, внутрисубъектный и деятельностный уровни принадлежат к двум разным сферам. Такое положение вещей обусловлено конститутивной способностью человека отделять фактическое поведение от сознания.

Сам Гольдхаген в своей книге дает прекрасный тому пример: «Человек, продолжая верить в Бога, может по ряду причин прекратить посещать богослужения. Скажем, ему не нравится новый пастор, или он не хочет показываться на людях, или ему нужно время для других занятий – например, вследствие каких-то хозяйственных неудач»⁹. Отсюда следует, что посторонний наблюдатель видит только поведение, но не его мотивы. В качестве наблюдателей описанного поведения мы не можем предположить, как делает Гольдхаген, что тот, о ком идет речь, «продолжает верить в Бога», – но почему мы должны обязательно делать вывод, что он разочаровался в своей вере и поэтому перестал ходить в церковь? Разумеется, справедливо и обратное: о том, кто посещает богослужения, нельзя на основании одного данного факта сказать, что он действительно верует или что ему нравится новый пастор. Мы этого не знаем и не узнаем, если не получим дополнительной информации, которая позволит нам обоснованно или с высокой долей вероятности судить о его мотивах.

Когнитивный образец

Если говорить о первой трансформации, проблема предстает в следующем виде: каким образом антисемитская идея и идеология становится силой, которая определяет не только сознание, но и поведение, превращая людей с антисемитскими взглядами в убийц? В исследованиях, посвященных предрассудкам, различаются когнитивный, аффективный и конативный аспекты предрассудка и ставится вопрос об их взаимоотношении. Гольдхаген полагает, что может решить проблему с помощью концепции «когнитивного образца». Согласно ей, антисемитизм в немецкой истории – не идея и не убеж-

⁹ Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. S. 64.

дение, а широко распространенный, глубоко укоренившийся образец, оказывающий огромное влияние как на мышление, восприятие и видение, так и на поведение и образ действий. Этот «когнитивный образец» организует индивидуальный и коллективный опыт и руководит действиями¹⁰.

«Когнитивный образец» – бессознательная, но универсальная схема, задающая правила восприятия, коммуникации и деятельности. Это, собственно, не тема, а рамки, в которые все должно быть заключено, чтобы стать темой; трансцендентная предпосылка, на которой базируются все разговоры и наблюдения, сама по себе не являющаяся предметом разговора или наблюдения; не нуждающееся в обсуждении, само собой разумеющееся и всеми разделяемое условие возможности мышления, восприятия и действия. Кант в «Критике чистого разума» говорит о трансцендентальном «Я», которое должно сопровождать все наши представления. По Гольдхагену, все представления немцев с определенного момента их истории «всегда» сопровождал антисемитизм. Выглядит так, будто соответствующие взгляды и модели поведения заложены в генах, однако антисемитизм как глубоко засевший когнитивный образец исторически и культурно обусловлен, это нечто сделанное, а не данное. В сущности, анализ Гольдхагена сводится к утверждению, что антисемитизм принял облик когнитивного образца в Германии, и только в Германии. Для немцев он естественно-привычен, словно грамматика их языка.

Концепция когнитивного образца, однако, не помогает разрешить трудности, связанные с определением взаимоотношений между сознанием и поведением, она их лишь отодвигает. Тут же возникает вопрос, каким образом и почему антисемитизм исключительно в Германии стал когнитивным образцом, а не остался, как во многих других странах, убеждением, не выливаясь в систематическую практику уничтожения. Гольдхаген отвечает, что Холокост имел место в Германии, и только в Германии. Это, безусловно, верно, но именно это и нуждалось в объяснении. Иными словами, аргументация Гольдхагена идет по кругу, он меняет местами эксплананс и экспланандум. Обещает объяснить Холокост, рассматривая антисемитизм как когнитивную схему, а фактически приводит уничтожение евреев в доказательство того, что антисемитизм в Германии был такой схемой. То есть Холокост не объясняется антисемитской когнитивной схемой, а сложит доказательством ее существования.

¹⁰ См.: Ibid. S. 52 ff. См. также: Gilcher-Holtey I. Die Mentalität der Täter // Ein Volk von Mördern / hg. J. H. Schoeps. Hamburg, 1996.

Между прочим, как раз по этой причине Гольдхагена так мало волнуют справедливые возражения многих историков на его исследование по истории антисемитизма. Специалисты по вопросам антисемитизма точно указали подъемы и спады юдофобии в немецкой истории, спрашивая, как согласуется с утверждениями Гольдхагена, к примеру, факт эмансипации евреев. От противоположных антисемитизму движений Гольдхаген отмахнулся величественным жестом человека, который знает, чем все кончилось, и благодаря этому знанию располагает четким критерием, позволяющим отделить существенное от несущественного: поскольку история антисемитизма в Германии кончилась Холокостом, прежними анти-антисемитскими тенденциями можно пренебречь. Они иррелевантны и с точки зрения общей картины (читай: когнитивной схемы) для Гольдхагена значения не имеют. В эпохи, когда антисемитизм едва заметен и почти не проявляется, мы имеем дело всего лишь с вариациями внутри схемы, но само наличие схемы сомнению не подлежит: «Усиливается и ослабевает не антисемитизм, а, скорее, формы его выражения. Если в какой-то момент определенного исторического периода антисемитизм широко распространен, это, в сущности, свидетельствует о его существовании, хотя бы латентном, на протяжении всей эпохи»¹¹. Сколь бы ни была велика амплитуда проявлений антисемитизма в немецкой истории, когнитивная модель, в которой главная роль принадлежит антисемитизму, по Гольдхагену, оставалась неизменной¹². Это как с языком – грамматика ведь не меняется оттого, что о ней говорят и пишут то больше, то меньше.

Логический порочный круг позволяет Гольдхагену обойтись без сравнительно-исторического анализа менталитета. Главы, где он описывает историю антисемитизма в Германии, представляют собой набор иллюстраций и примеров действия антисемитского когнитивного образца, в существовании которого Гольдхаген убежден заранее, вне зависимости от эмпирических подробностей.

Мотивы преступников

Гольдхаген оперирует методически недопустимым «выводом от поведения к сознанию» не только на макроуровне, рассматривая взаимосвязь антисемитизма и Холокоста, но и при анализе микроуровня, т. е. вопроса о мотивах отдельных преступников. Сомни-

¹¹ Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. S. 64.

¹² См.: Ibid. S. 59, 76.

тельность такой логической процедуры показать легче. Как правило, считается, что наблюдаемые действия не дают прямого указания на их мотивы. Мы наблюдаем лишь внешнюю, но не внутреннюю сторону деятельности. Гольдхаген в своих размышлениях пользуется «методом косвенных уликов», хорошо известным в криминологии¹³. Он не может прямым путем доказать, что убийца толкнул на преступления антисемитизм, и подходит к этому выводу на основании определенных косвенных уликов. Внимательное изучение того, как совершено преступление, должно сказать, почему преступник его совершил. Гольдхаген старается привести в подкрепление своего заключения как можно больше обоснований и доказательств. Наряду с дотошной реконструкцией собственно преступных действий, для этой цели служат весь образ жизни преступников, их поведение на досуге, мировоззрение, социальное происхождение. Потому Гольдхаген так подробно останавливается на страшных деталях убийств и массового истребления. Это не только совершенно оправданный, но и вообще единственный способ сегодня выяснить хоть что-то о мотивах преступников. Те, кому подобное внимание к подробностям кажется чрезмерным, «порнографией насилия», как нередко можно прочесть в публицистике, посвященной книге Гольдхагена, не понимают, что при методе косвенных уликов оно неизбежно. Кроме того, по-моему, Гольдхаген, выяснив и изложив сопутствующие обстоятельства, бесспорно, обогатил наши знания об отношении преступников к совершенным ими убийствам.

Правда, выводы его все же остаются сомнительными. Насколько сомнительными – показывает работа Кристофера Браунинга о 101-м резервном полицейском батальоне, где автор на основании тех же самых косвенных уликов называет главным мотивом преступников не антисемитизм, а ситуативные и коммуникативные факторы, необходимость приспособляться и групповой конформизм¹⁴. Решить, кто здесь прав, невозможно. Но обычно считается, что даже в одном конкретном деле гарантированно верного представления о мотивах преступления на базе косвенных уликов получить нельзя. Следовательно, во всех выводах такого рода надо проявлять большую сдержанность и осторожность. Гольдхаген, разумеется, преувеличивает познавательные возможности метода косвенных уликов, когда по детально

¹³ См.: Jäger H. Die Widerlegung des funktionalistischen Täterbildes. Daniel Goldhagens Beitrag zur Kriminologie des Völkermords // Mittelweg. 1997. H. 36.

¹⁴ Browning C. Ganz normale Männer. Das Reserve-Polizeibataillon 101 und die «Endlösung» in Polen. Reinbek bei Hamburg, 1992.

изученным случаям огульно судит и о тех преступлениях, которых не изучал вовсе, заключая, что побудительной силой неизменно выступал все тот же антисемитизм, требующий «оздоровления нации»¹⁵. Это в равной мере относится и к его выводам насчет сознания и преступных наклонностей немцев, которых с действительными преступниками роднили только социальный статус и национальность.

Вопрос о взаимосвязи поведения и сознания нельзя подменять вопросом о самостоятельности действий, также играющим в книге Гольдхагена важную роль¹⁶. Гольдхаген то и дело указывает, что даже в условиях диктатуры и войны никакие действия не следует толковать исключительно как результат повиновения приказу. Это, впрочем, было известно и раньше. Однако лишний раз подчеркнуть данный факт и поговорить о его последствиях не повредит. Пока еще никто не отмечал и не разъяснял его с такой настойчивостью, как Гольдхаген. Его исследования наглядно показывают, что начальству не приходилось вынуждать преступников совершать преступления, у тех имелись свои мотивы. И в этом смысле они действительно являлись «добровольными подручными», как сказано в заглавии книги Гольдхагена. Таким образом, перед нами люди, которые совершали преступные действия не против воли, не под давлением суровой необходимости повиноваться приказу, – их отличала готовность к подобным преступлениям. Но констатация наличия у убийцы собственного внутреннего мотива к убийству и соответственно известной автономности его действий еще ничего не говорит о самом мотиве. Самостоятельность действия – всего лишь предпосылка, свидетельствующая, что искать мотивы деятеля вообще имеет смысл.

Мотивы и возможности

Подобно выводу «от поведения к сознанию», сомнителен и обратный вывод «от сознания к поведению». Чтобы сознание, менталитет и предрасположенность претворились в действие, необходимо что-то еще, само по себе к данной сфере не принадлежащее. Подобное обстоятельство выражено в известной формуле: фактор x является «необходимым, но не достаточным» условием для наступления фактора y . Если вернуться к Гольдхагену, то антисемитизм был необходимым, но не достаточным условием массового уничтожения евреев.

¹⁵ См.: Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. S. 488.

¹⁶ См.: Helle A. Kein ganz gewöhnlicher Streit. Zur Zeitgebundenheit der Goldhagen-Debatte // Leviathan. 1997. Н. 2.

Гольдхаген, кстати, считает так же. Он подчеркивает, что «оздоровительному» антисемитизму требовалась удобная возможность, чтобы проявить себя на деле. Такую возможность немецким антисемитам предоставил захват власти нацистами. Без него антисемитизм в Германии не смог бы стать руководящим принципом деятельности¹⁷.

Тут же возникает вопрос, почему именно в Германии пришли к власти нацисты и антисемитизм стал государственной политикой. Гольдхаген не счел нужным специально его исследовать, поскольку он, дескать, уже внимательно изучен. Естественно, говорит он, такое развитие событий в значительной мере объясняется, например, экономической депрессией. Важную роль сыграло множество факторов, поэтому антисемитизм отнюдь нельзя назвать единственной причиной Холокоста. Тем не менее при всем многообразии факторов, способствовавших убийствам, не они породили мотив и желание совершать подобные действия. В этом, совершенно независимо от внешних обстоятельств, повинен исключительно антисемитизм¹⁸.

Иными словами, Гольдхаген не думает, будто человека убийцей или вором делает удобный случай, как хочет уверить нас народная мудрость; в его представлении, наоборот, убийцы и воры всегда подстерегают этот случай, а когда могут, и сами его создают. Конечно, соотношение мотива и возможности нужно специально оценивать в каждом отдельном случае. Но если, по Гольдхагену, ни возможность, ни готовность по отдельности не объясняют совершения преступления, то нельзя выстроить иерархию возможности и мотива, следует считать их совокупностью условий равного уровня. Таким образом, вопрос о возможностях и их генезисе приобретает для объяснения Холокоста не меньшее значение, чем вопрос о мотивах убийц. И рассматривать возможности без дальнейшей дифференциации как результат мотивов, т. е. сводить все дело к антисемитизму, – недопустимое упрощение.

За этой проблемой скрывается старый вопрос о соотношении социологии и психологии при объяснении человеческого поведения вообще и Холокоста или других зверств в частности. Нам, наследникам Просвещения и западной философии субъекта, трудно примириться с разницей между сознанием и поведением. Ради спасения идеи автономности человека хорошо было бы иметь возможность по-прежнему утверждать, что сознание определяет поведение. Нам хочется объяснять добро благими, а зло – скверными побуждениями. Откло-

¹⁷ См.: Goldhagen D. Hitlers willige Vollstrecker. S. 8.

¹⁸ См.: Ibid. S. 8, 487 ff.

нения от идеальной картины, которые невозможно отрицать, можно интерпретировать таким образом, что сознание, не согласующееся с видимыми действиями, логически и по времени опережает предстоящие изменения поведения. Спору нет – модель красивая, привычная и льстит нашему самолюбию. Но, видимо, пришла пора распротисться с ней и в исследованиях по современной истории.

«Код» и «фантазм»

Если, по Гольдхагену, в убийстве европейских евреев бесспорно повинен антисемитизм – главная мания национал-социализма, то столь же бесспорно, что после 1945 г. немцы от своей мании избавились и обернулись образцовыми демократами. Как же так получилось? Как это соотносится с утверждением Гольдхагена, что антисемитизм в Германии приобрел прочность когнитивного образца?

Есть два ответа. Первый называет антисемитизм культурным «кодом», который очень быстро перестает действовать, если коллективно осуждается и подвергается запрету со стороны высших инстанций. По мнению Реемтсма, такова, вероятно, концепция Гольдхагена: «Гольдхаген описывает антисемитизм не как “нечто”, что либо имеется, либо нет, не как свойство, делающее его обладателей антисемитами, а как некий код, с помощью которого общество договаривается о предпочтениях... Естественная привычность такого общего кода и составляет его силу в те времена, когда он санкционирует убийство... Такой код может исчезнуть, если его лишить естественности. Если запретить его»¹⁹.

Сторонники второго ответа видят в антисемитизме не «код», который можно создать и упразднить политическим путем, а «фантазм», глубоко, почти на бессознательном уровне, укоренившийся в антисемитах, до которого политические изменения и просветительная работа вряд ли могут добраться²⁰. Такую позицию предпочитает Реемтсма: «С другой стороны (боюсь, Гольдхаген этот аспект недооценивает), есть коллективные фантазмы, существующие независимо от того, находится ли подобный код в употреблении или нет. Они представляют особую проблему в случае антисемитизма, поскольку в них находит продолжение антиеврейская традиция христианского

¹⁹ Reemtsma J. P. Eine ins Lob gekleidete deutliche Mahnung. S. 695.

²⁰ Понятие «фантазм» играет определенную роль в этнопсихоанализе. См., напр.: Erdheim M. Die gesellschaftliche Produktion von Unbewußtheit. Frankfurt a. M., 1982.

Запада... Такой фантазм не является частью политической культуры в том смысле, в каком является код, который, чтобы сохраниться, должен использоваться в речи и потому доступен для санкций. Он также недостижим для “просвещения” любого рода»²¹.

Кто прав? Как можно трактовать историю ФРГ с данной точки зрения? Каким образом произошло изменение мнений и взглядов немцев и насколько стабильны его результаты?

Коммуникация и сознание

Отвечая на эти вопросы, стоит принять во внимание различие между коммуникацией и сознанием. Чтобы понять, что имеется в виду, вспомним исходное положение в 1945 г. Капитуляция буквально в одночасье морально дискредитировала расовую идеологию и антисемитизм, их публичное распространение и любые действия в этом направлении были запрещены союзниками. Это одна сторона, которая, постепенно несколько видоизменяясь, сохранялась на протяжении всей истории ФРГ. С другой стороны, в личных настроениях такого «часа ноль», естественно, не наблюдалось. Хотя политическая практика и общественное мнение дистанцировались от нацистского расового антисемитизма, традиционных антиеврейских предрассудков это поначалу практически не коснулось. Не поднимаясь до уровня публичных высказываний, антисемитизм продолжал жить в «приватизированной» форме. Пользуясь словами Рут Клюгер: «Юдофобство в немецком населении стало подспудным, но по-прежнему потихоньку кипело, как рагу в хорошей кастрюле кипит и остается горячим, когда огонь под кастрюлей давно выключен»²².

Скажем не столь образно, зато корректно с точки зрения социальных наук и сухо: антисемитизм в ФРГ не подлежал публичной коммуникации, но существовал в «коммуникативно-латентном» состоянии²³. Он, как и прежде, оказывал большое влияние на значительную часть населения, хотя признаваться в нем на публике было нельзя. Таким образом, существовали «ножницы» между анти-антисемитским общественным мнением и антисемитским мнением населения, разница между коммуникацией и сознанием – и, если верить

²¹ Reemtsma J. P. Eine ins Lob gekleidete deutliche Mahnung. S. 695.

²² Klüger R. Weiter leben. Eine Jugend. Göttingen, 1992. S. 193.

²³ По поводу изложенного ниже см.: Bergmann W., Erb R. Antisemitismus in der Bundesrepublik Deutschland. Ergebnisse der empirischen Forschung von 1946–1989. Opladen, 1991.

социологам, весьма существенная. По результатам первых опросов в декабре 1946 г., 61 % немцев оказались антисемитами и расистами. Осенью 1949 г. социологи обнаружили, что доля антисемитов составляет от четверти до трети. В «групповом эксперименте» Франкфуртского института социальных исследований в 1952 г. 62 % участников имели крайне или относительно антисемитские взгляды. Заметная понижительная тенденция возникла только с начала 1960-х гг. В 1980-е гг. опросы показывали 13–15 % антисемитов среди населения. В основном так и осталось по сей день.

С 1945 г. политическим путем и под сильным нажимом союзников публичное выражение антисемитизма было табуировано и сделано невозможным. Антисемитам недвусмысленно дали понять, что их мнение нежелательно. Для демократий это, пожалуй, единственный в своем роде случай политики в области менталитета. Ее эффективность среди прочего, видимо, связана с согласием всех релевантных общественных групп и заменой в данном конкретном вопросе плюрализма мнений консенсусом. С анти-антисемитизмом после 1945 г. дело, несомненно, обстояло именно так. Партии, профсоюзы, церковь, важнейшие средства массовой информации, деятели науки и искусства единодушно объявили табу на антисемитизм. Отступавшие от правила неизбежно оказывались в политическом «офсайде». Однако, прежде чем чересчур высоко оценивать произведенный эффект, нужно уяснить, что таким способом запретили и сделали невозможным не сам антисемитизм, а лишь его публичное проявление и коммуникацию. В том-то и разница. Публичную коммуникацию можно направлять и регулировать, индивидуальное сознание – нет (во всяком случае прямого и короткого пути здесь не существует).

Исправление или политика?

Согласно теории систем, разница между коммуникацией и сознанием вообще типична для современных обществ. Оставляю этот вопрос открытым, но, как бы то ни было, мне кажется, что в наших целях, т. е. для анализа обществ, совершающих переход от диктатуры к демократии, подобное различие весьма полезно.

Во всех постдиктаторских обществах встает проблема: что необходимо для нового начала в первую очередь – изменение политического и институционального устройства или изменение сознания? Например, в Германии первых послевоенных лет большинство дискуссий разворачивалось именно по этому пункту. Так называемые дебаты о вине 1945–1949 гг., писал впоследствии Карл Ясперс, один из их

главных участников, касались «только внутренней духовно-нравственной конституции как почвы для политики, которую с их помощью предполагалось подготовить»²⁴. Тем самым обозначалась логическая и хронологическая последовательность: сначала самоанализ, исправление, внутреннее очищение, новый человек, потом – новая политика.

В действительности развитие протекало совершенно иначе. Политические резоны очень быстро определили ход вещей, не дожидаясь нравственно-духовного обновления немцев. Учитывая международное положение, реалистичной альтернативы, вероятно, и не имелось.

Оставался лишь один выход – вспомнить учение политического либерализма, согласно которому практически-нравственными способностями людей при учреждении свободного строя спокойно можно пренебречь. Кант в работе о вечном мире нашел знаменитую формулировку: «Проблема создания государства разрешима... даже для дьяволов (если только они обладают рассудком)»²⁵.

Неплохая характеристика происшедшего в Германии после 1945 г. Выражаясь таким же грубоватым слогом, в ФРГ действительно удался трюк установления и стабилизации демократического строя среди дьяволов (бывших). С этой целью более или менее дьявольское прошлое большинства «добровольных подручных» и «попутчиков» объявлялось их частным делом и замалчивалось – при условии, что соответствующие лица, исполняя свои профессиональные и политические роли, не подрывают новый демократический порядок.

Такая стратегия была связана с немалыми рисками и неприятностями и всегда сильно смущала даже благожелательных наблюдателей. На самом деле большой вопрос – насколько широко можно раскрывать «ножницы» между институтами и сознанием, не ставя под угрозу демократический политический строй. По мнению многих критиков, хотя демократичность институционального устройства ФРГ не подлежит сомнению, но менталитет западных немцев в значительной мере остался недемократическим и отнюдь не вызывает доверия. Расстояние между фактическим сознанием и демократическими требованиями опасно велико. Привязанность к нацистской идеологии, боясь Адорно²⁶, продолжает существовать подспудно, неосознанно тлеющая и потому особенно могущественная, она только и ждет случая

²⁴ Jaspers K. Lebensfragen der deutschen Politik. München, 1963. S. 10 f.

²⁵ Kant I. Zum ewigen Frieden // Werke / hg. W. Weischedel. Darmstadt, 1983. Bd. VI. S. 224.

²⁶ Adorno T. W. Was bedeutet: Aufarbeitung der Vergangenheit.

реабилитироваться и открыто проявить себя в политической сфере. Фашизм, уживающийся с демократией, опаснее борьбы фашистских течений против демократии. Демократия без демократов долго процветать не сможет. Внепарламентскую оппозицию, действовавшую с середины 1960-х гг., позже часто, приводя убедительные аргументы, истолковывали как бунт именно против этих «ножниц».

«Спираль молчания» и антисемитизм

Какова ситуация в ФРГ сегодня? Закрылись ли «ножницы» между менталитетом и институционально-демократической структурой? А если говорить об антисемитизме, коснулся ли запрет «кода» также и «фантазмов» и ликвидировал ли их? Разница между коммуникацией и сознанием вовсе не означает, что у них нет ничего общего. Нетрудно предположить, что анти-антисемитское общественное мнение в ФРГ сильно смущало антисемитское «необщественное» сознание. Заметное снижение доли антисемитов среди населения за пятьдесят лет можно объяснить таким давлением. Перед нами, судя по всему, примерное эмпирическое подтверждение теории «спирали молчания», разработанной Ноэль-Нойман²⁷. Согласно ей, побуждающее к приспособлению давление на индивидуальные мнения и взгляды тем сильнее, чем больше акторов, определяющих общественную коммуникацию, занимает по какой-либо теме одинаковую позицию, увеличивая тем самым число лиц, которые поневоле с этой позицией сталкиваются.

Дело как будто ясное: нет сомнений в том, что коллективный запрет антисемитского «кода» относится к предметам консенсуса, который лежит в основе политического строя и политической культуры ФРГ. Постепенно его влияние проникло также в сферу «необщественных» мнений и «фантазмов». Предположительно доля крайних антисемитов, убывая, не остановится на 13 %, а с ничтожной горсткой неисправимых, которые все-таки останутся, жить можно и нужно. Это неприятная, но неизбежная «обычная патология западных индустриальных обществ»²⁸. Пока существует консенсус по поводу запрета антисемитского «кода», опасности от них никакой.

²⁷ Noelle-Neumann E. Die Schweigespirale. Öffentliche Meinung – unsere soziale Haut. München; Zürich, 1980.

²⁸ Scheuch E. K., Klingemann D. Theorie des Rechtsradikalismus in westlichen Industriegesellschaften // Hamburger Jahrbuch für Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik. Tübingen, 1967. S. 15.

Это звучит убедительно, но на самом деле довольно сомнительно и спорно. Влияние коммуникационного табу на антисемитизм не так однозначно, как здесь изображено, и как кажется в свете теории «спирали молчания». Изошренные эмпирические исследования показали, что, например, гипотеза о дальнейшем непрерывном убывании антисемитизма, скорее, выдает желаемое за действительное. Значительная часть населения научилась вырабатывать у себя иммунитет к давлению, исходящему от общественной коммуникации. Люди чувствуют общую атмосферу осуждения антисемитизма, но не стремятся приноровить к ней собственную позицию. Еврейскую тему они считают «неприятной», по возможности обходят ее на публике, скрывают свое истинное мнение и остаются при своих антисемитских «фантазмах»²⁹.

Это ведет к следующему вопросу: не имеем ли мы дело (когда речь идет об антисемитизме) в ФРГ главным образом с манипуляцией общественным мнением, которая, так же как в социалистических странах, на поверхности обеспечивает спокойствие, но по-настоящему глубокого воздействия не оказывает? Возможно, молчаливое большинство лишь внешне приспособилось к господствующей тенденции и без присмотра общественности и государства прежний антисемитизм тут же снова выйдет наружу. Если антисемитизм был «кодом», которому немцы до 1945 г. с готовностью подчинялись и перестали подчиняться, когда он стал неудобен, то и анти-антисемитизм ФРГ может оказаться «кодом», который при соответствующих обстоятельствах отбросят как ненужный и заменят на другой.

Подобные оговорки и скептические вопросы нашли многократное подкрепление в данных вдохновленной психоанализом политической психологии. Здесь назван целый арсенал средств защиты от требований изменения взглядов и сознания. Можно действительно предположить, что многие немцы, поддерживавшие и терпевшие нацизм, идентифицировались с ним в такой степени, что после 1945 г. долгое время не поддавались радикальному изменению взглядов, избегая его с помощью хорошо известных защитных механизмов: избирательного восприятия, искаженной памяти, отрицания, регрессии, смещения и т. п.

²⁹ См.: Bergmann W., Erb R. «Mir ist das Thema Juden irgendwie unangenehm». Kommunikationslatenz und die Wahrnehmung des Meinungsklimas im Fall des Antisemitismus // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1991. Jg. 43.

Исследование средств массовой информации с точки зрения влияния общественной коммуникации на взгляды реципиентов дает в своей области схожие результаты³⁰. Они сводятся к гипотезе, что сближение медийного мнения и собственной позиции вероятнее всего в том случае, когда расстояние между ними изначально не слишком велико. При чрезвычайном диссонансе позиция реципиента, напротив, ужесточается. Применительно к антисемитизму это означает, что, каким бы солидарным и единогласным ни было общественное мнение, с истинными антисемитами оно ничего не сделает. Есть целый ряд простых приемов, помогающих человеку сохранить свои убеждения вопреки диссонирующей с ними медийной информации. Он может, к примеру, не придавать значения отдельным СМИ, полагая, что они вражеские или руководствуются подозрительными, вероятнее всего, еврейскими, интересами. Он может также проективно воспринимать свое мнение как мнение большинства, в публичной сфере умышленно подавляемое меньшинством журналистов и политиков³¹. Среди крайних антисемитов только 10 % признают, что в ФРГ очень немногие настроены против евреев. Остальные думают, что на самом деле подавляющее большинство придерживается антисемитских взглядов, но под давлением общественного мнения не осмеливается это показывать. Короче говоря, крайние антисемиты считают анти-антисемитизм пропагандой и не верят ей. Коммуникационный запрет на антисемитизм в их глазах не свидетельствует об их собственной изоляции и нежелательности, а наоборот, доказывает, что в действительности их антисемитские убеждения представляют собой мнение большинства.

Таким образом, когда речь идет об антисемитизме в ФРГ, происходит своеобразная конвергенция восприятия между лагерями, совершенно расходящимися во мнениях по другим вопросам. Те, кто боится возрождения антисемитизма, верят в якобы совершившееся изменение менталитета не больше, чем те, кто надеется на это возрождение. На самом деле и те, кто постоянно рисует ужасы оживающего в ФРГ антисемитизма, и те, кто ждет не дождется, когда он оживет, одинаково убеждены в наличии большого процента латентных антисемитов.

³⁰ См.: Bergmann W. Antisemitismus in öffentlichen Konflikten. Kollektives Lernen in der politischen Kultur in der Bundesrepublik 1949–1989. Frankfurt a M.; New York, 1997. S. 35 ff.

³¹ Об этом и нижеследующем см.: Bergmann W., Erb R. Antisemitismus in der Bundesrepublik Deutschland.

Коммуникационное табу и антисемитизм

В общественной коммуникации, насколько можно судить, антисемитизм в ФРГ изъят из употребления. Гораздо труднее установить, в какой мере этим способом удалось затронуть антисемитизм как «необщественное» мнение, как «фантазм». Повод для обоснованных сомнений в действенности осуждения антисемитизма на уровне индивидуальных настроений дает именно тот факт, что преодоление антисемитизма после 1945 г. не опиралось на индивидуальное сознание, а осуществлялось путем политических предписаний на уровне общественной коммуникации. Анти-антисемитизм прибыл в Германию в багаже победителей вследствие ее военного поражения и поначалу не являлся результатом собственного познания и «процесса обучения». Поэтому есть подозрение, что антисемитизм был отвергнут не благодаря пониманию его ложной и бредовой сущности, а потому что батальоны, сражавшиеся на его стороне, оказались слабее.

При таком положении вещей естественно, что постоянно высказываются соответствующим образом обоснованные сомнения в демократичности культуры и менталитета ФРГ, и тут уж ничего не поделаешь. Ведь преодоление антисемитизма действительно состоялось благодаря вмешательству в общественное и обнародованное мнение, этот консенсус вначале был навязан извне. Вынужденная смена убеждений всегда вызывает меньше доверия, чем добровольная. Насаждение анти-антисемитизма в приказном порядке ограничивает его достоверность. Сам факт, что антисемитизм устранили из общественной коммуникации, так сказать, официально, предоставляет аргументы тем, кто не желает расставаться со своими антисемитскими «фантазмами». И есть достаточно поводов усомниться в глубине изменения индивидуальных взглядов. Такова неизбежная дилемма политики в области менталитета: благодаря ей желаемое изменение мнения предстает результатом приспособления к внешнему давлению, которое заставляет склоняться перед собой, не убеждая по-настоящему.

Суждение Гольдхагена о ФРГ верно в том отношении, что на антисемитизме в республике лежит коммуникационное табу и его нарушение неизбежно приводит в «офсайд». Но оно ошибочно, если говорить о мире «необщественных» мнений и «полуобщественных» разговоров в пивных. Там процветают «фантазмы» и буйно разрастаются старые антиеврейские клише. И этот мир существует не отдельно от общественного коммуникационного табу – он одновременно представляет собой реакцию на него и использует его в своих целях.

В своих высказываниях о ФРГ Гольдхаген пренебрегает значением индивидуального сознания и царящих среди части населения «фантазмов». Рассуждая о том, каким образом обычные немцы превратились в добровольных подручных виновников геноцида, он, наоборот, недооценивает тот факт, что после 1933 г. антисемитизм был возведен в ранг государственной доктрины и с тех пор господствовал в общественной коммуникации. В ответ на письма, полученные им после выхода его книги, Гольдхаген пишет: «Подобающее объяснение Холокоста поможет также объяснить, почему ФРГ и сегодняшние немцы в корне отличаются от своих предшественников более пятидесяти лет назад»³². Это, безусловно, правильно. Но объяснить обе трансформации – обычных немцев в убийц и «добровольных подручных» в демократов – получится лишь в том случае, если учитывать как расхождение, так и взаимодействие между сознанием, коммуникацией и поведением.

³² Goldhagen D. Briefe an Goldhagen. Eingeleitet und beantwortet von Daniel Jonah Goldhagen. Berlin, 1997. S. 246 f.

6. БЕРЛИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА, ИЛИ БУДУЩЕЕ НАЦИСТСКОГО ПРОШЛОГО

В этой книге выдвигается тезис, что преодоление прошлого в ФРГ в 1990-е гг. вступило в новую фазу, и координаты в отношении к нацистскому прошлому сместились. В предыдущих главах я попробовал показать это на примере ряда событий и дебатов. В настоящей главе я пытаюсь обобщить свои наблюдения в области коммуникации и утверждаю, что с начала 1990-х гг. отношение к нацистскому прошлому является проблемой коммуникации, а не принятия решений. Нельзя сказать, что желание вспоминать о нацизме и Холокосте уменьшается, наоборот – память о них, как и прежде, претендует на центральное место в политической культуре ФРГ. Идут небывалые по интенсивности дискуссии о нацистском прошлом, данная тема пользуется большим вниманием общественности. Но это не противоречит моему тезису, а доказывает его. Нацистское прошлое стало главной темой коммуникации в той же мере, в какой утратило значение в сфере материальных политических решений. Такое развитие событий имеет свои последствия и для политических решений, и для политической коммуникации. В этой главе они рассматриваются подробнее.

Два прошлых

Вместе с крахом ГДР, казалось в начале 1990-х гг., была подведена жирная черта под нацистским прошлым в Германии. Все ожидали, что теперь ГДР и ее наследие приобретут то значение, какое имело нацистское прошлое в прежней ФРГ. По меньшей мере прошлое ГДР будет конкурировать с нацистским прошлым и его ролью в самоидентификации федеративной республики. Прежняя ФРГ имела только *одно* прошлое. Новой придется разбираться с *двумя*.

В зависимости от политических убеждений одни приветствовали такую перспективу, другие оплакивали. Тот, на чей взгляд процедура преодоления нацистского прошлого всегда заходила слишком далеко, радовался ее предстоящему прекращению. У того, кто видел в дискуссии с нацистским прошлым лишь цепь неблагоприятных поступков,

полумер и сомнительных компромиссов, мысль, что новая ФРГ, по всей видимости, собирается выйти из тени этого прошлого и найти свое место под солнцем мировой политики, вызвала ужас.

Опасения и надежды не были высосаны из пальца. Не подлежало сомнению, что новая федеративная республика должна и будет строить новые взаимоотношения с прошлым. В конце концов, в самоидентификации обоих немецких государств отношение к нацистскому прошлому 45 лет играло выдающуюся роль. Каждое из них претендовало на то, что извлекло из прошлого правильные уроки, правда, совершенно по-разному. В ГДР нацизм объявили продуктом капитализма. Поскольку построение социализма покончило с капитализмом, опасность дальнейшего влияния и, тем более, возвращения нацистского прошлого там считали раз и навсегда устраненной. В ФРГ после многих конфликтов и сопротивления полемику с нацистским прошлым признали нормальной составной частью политической культуры и тем самым, так сказать, интернализировали.

Отношение к нацистскому прошлому в каждой из двух Германий скрещивалось с отношением к настоящему соседки. Вскоре после их образования вопрос преодоления прошлого стал главным пропагандистским оружием в «холодной войне» между ГДР и ФРГ. ГДР утверждала, что в ФРГ элиты времен нацистского режима по-прежнему в почете и на высоких постах, тогда как она сама от них решительно избавилась. В ее глазах ФРГ представляла собой оплот реакционеров и старых нацистов. С точки зрения ФРГ, ГДР являлась «красным» вариантом тоталитарного государства, которого Западная Германия с успехом избежала. Таким образом, каждой из них резкое противопоставление себя другой Германии служило наилучшим доказательством того, что сама она извлекла из нацистского прошлого правильные уроки. С отношением к другому немецкому государству связывалось и отношение к собственной внутренней оппозиции. Последняя отвергалась и делегитимировалась как выражение солидарности с противоположным лагерем в «холодной войне», т. е. измена.

С начала 1960-х гг. доселе постоянная линия фронта пришла в движение. Возникшая внепарламентская оппозиция (ВПО) не позволяла нейтрализовать критический взгляд на нацистское прошлое и его последующее влияние в ФРГ ссылаясь на красных диктаторов Восточного Берлина. Она была врага его же оружием, видя в западногерманском антикоммунизме не доказательство удачного дистанцирования от нацистского прошлого, а попытку отвлечь внимание от коренного изъяна в демократической сущности ФРГ, заставить забыть, что та совершенно недостаточно и неискренне разобралась со

своим нацистским прошлым и в ее кадрах, функциональных элитах, политике, науке, юстиции обнаруживается пугающая преемственность с режимом нацистов.

ГДР энергично поддерживала стремление ВПО пригвоздить ФРГ к позорному столбу за неудовлетворительное преодоление прошлого. Разумеется, ГДР преследовала свои цели, не обязательно связанные с демократизацией ФРГ. Но, вместе с тем, документы о деятельности высокопоставленных лиц ФРГ во властном аппарате нацистского режима нельзя априори считать фальшивыми только из-за их восточногерманского происхождения, хотя мы знаем, что грубыми фальшивками ГДР тоже не брезговала. С другой стороны, яркий свет на тогдашнюю политическую обстановку в ФРГ проливает тот факт, что она долго отклоняла предложения стран Восточной Европы о сотрудничестве в преследовании нацистских преступников.

ГДР поступила довольно просто: переqualифицировав фашизм в системную проблему капитализма, объявила, что заниматься его возможными отголосками в политической жизни собственной системы ей нет нужды. Антифашизм такого рода, хоть и шитый белыми нитками, имел огромный интегративный эффект. Он привлек на сторону СЕПГ почти всех интеллектуалов и до самого конца с успехом парализовал критику руководства и политического курса партии. В этом, среди прочего, заключается причина отсутствия среди интеллектуальной элиты ГДР сколько-нибудь заметной оппозиции даже в 1989 г.

Как ни крути, при подобной предыстории объединение ФРГ и ГДР неизбежно должно было затронуть отношения с нацистским прошлым. Но дискуссия пошла совсем не так, как ожидалось. Правда, в начале 1990-х гг. прошлое ГДР, казалось, действительно затмило все остальное – особенно деятельность штази долгое время находилась в центре общественного и политического внимания. Но, если взглянуть на девяностые годы в целом, станет ясно, что прошлое ГДР так и не смогло опередить нацистское прошлое в общественных дебатах. Напротив, столько полемики с нацистским прошлым, как в этот период, не было никогда прежде. Споры о берлинском памятнике, вал мероприятий в честь 50-летней годовщины окончания войны в 1995 г., дебаты по поводу книги Гольдхагена, выставки, посвященной вермахту, резонанс, вызванный дневниками Клемперера и дебатами Вальзера и Бубиса, – тому свидетельство. XX век закончился неожиданно оживленными дискуссиями о значении нацистского прошлого для современности.

Этот факт не связан с крахом социализма и сопутствовавшим ему открытием восточноевропейских и советских архивов. Конечно, те-

перь появилась возможность точнее и подробнее исследовать на основе новых источников ряд событий, прежде всего уничтожение евреев, например в Галиции¹. Но, к примеру, книга Гольдхагена и выставка, посвященная вермахту, опирались, как и прежде, на давно доступные источники и материалы центрального ведомства земельных управлений юстиции. Важнее доступа к новым материалам и источникам то, что были поставлены новые вопросы, изменился угол зрения историков и заинтересованной публики. В 1990-е гг. на первый план вышел интерес к исполнителям, планированию и осуществлению Холокоста, что всколыхнуло немало эмоций. Однако интенсивность дебатов 1990-х гг. о нацистском прошлом объясняется не этим. Объяснение следует начинать с несколько более широкой систематической и исторической перспективы.

Способы преодоления прошлого

Чем отличается преодоление прошлого в 1990-е гг. от соответствующих усилий в прежние десятилетия? Чтобы ответить на этот вопрос, кратко систематизирую преодоление прошлого по пунктам. По сути, оно включает пять задач: 1) запрет скомпрометированных организаций; 2) наказание преступников; 3) дисквалификация скомпрометированных лиц; 4) реабилитация жертв и компенсация им ущерба; 5) общественная «обработка» прошлого². Если попробовать обобщить в рамках этой классификации то, что происходило в ФРГ в течение 45 лет в области преодоления прошлого, получится следующая картина.

Запрет скомпрометированных организаций нацистского режима, естественно, был одной из первых мер, к которым прибегли союзники после войны. Затем в политическом арсенале ФРГ появилась возможность запрещать организации – преемницы НСДАП. Самым громким делом, в котором она нашла применение, стал запрет Федеральным конституционным судом Социалистической имперской партии в конце 1952 г.

Что касается *наказания преступников*, то здесь львиную долю взяли на себя союзники на Нюрнбергских процессах. Когда уголовное преследование нацистских преступлений перешло в компетенцию

¹ См., напр.: Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien 1941–1944. Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. München, 1996.

² Подробнее о систематизации см. следующую главу.

немецких органов юстиции, процессы поначалу почти полностью прекратились. В 1960-е гг., напротив, слушался ряд громких дел против нацистских преступников. Сегодня они уже не играют никакой роли: большинство преступников мертвы, а те, кто еще жив, чаще всего не способны участвовать в судебном разбирательстве.

Уголовное преследование нацистских преступлений поднимает массу юридических проблем, и процессы, которые – достаточно поздно – все-таки состоялись, были отмечены множеством неприятностей и постыдных результатов. Здесь нет возможности останавливаться на этом подробнее. Вспомним, однако, что с 1965 по 1979 г. бундестаг трижды занимался вопросом давности преследования убийства и геноцида и, продлив, а в конечном счете отменив сроки давности по этим преступлениям, в последний момент создал-таки на будущее предпосылки для привлечения к уголовной ответственности за убийства, совершенные нацистами. В 1960 г. парламент еще не считал нужным продлить истекший тогда срок давности по убийству. Дебаты по данному вопросу проходили через день после сообщения об аресте Эйхмана, и оппозиция от СДПГ указывала на это событие, протестуя против окончания срока давности, но успеха не добила.

При *дисквалификации скомпрометированных лиц* речь идет о том, чтобы политическими методами очистить общественную жизнь постдиктаторских обществ от сторонников и представителей старого режима. Средствами для этого служат увольнение, временное отстранение от должности, лишение гражданских прав. Союзники в рамках денацификации после 1945 г. широко ими пользовались. ФРГ, напротив, вместо того чтобы продолжать подобную практику, упразднила ее. Одной из первых законодательных инициатив правительства Аденауэра в сентябре 1949 г. была амнистия. Обосновывая свой замысел, канцлер заявил кабинету: «Позади у нас такие сложные времена, что рекомендуется все начать с чистого листа»³. Лишь в исключительных случаях скомпрометированных лиц на некоторое время отстраняли от работы. В академическом мире, к примеру, это произошло с Карлом Шмиттом, который после войны уже не вернулся на свою кафедру. Однако большинство чиновников в соответствии с так называемым 131-м положением снова получили прежние должности. Сознательный отказ от инструмента дисквалификации и обусловленная им кадровая преемственность функциональных элит превратились в постоянный источник конфликтов и скандалов в истории

³ Цит. по: Frei N. *Vergangenheitspolitik. Die Anfänge der Bundesrepublik und die NS-Vergangenheit*. München, 1996. S. 31.

ФРГ. Правда, станет ли восстановление целых профессиональных групп на старом месте (например, в министерстве иностранных дел) «делом», скандалом, зависело от чувствительности немецкой ответственности, которая в разные исторические моменты оказывалась весьма неодинаковой⁴.

Реабилитация и компенсация ущерба жертвам в основном означает материальную помощь, но, вместе с тем, и символическую демонстрацию общественного признания и уважения, например путем отмены несправедливых приговоров. Вопросу материальной помощи посвящался федеральный закон о компенсации, принятый в первой редакции в 1953 г. и предусматривавший «возмещение» жертвам расовых, религиозных и политических преследований ущерба, причиненного их жизни, здоровью, свободе и профессиональной карьере. В недавнее время на повестку дня встал и был окончательно урегулирован вопрос о компенсации миллионам иностранных рабочих, которые во время войны принудительно использовались в германской промышленности, сельском хозяйстве, церквях и государственных учреждениях.

Для упомянутых выше четырех способов преодоления прошлого характерны две общие черты. Во-первых, их применение ограничено временной дистанцией, достаточно близкой к низвергнутому режиму, т. е. соответствующие меры имеют смысл лишь при жизни жертв и преступников. Во-вторых, речь идет о действиях, проистекающих из решений политической системы. Они опираются на коллективно обязывающие решения, прямо затрагивающие историю жизни преступников и жертв. В этом смысле их по праву можно назвать *политикой* касательно прошлого.

К пятой задаче преодоления прошлого – «обработке» прошлого – эти условия не относятся. «Обработка» не обязательно должна происходить при жизни жертв и преступников, она не управляется непосредственно политическими или законодательными методами. Как правило, процессы разъяснения и саморефлексии не предписываются и не поощряются указами. Правда, косвенным образом можно создать политические и административные условия, способствующие «обработке» прошлого и насаждению культуры памяти. Но в основе своей «обработка» прошлого не опирается на коллективно обязывающие решения, а связана с общественной культурой дискуссий. Благодаря ей исследование нацистского прошлого, выяснение его методов, механизмов и способов функционирования становятся эле-

⁴ См.: Kohlstruck M. Der Fall Mehnert // Der Fall Schwerte im Kontext / hg. H. König. Opladen; Wiesbaden, 1998.

ментами дискурса, с помощью которого ФРГ достигает внутреннего соглашения по поводу картины своей истории, планов на настоящее и будущее. «Обработка» может найти выражение в широком развитии культуры памяти с ее монументами, годовщинами, памятными местами, музеями и выставками. Одним словом, в данной области речь идет не о принятии и проведении в жизнь коллективно обязывающих решений, а о процессах свободной общественной коммуникации.

В истории преодоления прошлого политические решения и политическая коммуникация развивались отнюдь не синхронно. В 1950-е гг. нацистское прошлое не являлось темой общественной коммуникации, дисквалификация скомпрометированных лиц не применялась, процессы против нацистов прекратились. Вместе с тем, преодолев сильное сопротивление, появились законы о компенсации. И это некоторым образом свидетельствует, что в основе столь своеобразного политического коктейля в области преодоления прошлого на начальном этапе существования ФРГ лежала сознательная стратегия Аденауэра, который был убежден в несовместимости построения демократии с воспоминаниями о нацистском прошлом⁵. В 1960–1970-е гг. полемика с нацистским прошлым стала предметом политической коммуникации, вызывающим острую борьбу, множество споров и конфликтов. Однако в то время еще не могло быть речи об утвердившейся культуре памяти. Обращение к теме нацистского прошлого рассматривалось как провокация, эту проблему поднимали одиночки – аутсайдеры и интеллектуалы. Никакие учреждения, организации или профессиональные объединения не подхватили их инициативу и не развили ее в форме самокритичного анализа собственной истории и собственного поведения при национал-социализме. У политической системы и господствующих течений политического общественного мнения полемика с нацистским прошлым по-прежнему не встречала отклика. Тем не менее тогда же начались процессы против нацистских преступников, и бундестаг подготовил для них почву с помощью законов о продлении и отмене срока давности. Активность в этом направлении в политической и судебной системах, так же как в общественной коммуникации, проявляли отдельные лица, а не учреждения. Дело преодоления прошлого в то время продвигали вперед «ангажированные демократы»⁶.

⁵ См.: Herf J. *Zweierlei Erinnerung. Die NS-Vergangenheit im geteilten Deutschland*. Berlin, 1998.

⁶ См.: *Engagierte Demokraten. Vergangenheitspolitik in kritischer Absicht* / hg. C. Fröhlich, M. Kohlstruck. Münster, 1999.

Только начиная с 1980-х гг. нацистское прошлое стало господствующей и общепризнанной центральной темой политической коммуникации. В первую очередь разгорелись широкие дебаты о том, как следует говорить о нацистском прошлом, какие формы коммуникации соотносятся с этим явлением и как найти приемлемый общественный подход к Холокосту. Теперь речь зашла о памяти и политике памяти, об описании неопишуемого ужаса, о поиске рациональных форм выражения и воспоминания. Возникновение этой тенденции можно датировать январем 1979 г., когда показ фильма о Холокосте по немецкому телевидению сделал уничтожение евреев медийным событием первостепенной важности. Все крупные конфликты по поводу нацистского прошлого с тех пор представляют собой конфликты по вопросам стиля, символики, достоверности, роли СМИ и правильной интерпретации. Это относится и к скандалу вокруг пьесы Фассбиндера (1985), и к «спору историков» (1986), и к отставке председателя бундестага Еннингера (1988) из-за речи в 50-ю годовщину «хрустальной ночи». То же самое в еще большей степени характерно для дебатов и полемических баталий 1990-х гг.: полемики о книге Гольдхагена, дебатов Вальзера и Бубиса, дискуссий о дневниках Клемперера, споров о берлинском памятнике. В других подсистемах общества, в области воспитания, в искусстве, кинематографе, науке, даже в экономике интерес к нацистскому прошлому, к вопросам воспоминания и памяти с начала 1980-х гг. также непрерывно возрастал. И здесь речь шла о правильных формах обсуждения, высказывания, воспоминания, оплакивания, сожаления, выражения и о связанных со всем этим аффектах.

Преодоление прошлого в 1990-е годы

Высокая конъюнктура темы нацистского прошлого в общественной коммуникации 1980-х и особенно 1990-х гг. оценивается очень по-разному, научная и публицистическая дискуссия об этом идет полным ходом. Можно выделить четыре позиции.

Во-первых, превращение этой темы в вездесущий лейтмотив политической коммуникации рассматривается как прогресс на пути к единственно верному способу обращения с нацистским прошлым. История преодоления прошлого выглядит в такой интерпретации «процессом обучения» со счастливым исходом. После долгих блужданий и заблуждений правильный подход к нацистскому прошлому в 1990-х гг. наконец-то одержал верх. Теперь главное – защитить это достижение от критиков и ревизионистов. Принцип дальнейшего

развития полемики с нацистским прошлым с данной точки зрения гласит, что надо делать «то же самое, только больше».

Взгляд на историю преодоления прошлого как на прогрессирующий «процесс обучения» преобладает, например, у Дубиеля и Реемтсма. Но и Раульф увидел возможность примириться с преодолением прошлого, с тех пор как оно в 1990-е гг. приобрело «черты утонченной “исторической культуры”»⁷.

Во-вторых, постоянное и повсеместное присутствие темы Холокоста в политической культуре воспринимается с изрядной долей скепсиса. Неудовольствие, критические вопросы имеют различные основания. Одно из проявлений такого скепсиса нашло отражение в выступлении Мартина Вальзера осенью 1998 г. Вальзер протестует против банализации и инструментализации зверских преступлений вследствие раздувания шумихи вокруг них. Высказанную им мысль вряд ли стоит отметить с ходу. Она отнюдь не нова и формулировалась многими еще до Вальзера. За ней стоит недоверчивое удивление, вызванное бойкостью, с какой теперь повсюду толкуют о том, что раньше представлялось невыразимым и неопишуемым. Напрашивается подозрение, что легкое превращение Холокоста в медийное событие в последние двадцать лет – еще одно подобие «известной тишины» (Люббе) первых двадцати лет после его окончания.

В-третьих, некоторые авторы интерпретируют выдающееся значение, которое приобрела общественная дискуссия о мучительном прошлом, как романтическую реакцию нации-государства на процессы глобализации. С их точки зрения, чрезмерные разговоры по поводу настоящей памяти о страданиях и несправедливости прежде всего выполняют функцию контрапункта импульсу социально-экономического ускорения, характерному для последних десятилетий. Именно здесь, по словам Андреаса Хуйссена, кроется причина того, что память и воспоминание, совершенно независимо от полемики с нацистским прошлым, стали во многих странах главными навязчивыми идеями современности. Не только в ФРГ, но и в Южной Африке и России, в Чили, Аргентине и США общественная дискуссия в основном определяется «обработкой» прошлого. В этой наблюдающейся по всему миру практике «мемо-истории» Холокост играет

⁷ См.: Dubiel H. Niemand ist frei von der Geschichte. München; Wien, 1999; Raulff U. Bigband Zeitgeschichte. Die Republik der Historiker: Fünfzig Jahre im alten Sound // FAZ. 1999. 21. Mai; Reemtsma J. P. «Wie hätte ich mich verhalten?» und andere nicht nur deutsche Fragen. München, 2001.

роль универсальной планки для любого дискурса о преступлениях и справедливости⁸.

Иан Бурума сходным образом истолковывает повсеместный взгляд назад, на мучительное прошлое, как попытку заново укорениться в мире, где утрачены все связи, создающие единство, общность. Он видит в нем признак «новой романтической эпохи, которая будет антирациональной, сентиментальной и коммунитаристской»⁹. Точно так же оценивает ситуацию Кора Стефан. Сегодня, когда пришел конец религиозному универсализму церкви, современным религиям социализма и коммунизма, национальному государству и его идентификационным предложениям, незыблемости профессиональной принадлежности и пожизненного единобрачия в частной сфере, только связи по происхождению остались несомненной истиной, на которую можно опереться в ускоряющемся мире. Лишь на фоне семейной истории потомки жертв и преступников чувствуют свою идентичность с ними: «Современные идентификационные повествования противодействуют глобализации. Они отыскивают то, что может связывать людей, все дальше в прошлом. Пока не дойдут до первобытного племени. Только поврежденная историческая память может находить утешение в том, что при этом и немцы отбрасываются далеко на добисмарковский уровень – на уровень кровного родства»¹⁰.

Безусловно, подобные рассуждения должным образом учитывают тот факт, что вопросы памяти и общественная коммуникация по поводу прошлого уже лет десять являются центральной темой во многих странах. Но здесь совершенно упускается из виду, что при полемике с отягощенным грехами прошлым речь идет не о создании и поддержании позитивной исторической картины, а о маркировании разрывов, критической рефлексии и дистанцировании от истории преступлений, несправедливости и горя. В ФРГ произошла как раз денационализация памяти. Вспоминают не собственных мертвых, а погибших с другой стороны, к чьей смерти сами же приложили руку.

Четвертая позиция привлекает внимание именно к этому аспекту. Общественная полемика с нацистским прошлым и Холокостом возводится в ранг базисного процесса, из которого ФРГ черпает или должна черпать свою легитимность и идентичность.

⁸ См. сообщение о конференции в Принстонском университете: Tagesspiegel. 1999. 20. Apr.

⁹ Buruma I. Olympiade des Leidens. Globalisierung der Vergangenheitspolitik // FAZ. 1999. 6. Jan.

¹⁰ Stephan C. Schuldstolz // Merkur. 1999. Jg. 53. H. 5. S. 466.

Подобное представление четко сформулировал министр иностранных дел Фишер. «У всех демократий есть базис, почва. У Франции это 1789 год. У США – провозглашение независимости. У Испании – гражданская война. А у Германии – Освенцим. Это может быть только Освенцим. Память об Освенциме, “Больше – никакого Освенцима”, на мой взгляд – единственный возможный фундамент новой Берлинской республики», – цитирует его слова Бернар-Анри Леви¹¹.

Примерно такие же доводы приводит Хельмут Дубиель, характеризуя преступления нацистского режима как «базисные» для ФРГ. Бернхард Гизен видит в размежевании ФРГ с нацистским прошлым ярчайший пример создания коллективной идентичности с помощью постнациональных форм памяти. Юрген Хабермас также воспользовался этими определениями и обнаружил в общественном внимании к теме Освенцима модель общего тренда, который проявляется везде, где в представление о себе включаются негативные оборотные стороны собственной истории, например в Испании, Южной Африке, США, Франции, Италии, Голландии, даже в Швейцарии и Швеции. Наконец, Рюдигер Бубнер называет нацистские преступления «негативным мифом», обеспечивающим правовому государству в ФРГ стабильность и длительность¹².

Освенцим – «базисное преступление»?

Среди четырех обозначенных здесь позиций последняя, несомненно, самая амбициозная. Насколько она приемлема и убедительна? Крупным недостатком демократии в Германии часто считают отсутствие объединяющих и основополагающих легенд. Демократы в немецкой истории не могли легитимировать свое дело ссылкой на героические базисные события. Это относится как к Веймарской эпохе, так и к ФРГ. В обоих случаях демократия поначалу представляла собой расплату за военное поражение. Обычно считается, что единство общества в Германии с конца XVIII в. достигалось благодаря не демократической, а национальной памяти. Для национальной памяти характерно стремление канонизировать идеализированные представления и исторические картины, избегая какого-либо критичес-

¹¹ Lévy B.-H. Ein paar Versuche, in Deutschland spazierenzugehen // FAZ. 1999. 17., 18. Februar.

¹² См.: Dubiel H. Niemand ist frei von der Geschichte. S. 180; Giesen B. Kollektive Identität. Frankfurt a. M., 1999. S. 67 f.; Habermas J. Der Zeigefinger. Die Deutschen und ihr Denkmal // Die Zeit. 1999. 31. März; Bubner R. Drei Studien zur politischen Philosophie. Heidelberg, 1999. S. 40.

кого анализа. Те, кто задает вопросы, получают клеймо аутсайдеров. Национальное объединение всегда сопровождается обособлением и притеснением меньшинств. И даже те, кто принадлежит к национальному сообществу, сталкиваются с требованиями разнообразных символических и реальных жертв.

В этом контексте превращение нацистского прошлого в главную тему политической коммуникации означает, что ФРГ отказалась от объединения по национальному принципу и предпочитает объединение, которое носит подлинно демократическую окраску. Во всяком случае, так считают сторонники четвертой позиции. История преодоления прошлого, с их точки зрения, представляет собой историю преодоления господства национальной памяти. В их понимании признание вины за нацистское прошлое не парализует, не ослабляет и не способствует уязвимости, а, наоборот, освобождает. Оно наглядно свидетельствует о дистанцировании от национальной памяти. Для последней неприятие национального триумфализма, общественная коммуникация и рефлексия на тему собственной вины и собственной несправедливости – вещь немыслимая.

Безусловно, открытая полемика с нацистским прошлым – хороший показатель состояния демократического сознания в ФРГ, и наоборот: табу на тему нацистского прошлого соответствует недемократическим формам менталитета. Эта мысль теоретически убедительна и эмпирически подтверждается историей ФРГ¹³. Но идея возвести злодеяния нацистского режима в ранг «базисных преступлений» и сделать их «негативным мифом» ФРГ все-таки представляется изрядной крайностью. В такой крайней форме она вызывает ряд обособленных возражений и сомнений. Кратко сформулирую два из них.

Во-первых, таким образом ужасы Освенцима используются для легитимации ФРГ и приобретают функциональный характер. Совершается весьма проблематичный акт инструментализации и «присвоения» задним числом.

Поясняя это возражение, нужно проводить различие между двумя видами памяти. Одна из целей памяти – не допустить повторения, нового варианта страшного прошлого. В момент, когда национал-социализм перестает быть частью современной истории, превращаясь просто в историю, данный аспект получает особое значение. На передний план выходит проблема передачи знаний и опыта следующему поколению и вместе с ней – дидактико-педагогический вопрос о способах передачи. Память в таком случае служит живым, и неизбежно возникает

¹³ См. выше, часть I.

необходимость передавать и педагогически оформлять ее содержание в соответствии с приемами современного искусства изложения.

Это касается всей «индустрии памяти», работающей в педагогических целях. Мертвых, о которых идет речь, вопрос о том, все ли правильно «доходит» до потребителей современного медийного мира, еще раз обрекает на исчезновение.

Другое дело – память-воспоминание, которая служит не живым, а мертвым. Память – единственное, что мы можем подарить убитым, сказал как-то Адорно. В том же смысле Вальтер Беньямин формулирует обязанность помнить в своих «Тезисах о понятии истории»: мертвые имеют право на мессианскую силу живущего поколения, как бы слаба она ни была¹⁴. Подоплека этого мотива носит религиозный характер. В «Божественной комедии» Данте души, находящиеся в чистилище, имеют шанс на спасение лишь в том случае, если о них не забывают живые.

Понимая в этом смысле память как «памятование», попытки сделать память об Освенциме базисом демократии в ФРГ можно назвать лишь кощунством и изменой убитым. Реинтерпретация нацистских преступлений как «базисных» для федеративной республики требует слишком много диалектики. Реальные действия или намерения, ни со стороны преступников, ни со стороны убитых, никаких оснований для нее не дают. В результате отношение к Освенциму приобретает черты самоутверждения с помощью заклинаний. Освенцим мифологизируется и сакрализуется.

Второе возражение опирается на рассуждения, которые я уже приводил выше в другой связи. Говоря о политической ценности, сомнительно, чтобы возведение нацистского прошлого в ранг негативного мифа помогало четкой ориентации политики ФРГ. Хотя ученые сегодня узнают о нем все больше, а поколения, родившиеся позже, спорят все горячее, прямых и однозначных политических последствий это не имеет. Легко договориться насчет «больше – никакого Освенцима», может быть, также установить «цивилизационный минимум», но сверх того более конкретные выводы сделать трудно. Ссылаться на Освенцим могут как пацифисты, так и воинствующие «ястребы». Отношение к Освенциму – шифр многоцелевого использования, которым подкрепляются политические аргументы самого разного рода.

¹⁴ Benjamin W. Thesen über den Begriff der Geschichte // Gesammelte Schriften. Frankfurt a. M., 1974. Bd. I. 2. S. 694.

Некоторые громкие события демонстрируют ту же неоднозначность в ответе на вопрос, какой урок нацистская эпоха дает современности. Например, когда Федеральный конституционный суд в 1975 г. принимал решение по поводу изгнания, и сенатское большинство, и сторонники другого мнения, защищая свою позицию, притязали на то, что именно они извлекли правильные уроки из нацистского прошлого. То есть и здесь с указанием на нацистское прошлое были связаны совершенно разные, даже прямо противоположные выводы.

Принятие решений или коммуникация

Причины перемещения нацистского прошлого в центр немецкой памяти заключаются в другом. В своей оценке я опираюсь на наблюдение, что значение темы нацистского прошлого в общественной коммуникации ФРГ становилось тем больше, чем сильнее уменьшалась необходимость политических решений по поводу обращения с наследием нацистского режима. По мере того как нацистское прошлое превращалось в главную тему политической коммуникации, отпадала нужда регулировать взаимоотношения с персональным и политическим наследием нацистского режима путем политических решений. Единственное исключение в 1990-е гг. составила компенсация лицам, которые были угнаны на принудительные работы в Германию. Если сегодня и принимаются коллективно обязывающие решения в русле политики относительно прошлого, вызывающие общественный интерес, речь идет о попытках регулировать политическую коммуникацию по поводу прошлого. В законодательном порядке устанавливаются речевые правила, формы памяти и воспоминания. Так, например, в апреле 1985 г. бундестаг после ожесточенной борьбы фракций принял закон насчет лжи об Освенциме, который внес изменение в § 195 уголовного кодекса и сделал отрицание геноцида преступлением публичного преследования. Летом 1999 г. бундестаг принял решение о сооружении памятника убитым европейским евреям. Вместе с тем с точки зрения теории демократии и правового государства эти решения чрезвычайно сомнительны. Против них можно с полным основанием выставить довод, что политическая коммуникация – дело общества (гражданского) и законодатель превышает свои полномочия, вмешиваясь в формы речи и коммуникации путем приказов и запретов.

Наблюдение об асимметрии между коммуникацией и принятием решений можно обобщить следующим образом: свободная общественная коммуникация о компрометирующем прошлом начинается, когда перестают приниматься решения в области политики относительно прошлого. Это происходит при двух условиях. Либо после этого прошлого

истекает необходимый отрезок времени, чтобы любое материальное решение, непосредственно затрагивающее жизнь преступников и жертв, стало невозможным и ненужным, – как в основном и случилось в ФРГ с начала 1980-х гг. Либо законодатель объявляет, что с самого начала отказывается от уголовного преследования и дисквалификации.

Осознание взаимоисключающего характера общественной коммуникации и принятия решений лежит в основе стратегий преодоления прошлого, которые избрали некоторые страны Южной Америки и Южная Африка, создавая комиссии по выяснению истины. Поскольку коммуникация и уголовное преследование одновременно невозможны, там предложили своеобразную сделку, поставив условием отказа от судебного преследования официальную публичную коммуникацию о преступлениях. Рационален ли такой путь и как, например, следует оценивать деятельность южноафриканской комиссии по выяснению истины и примирению – вопрос другой.

Возможно, как раз из-за антагонизма политики относительно прошлого и коммуникации прошлое ГДР не стало в ФРГ предметом настоящих общественных дебатов. Поскольку в объединительном договоре интенсивно применялся инструмент дисквалификации и предусматривалось уголовное наказание так называемой государственной преступности, тем самым было решено, что широкой публичной дискуссии о ГДР пока не будет. Если существует угроза уголовно-правовых последствий или профессиональной дисквалификации, в публичном дискурсе, естественно, доминируют позиции обвинения и самозащиты вместо ориентации на истину, просвещение и взаимопонимание.

Отсюда вытекает и объяснение обсуждавшейся выше девальвации нацистского прошлого и особенно Холокоста до абстрактного, внеисторичного шифра для обозначения мирового зла. Дискуссия о современном значении нацистского прошлого разделяет судьбу многих других общественных дебатов: ее связь с институтами политической системы, выносящими коллективно обязывающие решения, и с процессами формирования мнений и воли однозначно не определена. Было бы чрезмерной натяжкой выводить из негативного отношения к нацистскому прошлому какие-то конкретные императивы для организации экономики или структуры управленческой системы. Общественные подсистемы повинуются собственной логике и имеют собственные процедуры. Политическая коммуникация, в которой доминирует тема нацистского прошлого, происходит в более или менее отдельной от них сфере. Сам Хабермас, кстати, пишет, что по замкнутости на себе сфера политического общественного мнения вряд ли уступает другим общественным подсистемам. Он говорит о «странной самоотносимости коммуникационной практики гражданского

общества» и о ее перформативном смысле¹⁵. Это значит, что общественные дебаты не указывают на действия, не предвещают действий и решений, а сами по себе уже являются действиями. Таким образом, в общественной коммуникации речь идет не о влиянии на основную сферу политической системы, а о стабилизации и расширении самой общественной коммуникации и об удостоверении собственной рефлексивности и идентичности.

Однако процессы коллективного соглашения с собой в сфере политического общественного мнения не стоит недооценивать, даже если из них нельзя сделать однозначных политических выводов, тем более когда дело касается вопросов преодоления прошлого. В конце концов, общественное признание несправедливости, причиненной жертвам, – одна из предпосылок того, что к ним хотя бы отчасти вернется доверие к миру, которого преступники их лишили своими преступлениями. Для воспитания преступников и их потомков и возвращения им нравственных стандартов также необходимо этико-политическое соглашение с собой по поводу прошлого. Оно обозначает пространство, в пределах которого общество договаривается о том, что позволительно в демократической цивилизации, а что нет.

Однако помимо установленного таким образом «цивилизационного минимума» все вопросы, связанные с поиском ответов на конкретные политические конфликты, остаются открытыми. И это тем вернее, чем больше временная дистанция от нацистского прошлого. Сегодня на основную сферу политической системы с ее формализованными процессами принятия и осуществления решений вряд ли могут произвести впечатление внешние мнения насчет негативного отношения к нацистскому прошлому.

Если не ошибаюсь, именно это будет характерным признаком преодоления прошлого в XXI в. При канцлере Шрёдере его контуры уже наметились. Оживленные дебаты о значении нацистского прошлого для современности и о том, как его следует помнить, продолжатся. Но они будут иметь все меньше политического значения. Какие черты могут приобрести общественные дебаты при отсутствии политических последствий, показал долгий спор о памятнике. Первопричина множества подтасовок, недоразумений и жестоких упреков с обеих сторон, которыми ознаменовалась эта дискуссия, вероятно, не в последнюю очередь заключалась в том, что ее участники в глубине души знали о «самоотносимости» своих дебатов и старались заставить забыть о ней с помощью повышенного ожесточения. Механизм извест-

¹⁵ См.: Habermas J. Faktizität und Geltung. Frankfurt a. M., 1992. S. 447.

ный: чем сильнее дискуссии замкнуты на себе, чем более «самоотносимыми» становятся дебаты, тем они жарче.

Канцлер Шрёдер в первый же год после вступления в должность достаточно ясно дал понять, как он представляет себе обращение с историческим наследием ФРГ. Попытки добиться подобающего стиля в разговорах о национал-социализме, корректного употребления слов и выражений занимали его недолго. Он и в будущем спокойно предоставит этот труд другим, например президенту Йоханнесу Рау. Высказывания Шрёдера свидетельствуют, что он невысокого мнения о дебатах 1990-х гг. по поводу нацистского прошлого. Собственно, и строительство берлинского памятника не кажется ему нужным. По сути, данный вопрос ему неинтересен и скучен. Но он остерегается говорить об этом слишком громко. Оглядываясь на границу и чувствительную ответственность ФРГ, он уступил защитникам идеи памятника, смирился с неизбежным и дал добро¹⁶. Однако из этого ничего не следует в тех сферах, к которым он относится серьезно, например во внешней и европейской политике. Уже в своей речи на предвыборном съезде СДПГ в Лейпциге в апреле 1998 г. Шрёдер говорил, что Германия должна стать «сильной» и «уверенной в себе», что она не «казначей Европы», что европейская валюта не может быть «ценой за нашу историю», а евро – служить для «преодоления нашего прошлого»¹⁷.

С помощью двойной стратегии – покорной уступчивости, когда дело касается деликатной темы нацистского прошлого, и совершенно независимого от нее преследования политических целей и интересов – Шрёдер старается избежать «немецкой дилеммы». Таков его ответ на то, что прошлое не дает ФРГ незапятнанной выйти на сцену мировой политики, в то время как структурное полномочие вынуждает ее к этому¹⁸.

Было бы очень недальновидно объяснять такую стратегию бессилием, недостаточным историческим чутьем и особой враждебностью первого канцлера Берлинской республики. За ней скрывается нечто большее: истощение политической движущей и ориентирующей силы, которую ФРГ до конца 1980-х гг. черпала в стремлении к преодолению нацистского прошлого и в конфронтации с Востоком. Размежевание с внешними врагами и преступным режимом прошлого уже не работает. Берлинской республике нужно искать другую основу.

¹⁶ См. беседу со Шрёдером, напечатанную в «Цайт»: Die Zeit. 1999. 4. Feb.

¹⁷ Цит. по: Hartung K. Übergangsregierung oder Regierung des Übergangs // Merkur. 1999. Н. 7. S. 622.

¹⁸ См.: Markovits A. S., Reich S. Das deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht. Berlin, 1998.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

7. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОШЛОГО ВМЕСТО РЕВОЛЮЦИИ

Вместе с переломом, обозначенным концом «длинной волны», наступил момент, когда впервые появилась возможность сделать историю и элементы, достижения и пределы преодоления прошлого в ФРГ предметом научной рефлексии. Только теперь, спустя более пятидесяти лет после краха нацистского режима, можно более отстраненно и систематически рассмотреть, как ФРГ разбиралась с наследием национал-социализма. Одновременно, скорее всего по случайному совпадению, в результате волны демократизации начала 1990-х гг. перед целым рядом новых демократических государств встала задача принять решение насчет обращения с наследием режима-предшественника, и уже поэтому опыт ФРГ в обращении с нацистским прошлым стал пользоваться повышенным вниманием. В этой главе сделана попытка систематизировать и подытожить опыт ФРГ и на его основе предложить концепцию, которая может оказаться полезной для сравнительного анализа переходов от диктатуры к демократии.

Преодоление прошлого и демократизация

Сегодня уже нельзя сказать, что преодоление прошлого – специфическая проблема ФРГ и имеет отношение только к нацистскому прошлому. Это верно разве только в том смысле, что ФРГ в обращении с компрометирующим прошлым и наследием преступного режима, по всей видимости, имеет больше опыта и является единственной страной, на формирование образа которой в чужих и собственных глазах более пяти десятилетий решающее влияние оказывала полемика с этим прошлым. В последние годы становилось все яснее, что вопрос преодоления прошлого входит в общий контекст радикального политического преобразования. Необходимость справляться с наследием прошлого возникает всюду, где осуществляется внезапный переход от недемократических, автократически-диктаторских режимов к демократической политической системе. Под преодолением прошлого следует понимать совокупность действий и знания, определяющих

поведение новой демократической системы относительно недемократического государства-предшественника. Речь идет о вопросе, как новоиспеченная демократия обращается со структурным, персональным и ментальным наследием прежнего режима, и какое место запятанная история занимает в ее самоидентификации и политической культуре.

В таком определении преодоление прошлого является темой, которая играла и играет важную роль во время четырех волн демократизации XX в.¹ Первая волна наблюдалась после Первой мировой войны, когда, например, в Германии и Австрии конституционную монархию сменила республиканская форма правления. Для стабильности и нестабильности Веймарской республики большое значение имел вопрос, насколько старые политические и функциональные элиты сохранят ведущие позиции и будут ли сломаны старые структуры, например в отношениях между армией и политикой. Политическому менталитету Веймарской республики от начала и до конца принадлежало главное место в споре о том, кто несет ответственность за развязывание войны и поражение Германии. Пущенная в оборот вскоре после войны легенда об ударе в спину служит удручающим примером политики мифологизации в области истории и менталитета, имевшей самые пагубные последствия для политической культуры Веймарской республики. Военные и политические элиты сумели отвлечь внимание от собственной несостоятельности и вновь с успехом претендовать на лидерство, с помощью мифа о солдате-фронтовике опять удалось склонить все общество к героизации войны, насилия и жертвенности, – и это предопределило фиаско первой немецкой демократии. В данной связи совершенно неудачным преодолением прошлого можно назвать также уголовное преследование военных преступлений немцев, которого союзники потребовали в Версальском договоре. Процессы, начатые под германской юрисдикцией в Лейпцигском имперском суде, не только окончились ничем, но и вызвали в Германии град насмешек и издевательств над союзниками.

Вторая волна демократизации после 1945 г. представляла собой нечто вроде новой попытки после полного провала демократий в межвоенный период. Она захватила не только Германию, но также Италию и – при особых условиях – Австрию. Здесь победители более или менее настойчиво принуждали побежденных или освобожденных к демократизации и побуждали к преодолению прошлого.

¹ См.: Beyme K. von. Systemwechsel in Osteuropa. Frankfurt a. M., 1994. S. 11 ff.

О третьей волне демократизации путем смены системы можно говорить применительно к Южной Европе (Португалия, Испания) и Латинской Америке. В этих случаях вопросы преодоления прошлого также играли решающую роль, правда, ответы на них давались совершенно разные. В Испании, например, после смерти Франко в качестве первого шага в направлении демократии в 1976 г. была объявлена всеобщая амнистия за политические преступления. Такую форму национального примирения и политического нового начала одинаково положительно восприняли и поддержали и левые, и правые². Все полагали, что верные слуги диктатуры тоже могут вести себя как демократы, а худшие преступления Франко совершены слишком давно, чтобы кого-то за них наказывать³. В Южной Америке, например в Аргентине и Чили, вместо безнаказанности и забвения выбрали путь раскрытия истины, создавая комиссии, которые расследовали масштабы политического насилия и нарушений прав человека⁴.

Наконец, четвертую волну демократизации вызвал крах реального социализма в Центральной и Восточной Европе. К ней же относится особый случай перехода к демократии в Южной Африке. Эта волна идет на наших глазах, мы ее непосредственные современники.

Преодоление прошлого в связи с волнами демократизации не следует путать с тем обстоятельством, что рухнувшие системы и после своей гибели продолжают оказывать определенное воздействие и в значительной мере накладывают отпечаток на новые политические системы, которые, со своей стороны, рассматривают себя как отрицание предшественников. Этот факт хорошо известен: политические и общественные структуры, так же как устоявшиеся привычки, живучи и отнюдь не прекращают существовать, когда гибнет соответствовавшая им политическая система. Но, когда мы говорим о преодолении прошлого, имеются в виду те усилия, которые новые системы прилагают, чтобы вырваться из плена прошлого и попытаться начать все сначала. То есть речь идет не о краткосрочных или долгосрочных

² См.: Sotelo I. Vergangenheitsbewältigung: Spanien – ein unpassendes Beispiel // Vergangenheitsbewältigung 1945 und 1989 / hg. K. Sühl. Berlin, 1994.

³ См.: Rosenberg T. Die Rache der Geschichte. Erkundungen im neuen Europa. München; Wien, 1995. S. 458.

⁴ См.: Roniger L., Sznajder M. Menschenrechtsverletzungen in Argentinien: Kollektives Erinnern und Vergessen nach der Redemokratisierung // Amnestie oder Die Politik der Erinnerung in der Demokratie / hg. G. Smith, A. Margalit. Frankfurt a. M., 1997.

последствиях исторических событий, а о комплексе мер и инициатив, призванных положить конец продолжающейся и оцениваемой отрицательно власти прошлого. Это всегда связано с обсуждением вопроса вины и ответственности, как в юридическом, уголовно-правовом, так и в политическом, нравственном или метафизическом смысле⁵. Объявление амнистии не составляет исключения. Амнистии свидетельствуют не об освобождении от ответственности, а только о намерении отказаться от наказания⁶.

Конкретные меры и способы преодоления прошлого весьма различны и многообразны. Это показывает уже поверхностный взгляд на новые демократии недавнего происхождения в Центральной и Восточной Европе, в Латинской Америке и Южной Африке. Сколько случаев смены системы, столько и стратегий обращения с прошлым: от подведения черты и амнистии до дисквалификации, уголовного преследования, люстрации или комиссий по выяснению истины. Эти различия не являются результатом произвольного, свободного выбора политических решений, а, со своей стороны, зависят от структур побежденных авторитарных или тоталитарных режимов, от длительности их существования, от тяжести и масштабов их преступлений, от того, каким способом им был положен конец (насильственным или переговорным путем, извне или изнутри), и от международного окружения⁷.

Если преодоление прошлого определяется в такой форме и относится к любой смене системы от диктатуры к демократии, тут же встает вопрос сравнимости. Уже само сочетание преодоления прошлого с четырьмя волнами демократизации вызывает упрек в чрезмерном

⁵ См.: Jaspers K. *Die Schuldfrage*. München, 1987; Schwan G. *Politik und Schuld. Die zerstörerische Macht des Schweigens*. Frankfurt a. M., 1997; Kohlstruck M. *Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen*. Berlin, 1997.

⁶ См.: Günther K. *Der strafrechtliche Schuldbegriff als Gegenstand einer Politik der Erinnerung in der Demokratie // Amnestie oder Die Politik der Erinnerung in der Demokratie*.

⁷ Политологические исследования трансформаций, которые интенсивно и в сравнительной перспективе занимаются главным образом третьей и четвертой волнами демократизации, до сих пор практически не интересовались вопросами преодоления прошлого. См., однако, недавние работы: Teitel R. G. *Transitional Justice*. Oxford, 2000; *Transitional Justice and the Rule of Law in New Democracies* / ed. A. J. McAdams. Notre Dame; London, 1997. См. также обширное собрание документов и материалов: *Transitional Justice. How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes*. 3 vols. Washington, DC, 1995.

сближении несопоставимых вещей. Действительно, кажется, будто сравнение способов преодоления прошлого волей-неволей нивелирует типы прошлого, о которых идет речь. В немецкой истории XX в., например, кайзеровская империя и Первая мировая война ставятся на одну доску с национал-социализмом и реальным социализмом.

Стандартный ответ на стандартное возражение гласит, что сравнение не следует путать с уподоблением: сравнение служит для того, чтобы определить общие черты и различия сравниваемых предметов и получить возможность четче распознавать их. Ответ в общем-то правильный, но упускает из виду, что выбор опорной величины тоже кое о чем говорит. Когда речь идет о преодолении прошлого, он говорит о наличии ясно данного «третьего члена сравнения» – смены системы на демократию. В этом случае все типы прошлого, при прочих различиях, объединяет то, что они предшествуют демократии. И схожи они только в данном отношении, а не «сами по себе».

Разумеется, логические трудности сравнения на этом не заканчиваются. Рассматривать их дальше мы здесь не будем. Важнее чистой логики простой факт, что при более поздних попытках преодоления прошлого всегда делаются выводы из прежнего опыта. Раз это так, значит, не только наблюдатели (ученые) обнаруживают связь между различными прошлыми и соответствующими попытками их преодоления, но и сами акторы преодоления прошлого устанавливают связи с прежним опытом других акторов. А уж те, кто анализирует различные способы преодоления прошлого, должны описать эти связи как можно точнее. Если они этого не сделают, то упустят из виду важную часть своего предмета.

Между тем существование истории преодоления прошлого, в ходе которой более поздние попытки являются реакцией на более ранние, заметнее всего в ФРГ. В вопросе о том, как обходиться с наследием ГДР, неизменно всплывал вопрос обращения ФРГ с нацистским прошлым. По этому поводу есть два прямо противоположных мнения. Одни утверждают, что суровость, с какой сегодня сводятся счёты с ГДР, по сути, призвана компенсировать недостатки дискуссии с нацистским прошлым. ФРГ хочет на новом объекте расправы наверстать упущенное после 1945 г., причем двойной мотив для этого дают нечистая совесть в отношении собственных достижений в «обработке» прошлого и чистая совесть в плане антикоммунизма.

Другие, наоборот, считают, что недостаточное преодоление прошлого национал-социализма мешает сейчас ФРГ по-настоящему преодолеть прошлое ГДР. Например, по мнению генерального прокурора Берлина Шефгена, органам юстиции ФРГ следовало бы налагать

более суровые наказания на судей из ГДР, но из-за неудовлетворительного преодоления нацистского прошлого это невозможно. Нельзя вести подобающим образом дела о вынесении неправосудных приговоров против судей ГДР, раз нацистские судьи в 1950-е гг. избежали ответственности за куда более тяжкие преступления⁸. Как бы там ни было, нам довольно констатации, что политика преодоления прошлого нигде больше не осуществляется без опоры на прецеденты, а учитывает опыт подобных усилий в других местах и в другие времена.

Что такое преодоление прошлого? Предложение концепции

В ФРГ много говорили и писали о преодолении прошлого. Таким образом, значимость этой темы сомнению не подлежит. Тем удивительнее, что до сих пор, несмотря на некоторые усилия в данном направлении⁹, нет широкой картины истории преодоления прошлого в федеративной республике, не говоря уже о концептах и анализе с целью обобщения и систематизации¹⁰. Авторы обычно ограничиваются тем, что отвергают понятие «преодоление прошлого» как неудовлетворительное, не заботясь о дальнейшем прояснении проблемы, понятий, значений и контекстов. Ниже я попытаюсь восполнить этот пробел, предлагая ряд систематизирующих и концептуальных рассуждений, которые должны разметить плохо просматриваемую, как и прежде, территорию данной темы.

Я выделяю цель, способы, уровни и акторов преодоления прошлого.

а) **Цель.** Цель преодоления прошлого состоит в том, чтобы не допустить его повторения и добиться настоящего политического нового начала. Она подразумевает необходимость иметь ясное представление о причинах и принципах действия прошлого, власти которого нужно положить конец. Простых ответов на этот вопрос не существует. Лепсиус показал, что, например, три госу-

⁸ См.: Der Tagesspiegel. 1996. 22. Dez.

⁹ Kielmansegg P. Lange Schatten. Vom Umgang der Deutschen mit der nationalsozialistischen Vergangenheit. Berlin, 1989; Bude H. Bilanz der Nachfolge. Die Bundesrepublik und der Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1992; Reichel P. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. München, 2001.

¹⁰ Работы Хельмута Кварича (Quaritsch H. Theorie der Vergangenheitsbewältigung // Der Staat. 1992. Н. 3; Idem. Über Bürgerkriegs- und Feind-Amnestien // Der Staat. 1992. Н. 4) ситуацию в целом не меняют.

дарства – преемника Германского рейха совершенно по-разному определили причины преодолеваемого прошлого и соответственно нашли разные методы обращения с этим прошлым¹¹. То же самое относится и к компрометирующему прошлому других стран. Издержки, которых потребует новое начало, зависят от конкретных обстоятельств, от структуры и длительности существования старого режима.

б) Способы. Чтобы грехи прошлого не поставили под угрозу новое начало, в целом можно выбирать (как я писал в предыдущей главе) из пяти способов: 1) упразднение скомпрометированных организаций; 2) наказание преступников; 3) дисквалификация скомпрометированных лиц; 4) реабилитация жертв и компенсация им ущерба; 5) общественная «обработка» прошлого.

в) Политические уровни. В конкретном определении и реализации способов участвуют три политических уровня:

1. Политическая система. Имеются в виду институциональные предписания, законы и нормы, инициативы и деятельность законодательных, правительственных и судебных органов, деятельность администрации.

2. Политическая культура. Здесь действует множество общественных группировок и организаций, которые участвуют в дискуссиях, процессах формирования сознания и воли: ученые, исследователи современной истории, церкви, университеты, средства массовой информации, профсоюзы, партии, общественные объединения и т. д.

3. Политический менталитет. Речь идет об эмпирически выявляемых взглядах, мнениях, настроениях и поведении населения по отношению к теме преодоления прошлого.

Каждый из трех уровней не замкнут на себе, а воздействует на другие политические уровни. Первый можно изучать средствами анализа политического поля; второй – анализировать с помощью классических методов критики источников и текстов; политический менталитет постигается благодаря опросам, следует привлекать также биографические исследования, «устную историю» и другие формы качественного социального исследования.

¹¹ Lepsius R. M. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des «Großdeutschen Reiches» // Kultur und Gesellschaft / hg. M. Haller et al. Frankfurt a. M.; New York, 1989.

г) **Актеры.** Три уровня преодоления прошлого не тождественны его актерам, они лишь обозначают поле их деятельности. Вопрос об индивидуальных актерах – отдельный аспект исследования, который вкратце можно сформулировать так: кто действует и говорит в сфере преодоления прошлого, чем они легитимируют свои действия и речи, в каком месте они действуют и говорят?

Тот факт, что актеры олицетворяют и мобилизуют совершенно разные опыт, идентификацию и интересы, во многих случаях является подоплекой резкой поляризации, которая постоянно наблюдается в дискуссиях по поводу прошлого и его преодоления. Простой вопрос из области социологии знания – кто, в каком месте и с каким представлением о себе говорит и действует? – важный ключ для освещения этой подоплеки. Им следовало бы заменить великий вопрос об истинном и ложном из области морали и теории познания.

Пояснения

Смысл, убедительность, целесообразность, спорность и ограниченность подобных определений невозможно рассмотреть здесь во всей полноте. Удовольствуюсь некоторыми пояснениями, которые относятся в основном к способам и цели, затрагивая политические уровни и акторов лишь вкратце.

а) О *цели* вряд ли можно спорить. Общеизвестно, что дискуссия с прошлым происходит в обществе, потому что оно либо не хочет отступать от прежнего курса, либо, наоборот, стремится выйти из-под его власти. В первом случае речь идет о подкреплении настоящего определенными традициями прошлого, и без лишних слов понятно, что такого рода отношение к истории очень полезно и целесообразно для формирования идентичности. И коллективы, и отдельные индивиды охотнее вспоминают прошлое, на которое можно оглядываться с гордостью, без вины и стыда, т. е. на периоды, не подвергающие сомнению, а упрочивающие их самооценку.

Данное обстоятельство повинно в том, что как индивиды, так и коллективы в случае расхождения представления о себе с историческими фактами, вместо того чтобы релятивировать представление о себе, манипулируют памятью, сближая таким образом прошлое с настоящим. Легенды приятнее действительности. Они не ставят под вопрос, а подтверждают представление о себе. В этом секрет их привлекательности. В них принципу желания практически не мешают действовать противоречащие ему наблюдения над

реальностью. Ницше в работе «По ту сторону добра и зла» четко обрисовал этот механизм: «Я сделал это – говорит моя память. Я не мог этого сделать – говорит моя гордость и непреклонно стоит на своем. В конце концов – память сдается»¹². Стремление перетолковать прошлое, приноровить его к политическим нуждам настоящего универсально. Когда подобная тенденция определяет содержание официальной политики, мы имеем дело с исторической политикой. Классический пример – Веймарская республика и насаждение легенды об ударе в спину.

Особый случай манипулятивного перетолкования истории представляет собой попытка сбросить бремя прошлого, запрещая вспоминать его. Такая процедура хорошо известна из истории политики. Наилучшим способом освободиться от власти запятнанного прошлого казалось отрицать, избегать, изгонять все, что хотя бы отдаленно могло о нем напомнить. Намерение начать что-то новое в истории часто сочеталось со стремлением изгладить из памяти старое. Логический парадокс, в силу которого требование забыть старое всегда одновременно означает воспоминание о старом, от применения подобной стратегии не удерживал. Но, возможно, именно по этой причине она, по всей видимости, никогда не приносила успеха. За запретом памяти, по принципу определения через отрицание, скрывается ясное осознание все еще действующей силы прошлого. Кажется, будто любое упоминание о старом угрожает новому. В этой стратегии, несомненно, есть что-то от магической практики.

Под преодолением прошлого понимается нечто иное. Здесь речь идет не о безрефлексивном или манипулятивном включении в историю, а, наоборот, о том, чтобы вырваться из плена негативно оцениваемого прошлого, разъясняя и «обрабатывая» его, привлекая к уголовной ответственности виновных в преступлениях и правонарушениях, дисквалифицируя другие скомпрометированные группы лиц. Ставится цель не присоединиться к непрерывной традиции, а отбросить ее, история не обеляется, а воспринимается реалистически. За этим стоит убеждение, что власть прошлого можно отрицать лишь после того, как встретишься с ним лицом к лицу, хорошенько представишь, раскроешь, покажешь и сделаешь доступным для неприкрашенных воспоминаний. Только знакомство с прошлым дает шанс от него избавиться.

¹² Nietzsche F. *Jenseits von Gut und Böse // Werke. Bd. III / hg. K. Schlechta.* Frankfurt a. M.; Berlin; Wien, 1972. S. 71.

Истоки таких рассуждений кроются в иудейском уважении к памяти¹³ и христианской связи прощения с признанием греха и вины¹⁴. Фрейд придал идее светский характер, осмыслил ее теоретически и приспособил для нужд терапии неврозов, связав с методом лечения. Согласно ей, общество и личность способны обрести уверенность и стабильность не только в восприятии окружающих, но и внутри себя, если знают о своем прошлом и актуальных последствиях прежних действий¹⁵.

После Второй мировой войны господствующим стало мнение, что только внимательное, неприкрашенное рассмотрение прошлого и наказание виновных в преступлениях помогут освободиться от его разрушительной власти. Каким образом это представление получило преобладание, как происходила криминализация действий государства в международном праве и повышалась значимость памяти, пока, насколько мне известно, никто не исследовал.

б) Для достижения цели решающее значение имеют пути, которыми к ней идут. Что касается *упразднения скомпрометированных организаций*, поначалу дело кажется простым и ясным: как правило, одна из первых мер после краха диктаторского режима – ликвидация преступных организаций и учреждений. Но в каждом конкретном случае, естественно, всегда идут споры о том, какие организации являются преступными и кто должен об этом судить.

На Нюрнбергском процессе была сделана попытка объявить определенные организации нацистского режима преступными в судебном порядке. При этом, однако, об их запрете речь не шла. Не суды, а союзники запретили нацистские организации (и их возможных преемниц) политическим путем. Обвинения против ряда организаций на Нюрнбергском процессе имели целью с помощью соответствующего вердикта дать оккупационным властям право предавать суду членов преступных организаций. Обычно считается, что организации можно упразднить или запретить, но не наказать – наказывают только их членов. Правда, тут же возникает вопрос, дает ли один факт членства

¹³ См.: Yeruschalmi J. H. Zachor: *Erinnere Dich! Jüdische Geschichte und jüdisches Gedächtnis*. Berlin, 1988.

¹⁴ См.: Arendt H. *Vita activa oder Vom tätigen Leben*. München; Zürich, 1958. S. 231 ff.

¹⁵ См.: Dubiel H. *Über moralische Souveränität, Erinnerung und Nation* // Merkur. 1994. Jg. 48. H. 546–547. S. 887.

в подобной организации достаточные основания для судебного преследования.

Немаловажный способ достижения цели – *уголовное преследование преступлений* и правонарушений старого режима. Проблемы при этом вначале те же самые, что и на всех уголовных процессах: кто преступник, в чем заключается преступление, как доказать, что преступник его совершил, и какую меру наказания избрать? Ответить на подобные вопросы в контексте преодоления прошлого чрезвычайно трудно. Ведь в данном случае речь идет не об «обычной», а о так называемой государственной преступности, т. е. о преступлениях, совершившихся от имени государства, по закону или приказу, и потому в момент совершения не противоречивших действующему позитивному праву. Именно поэтому идут ожесточенные споры о том, являются ли вообще деяния старого режима, например ГДР, преступлениями, т. е. наказуемыми нарушениями закона¹⁶. Решающую роль при этом играет дискуссия о запрете обратного действия законов, который в ФРГ занимает почетное место в ст. 103 конституции, зато, к примеру, в англосаксонской правовой традиции рассматривается совершенно иначе. Я показал это выше.

Споры вызывает уже сам вопрос возможности уголовных процессов по делам, связанным с государственной преступностью. Не меньше спорят и о том, насколько они полезны и необходимы. В пользу их проведения в целом выдвигаются четыре аргумента. Во-первых, судебные процессы служат для «обработки» прошлого, они способствуют обнародованию документов и вообще имеют просветительное значение. Во-вторых, они являются публичным свидетельством наступления новой эпохи, когда действуют иные нормы, нежели в прошлом. В-третьих, сторонники судебных процессов и наказаний надеются, что они произведут устрашающий эффект и предотвратят опасность рецидива. Наконец, в-четвертых, судебное преследование рассматривается как альтернатива мести и стихийному сведению счетов, т. е. средство, позволяющее цивилизованным способом найти выход из вечного круговорота насилия и мести.

Аргументы эти имеют очень разный вес. Оправдать проведение процессов на том основании, что они служат целям общего просвещения, довольно затруднительно. Конечно, судебные процессы часто

¹⁶ См., напр.: Naucke W. Die strafjuristische Privilegierung staatsverstärkter Kriminalität. Frankfurt a. M., 1996; Lüdersen K. Der Staat geht unter – das Unrecht bleibt? Regierungskriminalität in der ehemaligen DDR. Frankfurt a. M., 1992.

привлекают большое общественное внимание, провоцируют жаростные дебаты и столкновения. В истории преодоления прошлого в ФРГ они, безусловно, играют выдающуюся роль. Однако не стоит путать их с лекциями по истории. Историческое просвещение может быть сопутствующим эффектом судебных процессов, но отнюдь не целью. Исторические факты и исторические знания используются на суде лишь в той мере, в какой они необходимы для отнесения тех или иных действий на счет определенных ситуаций и лиц¹⁷. С криминологической точки зрения, это, несомненно, главное. Но, чтобы разъяснить данный вопрос, не обязательно нужны уголовные процессы. Для формирования исторического сознания было бы уместнее и перспективнее рассматривать его не в связи с процессами, на которых речь идет об индивидуальной виновности и невиновности, а в рамках общей дискуссии о коллективной постдиктаторской самоидентификации.

Не лучше обстоит дело и со вторым аргументом. Те, кто выступает за судебные процессы, потому что они публично демонстрируют новые нормы и законы в действии, уподобляют их показательным процессам. Если говорить о третьем аргументе, не мешает подумать о том, что опасность рецидива зачастую ничтожна уже в силу возраста обвиняемых. Но главное – надо помнить, что в лице такого рода преступности мы по определению имеем дело с системным беззаконием, т. е. с людьми, которые в большинстве случаев совершали преступления, лишь когда их побуждало к этому государство. Пока господствуют условия правового государства, никакой опасности они не представляют.

Остается последний аргумент, связывающий с судебными процессами восстановление общего политического порядка и цивилизующий эффект в целом. Преступники должны понести наказание, поскольку это единственный способ остановить круговорот насилия и мести. Проведение в жизнь юридических норм, благодаря которому восстанавливается нарушенный политический порядок и прерывается круговорот мести и насилия, является решающим вкладом в дело умиротворения общества, ибо только принцип политической справедливости и реставрации справедливого политического устройства позволяет пострадавшим от прошлых преступлений получить должное признание и удерживает их от самосуда.

¹⁷ См.: Günther K. Der strafrechtliche Schuldbegriff als Gegenstand einer Politik der Erinnerung in der Demokratie.

Похожие доводы в свое время приводила Ханна Арендт, оправдывая смертный приговор Эйхману: нельзя заставлять людей жить рядом с тем, кто отнял право на жизнь у части человечества и принимал самое активное участие в ее истреблении¹⁸. Ричард Голдстоун, в 1994–1996 гг. – главный обвинитель Гаагского международного трибунала по бывшей Югославии, недавно снова поднял на щит эту мысль. Общества, которые игнорировали и оставляли безнаказанными преступления против человечности и нарушения прав человека в своем прошлом, полагает он, заплатили за это тем, что не сумели прервать круговорот насилия и не дали политике проявить ее миротворческие качества¹⁹.

Помимо судебного преследования есть политическая возможность *дисквалификации скомпрометированных кругов лиц*, позволяющая «очистить» общественную жизнь постдиктаторских обществ от сторонников и представителей старого режима. Меры такого рода – увольнение, отстранение от должности, лишение гражданских прав – обычно направлены против статусной группы в целом и, в отличие от судебных процессов, не требуют доказательства индивидуального противоправного поведения. В Германии после 1945 г. дисквалификацию широко использовали союзники в рамках политики денацификации – ярким свидетельством служит директива Союзного контрольного совета № 24 от 12 января 1946 г. Затем пришел черед для подобных мер в процессе объединения двух Германий. Объединительный договор и закон о документах штази установили рамочные условия их применения.

Впрочем, и этот способ влечет за собой ряд побочных эффектов и проблем. Оффе убедительно показал их на примере трансформаций в Центральной и Восточной Европе²⁰. Следует, например, подумать об обиде и враждебной реакции пострадавших от него людей, которые могут подтолкнуть их к подрывной деятельности, направленной против нового политического устройства. В этом всегда заключалась проблема обращения с военными в Латинской Америке. Подобные методы также подозрительны, поскольку позволяют «за компанию» дискредитировать неугодных лиц и неугод-

¹⁸ Arendt H. Eichmann in Jerusalem. Ein Bericht von der Banalität des Bösen. Reinbek, 1987. S. 329.

¹⁹ См.: Goldstone R. J. Frieden und Gerechtigkeit – Ein unvereinbarer Gegensatz? // Amnestie oder Die Politik der Erinnerung in der Demokratie.

²⁰ Offe C. Der Tunnel am Ende des Lichts. Frankfurt a. M.; New York, 1994.

ные решения, и не исключена опасность, что у них найдутся рьяные сторонники и в будущем. Кроме того, нужно отметить нечеткость и произвольность применяемых критериев. Членство в какой-либо организации и статус далеко не всегда действительно говорят о поведении человека в прошлом. Наконец, мы имеем дело с огульным подходом, который явно нарушает принцип правового государства, требующий индивидуализированного доказательства вины, и возлагает бремя доказывания не на ту сторону. Обычно в условиях правового государства подозреваемый считается невиновным, пока его вина не доказана теми, кто его подозревает. Людям, подвергнутым дисквалификации, наоборот, приходится самим добиваться, чтобы с них сняли подозрения.

По этим причинам методы внесудебной дисквалификации весьма проблематичны. Тем не менее в процессе преодоления прошлого от них вряд ли когда-нибудь откажутся. Они, как ничто иное, наглядно демонстрируют, что с прошлым покончено и наступает новая эра новых людей.

Меры по *реабилитации жертв и компенсации им ущерба* носят не уголовно-правовой, а гражданско-правовой характер. Они касаются материальной стороны, но включают и символические способы выражения общественного признания и уважения, например путем отмены несправедливых приговоров. Проблема материальной компенсации состоит в том, что право на нее зачастую приходится доказывать в ходе затяжных, а порой и унижительных бюрократических процедур. Особенно нелепый и недопустимый характер дело принимает в тех случаях, когда вчерашние преследователи участвуют в принятии решений о компенсации за преследования. В истории ФРГ есть немало тому примеров. В области символической политики и в сфере признания тоже существует много трудностей и щекотливых моментов. Возвращающимся эмигрантам, оппозиционерам, участникам сопротивления нередко приходится бороться за признание. Постдиктаторским обществам они часто колют глаза своим существованием, поскольку являют собой наглядный пример возможности не приспособленческого, не оппортунистического поведения при диктатуре.

Меры по реабилитации и компенсации жертвам, по наказанию или дисквалификации преступников помимо индивидуальной направленности имеют общую цель ревизовать отношения между жертвами и преступниками. Статус жертв и преступников, преследуемых и преследователей, притесняемых и привилегированных, оппозиционеров и оппортунистов переопределяется заново, в их

отношении друг к другу устанавливается новый баланс, как с правовой и политической точек зрения, так и в широком поле общественных оценок в сфере политической культуры и политического менталитета.

Последний из рассматриваемых здесь способов, «*обработка*» *прошлого*, реализуется посредством общественной дискуссии. Изучение прошлого, выяснение его практик, механизмов и методов функционирования становятся элементами дискурса, в котором постдиктаторские общества дают себе отчет в своем понимании истории, а также в своих планах на настоящее и будущее²¹. Непосредственная цель при этом состоит в том, чтобы как можно сильнее делегитимировать старую систему. «Обработка» находит выражение в развитии культуры памяти с широкой сетью памятников, годовщин, музеев, выставок и издательских программ. Память нельзя внедрять прямыми политическими методами или регулировать в законодательном порядке. Как правило, процессы просвещения и саморефлексии, изменения политического сознания не предписываются и не поощряются указами. Можно, однако, косвенным образом создать политические и административные условия, благоприятные для «обработки» прошлого.

Пять способов преодоления прошлого, рассматриваемые здесь, неравнозначны и обычно не используются все одновременно. Их выбор и интенсивность реализации варьируют от случая к случаю. У некоторых из них есть ограничения по времени: судебное преследование, дисквалификация и компенсация должны осуществляться в период, хронологически достаточно близкий к низвергнутому режиму. Они имеют смысл лишь при жизни жертв и преступников. «Обработка» прошлого, напротив, таких ограничений не знает. Она может продолжаться и после того, как другие способы устареют. В ФРГ «обработка» достигла наибольшей интенсивности в момент, когда из-за увеличившейся временной дистанции с ней уже не были связаны прямые личные последствия для преступников, то есть прошлое из современной истории трансформировалось просто в историю.

в) Выделение различных политических уровней призвано показать, что в случае преодоления прошлого мы имеем дело с политическим полем, где действуют разные инстанции, каждая с собс-

²¹ См.: Wöll A. *Vergangenheitsbewältigung in der Gesellschaftsgeschichte der Bundesrepublik. Zur Konfliktlogik eines Streitthemas // Vergangenheitsbewältigung / hg. G. S. Schaal, A. Wöll. Baden-Baden, 1997.*

твенной логикой. Те меры и способы, выработка и регулирование которых находятся в компетенции *политической системы*, автоматически становятся предметом переговоров между партиями и общественными объединениями, зависят от соотношения влияния и сил, от внутреннего и внешнего давления. Подобно всем прочим вопросам, требующим решения, они представляют собой элемент, вокруг которого разгорается конкуренция партий за голоса, влияние и власть. Это приводит к тому, что в расчетах партий фигурируют, с учетом их интересов, и те, кто олицетворял старый режим, получал от него выгоду и все еще сохраняет приверженность ему. В демократиях, опирающихся на лояльность и одобрение населения, вряд ли мыслимо что-либо иное. Какие трудности возникают в связи с этим для новой демократии, убедительно демонстрируют ранняя история ФРГ и современная ситуация в Центральной и Восточной Европе.

Что касается суда, то проблему преодоления прошлого по праву можно назвать первым большим испытанием правового государства и независимости «третьей власти». С ней связан общий вопрос о значимости права и принципов правового государства в демократическом или демократизирующемся обществе. Кроме того, необходимо установить, может ли политическая деятельность вообще служить объектом уголовного преследования. Как правило, при этом затрагивается принципиальный вопрос о разнице между позитивным правом и понимаемой в категориях естественного права справедливостью, ответ на который в ФРГ после 1945 г. пыталась дать знаменитая формула Радбруха. Естественно, возникает и большая практическая проблема в связи с тем, что кадры органов юстиции в массе своей активно участвовали в незаконных действиях прежней диктатуры и, таким образом, на повестке дня правового преодоления прошлого должны стоять их собственные преступления. Суд ФРГ, к примеру, с задачей самоочищения и саморефлексии совершенно не справился.

В *политической культуре* вырабатываются стандарты полемики, на которые ориентируется демократическое общество. Доступ на рынок мнений в таком обществе, разумеется, формально свободен. В то же время спектр приемлемых политических позиций и при демократии ограничен. В хорошо функционирующих демократиях политическая общественность способна собственными средствами изгонять и подавлять нетерпимые политические мнения. В истории ФРГ это можно наблюдать на примере антисемитизма: на публичные проявления антисемитизма с самого начала было наложено

табу, и его нарушения всегда влекли за собой соответствующие последствия²².

В дебатах политической общественности в принципе все участвуют на равных. Речь в них идет не об обвинении или защите отдельных лиц, не об увеличении политической власти и политического влияния, а, в идеале, об истине и взаимопонимании. Таким образом, дебаты политической общественности отличаются от предвыборной борьбы и судебных прений. У обвиняемого, выступающего в суде, иные мотивы, чем у участника открытого и свободного дискурса. Цель обвиняемого, совершенно закономерно, заключается в том, чтобы избежать приговора, – просвещение и память его не интересуют. Противоположные позиции обвинителей и обвиняемых сталкиваются в суде по правилам уголовно-процессуальной процедуры, а не по правилам дискурсов, ориентированных на истину и взаимопонимание²³.

Согласно Хабермасу, к дискурсам, ориентированным на поиск истины и взаимопонимания, предъявляются жесткие требования. Их участники должны признавать друг за другом равные права, ставить себе целью достижение взаимопонимания (а не отстаивать, например, стратегические интересы) и, наконец, брать на себя личную ответственность за приводимые аргументы. Политическая общественность может вести отвечающие данным условиям дебаты по поводу прошлого, лишь когда политическая система уже сделала основную часть своей работы, то есть нужды в прямых действиях и решениях больше не существует.

Политическая культура не тождественна *политическому менталитету* или мнению населения. Высказывания человека на публике далеко не всегда согласуются с его сознанием, а его фактическое поведение может отличаться и от того, и от другого (см. гл. 5). Общепризнано, что политическая система наиболее стабильна, когда ее институты в максимальной степени отвечают субъективным взглядам. Но для перехода от диктатуры к демократии в большинстве случаев как раз характерно значительное расхождение между взглядами и политическими институтами. Проблема политического нового начала

²² См.: Bergmann W. Antisemitismus in öffentlichen Konflikten. Kollektives Lernen in der politischen Kultur in der Bundesrepublik 1949–1989. Frankfurt a M.; New York, 1997.

²³ См.: Ogorek R. Diskussionsbeiträge // Amnestie oder Die Politik der Erinnerung in der Demokratie. S. 237.

заключается в том, насколько этот факт мешает процессу демократизации и упрочению демократии.

г) Что касается конкретных акторов, то здесь существуют два самых общих, но дающих большие познавательные возможности критерия разграничения: во-первых, входят ли акторы в группу жертв и противников старого режима либо в группу преступников (или с какой из этих групп они себя идентифицируют), а во-вторых, к какому поколению их следует относить. Таким образом, на характер индивидуальных действий и высказываний акторов в сфере преодоления прошлого определяющее влияние оказывает ряд надындивидуальных условий. К примеру, для представителей поколения 1968 г. главное значение, бесспорно, имела нравственно-политическая полемика с нацистским прошлым родительского поколения²⁴, которая серьезно сказалась на их понимании политики. Сегодняшние молодые немцы так называемого третьего поколения в своем подходе к нацистскому прошлому явственно от них отличаются²⁵.

В связи с этим встает также вопрос передачи опыта времен национал-социализма потомкам, как со стороны преступников, так и со стороны жертв. Первостепенная проблема чаще всего заключается в том, как избежать опасности забвения, неизбежно возникающей при смене поколений. Данная тема рассматривалась и в художественной литературе, например в романе Эли Визеля «Забвение». Харальд Вайнрих сопровождает свой анализ романа замечанием: «Память, как узнает по собственному опыту рассказчик, в конечном счете так же индивидуальна, как жизнь. Тогда, может быть, и забвение имеет право на существование? Неужели оно действительно целиком стоит на стороне смерти или все-таки немножко и на стороне жизни?»²⁶ Таким образом, вопрос об акторах и их поколенческой принадлежности выливается в общую проблему взаимосвязи истории, воспоминания и памяти.

Преодоление прошлого вместо революции

Критике недостатков преодоления прошлого столько же лет, сколько длится само это преодоление. Правда, если посмотреть на

²⁴ См.: Bude H. Das Altern einer Generation. Die Jahrgänge 1938 bis 1948. Frankfurt a. M., 1995.

²⁵ См.: Kohlstruck M. Zwischen Erinnerung und Geschichte.

²⁶ Weinrich H. Lethe, Kunst und Kritik des Vergessens. München, 1997. S. 235.

историю ФРГ, можно увидеть, что со временем критика становилась частью критикуемого. Она влияла на преодоление прошлого, изменяла его и постоянно придавала ему новый импульс.

Наиболее основательная причина критики заключается в несоответствии между мерами по преодолению прошлого и тем страшным прошлым, на последствия которого эти меры направлены. Если Освенцим представляет собой нечто единственное в своем роде и абсолютное, то любая форма «обработки» недостаточна, поскольку может быть лишь конечной, а не абсолютной.

Эта «конститутивная несоразмерность»²⁷ неустраима. Прагматичной формой реакции на нее является темпорализация, растяжение во времени и попытка усиления соответствующих мер. Радикальной реакцией – требование стихийной, кровавой чистки и расправы, отсутствие которых в Германии после 1945 г. якобы очень повредило ФРГ. Длительные, формализованные, законосообразные процедуры преодоления прошлого, с данной точки зрения, считаются совершенно недостаточными и бесполезными, как их ни усиливай. Политическое новое начало, политический учредительный акт должен быть радикальным и насильственным – великим актом освобождения, одним ударом убирающим старое и расчищающим место новому.

То, в чем сторонники подобной позиции видят недостижимый идеал, другим кажется кошмаром, к которому политика преодоления прошлого чересчур близка. Польский специалист по государственному праву Виктор Осятынски говорит: «Каждой революции приходится решать три вопроса. Во-первых, как быть с королем? Во-вторых, как быть с придворными? И третий, самый трудный – как быть с обманутыми ожиданиями населения? И тогда новых вождей осеняет: погодите-ка! У нас же есть еще не гильотинированный король... И снова идет революция. Сделать однозначный выбор между подведением черты и охотой на ведьм, амнистией и амнезией, справедливостью и местью зачастую вообще невозможно»²⁸.

Из этих рассуждений следует, что проблема преодоления прошлого входит в контекст истории революций. По словам Ханны Арндт, в XX в. революция заменила войну в роли средства свержения существующего политического строя²⁹. Война отжила свое как политический инструмент. На ее место пришла революция. Войны оправдываются

²⁷ Kohlstruck M. Der Umgang mit dem Nationalsozialismus. Zu einigen neueren Untersuchungen // Politische Vierteljahresschrift. 1997. S. 346.

²⁸ Цит. по: Rosenberg T. Die Rache der Geschichte. S. 18.

²⁹ Arendt H. Über die Revolution. München, 1963. S. 9 ff.

необходимостью, революции – стремлением к свободе. Связь между ними зиждется на насилии.

Вероятно, сегодня нам следует добавить, что и революция как политический инструмент и, вместе с тем, мерило критики отжила свое. На ее место в качестве своего рода искусственной революции приходят затратные и длительные процессы преодоления прошлого, берущие на себя задачи, которые, как считалось раньше, спонтанно и, так сказать, между делом решаются в ходе революций. В сравнении с «настоящими» революциями попытки в законном порядке и в соответствии с принципами правового государства свести к минимуму власть прошлого и влияние старого режима, естественно, выглядят не такими эффектными и героическими. Но, может быть, в конечном счете они окажутся не только более рациональными, но и более успешными.

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Aly G. Macht Geist Wahn. Kontinuitäten deutschen Denkens. Frankfurt a. M., 1999.
- Amnestie oder Die Politik der Erinnerung in der Demokratie / hg. G. Smith, A. Margalit. Frankfurt a. M., 1997.
- Arning M. Späte Abrechnung. Über Zwangsarbeiter, Schlußstriche und Berliner Verständigungen. Frankfurt a. M., 2001.
- Bergmann W. Antisemitismus in öffentlichen Konflikten. Kollektives Lernen in der politischen Kultur der Bundesrepublik 1949–1989. Frankfurt a. M.; New York, 1997.
- Bergmann W., Erb R. Antisemitismus in der Bundesrepublik Deutschland. Ergebnisse der empirischen Forschung von 1946–1989. Opladen, 1991.
- Brochhagen U. Nach Nürnberg. Vergangenheitsbewältigung und Westintegration in der Ära Adenauer. Hamburg, 1994.
- Broszat M. Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. München, 1988.
- Bude H. Bilanz der Nachfolge. Die Bundesrepublik und der Nationalsozialismus. Frankfurt a. M., 1992.
- Der historische Ort des Nationalsozialismus / hg. W. H. Pehle. Frankfurt a. M., 1990.
- Deutsche Historiker im Nationalsozialismus / hg. W. Schulze, O. G. Oexle. Frankfurt a. M., 1999.
- Dubiel H. Niemand ist frei von der Geschichte. München; Wien, 1999.
- Engagierte Demokraten. Vergangenheitspolitik in kritischer Absicht / hg. C. Fröhlich, M. Kohlstruck. Münster, 1999.
- Frei N. Vergangenheitspolitik. München, 1996.
- Geschichtswissenschaft und Öffentlichkeit. Der Streit um Daniel J. Goldhagen / hg. J. Heil, R. Erb. Frankfurt a. M., 1998.
- Habermas J. Die Normalität einer Berliner Republik. Frankfurt a. M., 1995.
- Haug W. F. Der hilflose Antifaschismus. Frankfurt a. M., 1967.
- Herf J. Zweierlei Erinnerung. Die NS-Vergangenheit im geteilten Deutschland. Berlin, 1998.

- Holocaust. Die Grenzen des Verstehens. Eine Debatte über die Besetzung der Geschichte / hg. H. Loewy. Reinbek, 1992.
- Jaspers K. Die Schuldfrage. München, 1987.
- Jeismann M. Auf Wiedersehen Gestern. Die deutsche Vergangenheit und die Politik von morgen. München, 2001.
- Kielmansegg P. Lange Schatten. Vom Umgang der Deutschen mit der nationalsozialistischen Vergangenheit. Berlin, 1989.
- Klee E. Was sie taten – Was sie wurden. Ärzte, Juristen und andere Beteiligte am Kranken- und Judenmord. Frankfurt a. M., 1986.
- Kohlstruck M. Zwischen Erinnerung und Geschichte. Der Nationalsozialismus und die jungen Deutschen. Berlin, 1997.
- Lepsius R. M. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des «Großdeutschen Reiches» // Kultur und Gesellschaft / hg. M. Haller et al. Frankfurt a. M.; New York, 1989.
- Levy D., Sznajder N. Erinnerung im globalen Zeitalter: Der Holocaust. Frankfurt a. M., 2001.
- Lübbe H. Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewußtsein // Historische Zeitschrift. 1983. Bd. 236.
- Markovits A. S., Reich S. Das deutsche Dilemma. Die Berliner Republik zwischen Macht und Machtverzicht. Berlin, 1998.
- Mitscherlich A., Mitscherlich M. Die Unfähigkeit zu trauern. München, 1967.
- Novick P. Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord. Stuttgart; München, 2001.
- Politische Säuberung in Europa / hg. K.-D. Henke, H. Woller. München, 1991.
- Reichel P. Politik mit der Erinnerung. München; Wien, 1995.
- Reichel P. Vergangenheitsbewältigung in Deutschland. München, 2001.
- Schneider M. Den Kopf verkehrt aufgesetzt oder Die melancholische Linke. Darmstadt; Neuwied, 1981.
- Schneider P. Extreme Mittellage. Eine Reise durch das deutsche Nationalgefühl. Reinbek, 1990.
- SchorNSTheimer M. Bombenstimmung und Katzenjammer. Vergangenheitsbewältigung, Quick und Stern in den 50er Jahren. Köln, 1989.
- Schwan G. Politik und Schuld. Die zerstörerische Macht des Schweigens. Frankfurt a. M., 1997.

- Transitional Justice. How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes / ed. N. Kreil. 3 vols. Washington, DC, 1995.
- Vergangenheitsbewältigung am Ende des zwanzigsten Jahrhunderts / hg. H. König, M. Kohlstruck, A. Wöll. Opladen; Wiesbaden, 1998.
- Verwandlungspolitik. NS-Eliten in der westdeutschen Nachkriegsgesellschaft / hg. W. Loth, B.-A. Rusinek. Frankfurt a. M.; New York, 1998.
- Welzer H., Moller S., Tschuggnall K. «Opa war kein Nazi». Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis. Frankfurt a. M., 2002.
- Wissenschaft im geteilten Deutschland. Restauration oder Neubeginn nach 1945? / hg. W. H. Pehle, P. Sillem. Frankfurt a. M., 1992.

СОДЕРЖАНИЕ

Постановка вопроса, понятия, тезисы	5
I. Федеративная Республика Германия и национал-социалистическое прошлое	11
1. Линии развития	13
II. Девяностые годы	39
2. Немецкое единство и немецкое прошлое	41
3. Запрет обратного действия	61
4. Дело Шнайдера/Шверте	73
5. Гольдхаген и немцы	102
6. Берлинская республика, или Будущее нацистского прошлого	122
III. Заключение	139
7. Преодоление прошлого вместо революции	141
Избранная литература	161

Научное издание

Кёниг Хельмут

БУДУЩЕЕ ПРОШЛОГО
Национал-социализм в политическом сознании ФРГ

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*

Корректор *Н. А. Самсонова*

Лицензия ЛР № 066009 от 22.07.98. Подписано в печать 23.07.2012

Формат 60x90 ¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,5.

Тираж 1000 экз. Заказ 5901

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция); тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Хельмут Кёниг (р. 1950) – изучал историю, политологию и философию в Мюнхене и Берлине. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1989 г. – докторскую. С 1994 г. профессор Института политологии при Рейнско-Вестфальском техническом университете в Аахене.

Основные работы: «Цивилизация и страдания. Массы в буржуазную

эпоху» (1992); «Замятое прошлое. Дело Шверте и национал-социалистическое прошлое немецкой высшей школы» (ред. совместно с В. Кульманом и К. Швабе, 1997); «Дело Шверте в контексте» (ред., 1998); «Преодоление прошлого в конце XX в.» (ред. совместно с М. Кольштруком и А. Вёллем, 1998); «Ориентация политической науки. Что она может, чего она хочет» (1999). Х. Кёниг является членом редакции журнала «Левиафан».

272.06

РОСПЭН